

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

DOAJ
seal

2023 | 16+

ISSN 2713-1688 (print)
ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Том 5 № 2

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Vol. 5 No. 2

Этническая культура

Международный научный журнал
Том 5, № 2 | 2023

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомиться со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

- Этнография, этнология и антропология:**
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография
 - 5.6.1. Отечественная история

- Языки и литературы народов мира:**
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
 - 5.9.2. Литературы народов мира
 - 5.9.4. Фольклористика
 - 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
 - 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

- Этнокультурные проблемы образования:**
- 5.8.1. Общая педагогика, истоки педагогики и образования
 - 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Обзоры и рецензии

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, г. Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОРРЕКТОР:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Камчаткина Мария Сергеевна

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-10495
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com . Свободная цена.
Типография	Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047 Печать цифровая. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 8,37. Заказ К-1149. Тираж 100 экз.
Подписано в печать	09.06.2023
Дата выхода в свет	15.06.2023

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Vol. 5 No. 2 | 2023

Ethnic Culture is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

Ethnography, Ethnology and Anthropology:

- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
- 5.6.1. Russian history

World languages and literature:

- 5.9.1 Russian literature and literature of peoples of the Russian Federation
- 5.9.2 Literature of the peoples of the world
- 5.9.4 Folklore studies
- 5.9.5 Russian language. Languages of peoples of Russia
- 5.9.8 Theoretical, applied and comparative-contrastive linguistics

Ethno-Cultural Problems of Education:

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of professional education

Reviews and Peer-Reviews

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philological sciences, associate professor, rector, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

PROOF-READER:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

COMPUTER LAYOUT:

Maria S. Kamchatkina

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (The certificate of printed edition registration: ПИ №ФС77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-10495
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal address	75 Grazhdanskaya St., office12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Offset paper. Format 60×84 1/8. Conditional printed pages 8,37. Order K-1149. Circulation 100 copies.
Signed in the print	09 June 2023
Date of publication	15 June 2023

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Данильченко Галина Дмитриевна, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связи с общественностью, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Журавлева Евгения Александровна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Иноятов Сулейман Иноятович, д-р ист. наук, профессор кафедры национальной идеологии, основ духовности и правового воспитания, Бухарский государственный университет, г. Бухара, Республика Узбекистан

Королева Вера Владимировна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой «Второй иностранный язык и методика обучения иностранному языку», Педагогический институт Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация

Лобачевская Ольга Александровна, д-р искусствоведения, профессор кафедры культурологии, Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Республика Беларусь

Масанори Гото, доктор гуманитарных наук (Ph.D., Human Science, Osaka University, 2003), профессор, научный сотрудник Центра славянских исследований Хоккайдского университета, г. Хоккайдо, Япония

Салмин Антон Кириллович, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Соегов Мурадгелди, д-р филол. наук, профессор, действительный член – академик Академии наук Туркменистана, внештатный научный консультант Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан

Стрелец Михаил Васильевич, д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук, Брестский государственный технический университет, г. Брест, Республика Беларусь

Хамидова Марфуа Азизовна, д-р искусствоведения, профессор кафедры академического пения и оперной подготовки Государственной консерватории Узбекистана, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Шарифов Рахмонали Ятимович, д-р ист. наук, доцент, и. о. профессора кафедры истории древнего мира, средневековья и археологии, декан факультета истории Таджикского национального университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Яниоэло Мария Александровна, д-р пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Комратский государственный университет, г. Комрат, Республика Молдова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Алдошина Марина Ивановна, д-р пед. наук, профессор, директор центра по взаимодействию с Российской академией образования, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация

Бакула Виктория Борисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Российская Федерация

Берман Андрей Геннадьевич, канд. ист. наук, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация

Брагина Дария Григорьевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник отдела этносоциальных и этноэкономических исследований, Академия наук Республики Саха (Якутия), г. Якутск, Российская Федерация

Бушуева Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Владыкина Татьяна Григорьевна, д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела филологических исследований, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация

Годовова Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Давлетишина Лейла Хасановна – д-р филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Давыдов Денис Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ, г. Казань, Российская Федерация

Джунджужов Степан Викторович, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

Карпушина Лариса Павловна, д-р пед. наук, профессор кафедры художественного и музыкального образования, Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация

Китинов Баатр Учэевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Краюшкина Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация

Куцаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Лиходкина Ирина Александровна, д-р филол. наук, доцент кафедры французского языка, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Матлин Михаил Гершенович, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Российская Федерация

Мосина Наталья Михайловна, д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация

Напольнова Елена Марковна, д-р филол. наук, старший преподаватель кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник мировой литературы гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл)

Панькин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Прохоров Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Рахманов Бахтиёр Рузикулович, д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы Российско-Таджикского (Славянского) университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Сапожникова Юлия Львовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация

Сарбашева Алена Мустафаевна, д-р филол. наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Сафина Лилиана Михайловна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой русистики, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), г. Москва, Российская Федерация

Сивкина Наталья Юрьевна, д-р ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор кафедры дошкольного и специального образования, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация

Темербекова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

Узденова Фатима Таулановна, д-р филол. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Ульмасова Замирахон Хабибуллоевна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой современной таджикской литературы, Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова, г. Худжанд, Республика Таджикистан

Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор кафедры методологии и управления образовательными системами, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Эльбзудкаева Тамара Умаровна, д-р ист. наук, первый заместитель генерального директора, Музей Чеченской Республики, заведующая отделом истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Российская Федерация

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация

Юша Жанна Монгеевна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация

Ягафова Екатерина Андреевна, д-р ист. наук, заведующая кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

EDITORIAL COUNCIL:

Galina D. Danilchenko, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of advertising and public relations of the Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Republic of Kyrgyzstan

Evgenia A. Zhuravleva, doctor of philological sciences, professor, head of the department of theoretical and applied linguistics, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Sulaymon I. Inoyatov, doctor of historical sciences, professor of the department of national ideology, fundamentals of spirituality and legal education at Bukhara State University (Uzbekistan), academician at Turon Academy of sciences, academician at "International Teacher's Training Academy of Science", Bukhara, Republic of Uzbekistan

Vera V. Koroleva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the department "Second foreign language and methods of teaching foreign languages", Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

Olga A. Lobachevskaya, doctor of art history, professor of the department of cultural studies of The Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus

Goto Masanori, doctor of humanities (Ph.D., Human Science, Osaka University, 2003), professor, research fellow of Hokkaido University, Hokkaido, Japan

Anton K. Salmin, doctor of historical sciences, leading research scientist Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Myratgeldi Soyegov, doctor of philological sciences, professor, full member-academician of the Academy of Sciences of Turkmenistan, visiting research adviser at Makhtumkuli Institute of Language, Literature and National Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan

Mikhail V. Strelets, doctor of historical sciences, professor of the department of humanities of Brest State Technical University, Brest, Republic of Belarus

Marfua A. Khamidova, doctor of art history, professor of the department of academic singing and opera training at The State Conservatory of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Rakhmonali Ya. Sharifov, doctor of historical sciences, associate professor, acting professor of the department of history of the ancient world, the middle ages and archaeology, dean of the faculty of history of the Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Mariya A. Yanioglo, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of pedagogy and psychology of State University of Comrat, Comrat, Republic of Moldova

EDITORIAL BOARD:

Marina I. Aldoshina, doctor of pedagogic sciences, professor, director of the Center for Interaction with the Russian Academy of Education of the Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation

Viktoria B. Bakula, doctor of philological sciences, professor, head of the department of philology and media communications, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation

Andrey G. Berman, candidate of historical sciences, head of the department of national and universal history, Chuvash I. Ya. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation

Daria G. Bragina, doctor of historical sciences, chief research fellow of the department of ethnosocial and ethnoeconomical research, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russian Federation

Lyubov I. Bushueva, candidate of art history, senior research fellow of art history, Chuvash State Institute of Humanities of the Ministry of Education and Youth of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Tatyana G. Vladykina, doctor of philological sciences, professor, leading research fellow of Philological Research Department, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russian Federation

Elena V. Godovova, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Leila K. Davletshina, doctor of philological sciences, academic secretary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Denis V. Davydov, doctor of historical sciences, professor of the department of sociology, political science and management, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI, Kazan, Russian Federation

Stepan V. Dzhunjuzov, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of Russian history, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Alena M. Ivanova, doctor of philological sciences, dean of the faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism, I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation

Larisa P. Karpushina, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of art and music education, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, Saransk, Russian Federation

Baatr U. Kitinov, doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Krayushkina, doctor of philological sciences, leading research fellow, head the Center for the Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of the Ural-Altai languages department, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Irina A. Likhodkina, doctor of philological sciences, associate professor of the Department of French, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Mikhail G. Matlin, doctor of philological sciences, professor of Russian language, literature and journalism department, Ilya Ulyanov State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russian Federation

Natalya M. Mosina, doctor of philological sciences, professor of the department of English for professional communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Elena M. Napolnova, doctor of philological sciences, senior lecturer of the departments of Turkic philology of the Institute of Asian and African countries, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation

Bailak Ch. Oorzhak, doctor of philological sciences, leading research fellow at the Tuva Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl)

Arkadiy B. Pankin, doctor of pedagogical sciences, professor, head of chair, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Dmitriy A. Prokhorov, doctor of historical sciences, senior research fellow, associate professor of the department of documentation and archival science, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Bahtiyor R. Rakhmanov, doctor of philological sciences, professor of the Department of World Literature of the Russian-Tajik Slavonic University of Dushanbe, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Yulia L. Sapozhnikova, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of English Language, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

Alena M. Sarbasheva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the sector of Karachay-Balkar Literature of the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Liliana M. Safina, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of Russian Studies, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russian Federation

Natalia Yu. Sivkina, doctor of historical sciences, associate professor of the department of history of the ancient world and the middle ages of the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Klavdiya I. Sultanbaeva, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of preschool and special education, N.F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russian Federation

Albina A. Temerbekova, doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

Fatima T. Uzdenova, doctor of philological sciences, senior research fellow at the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Zamirakhon Kh. Ulmasova, doctor of philological sciences, professor, head of chair of Modern Tajik Literature, Khujand State University named after Academician B. Gafurov, Khujand, Republic of Tajikistan

Svetlana N. Fyodorova, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of methodology and management of educational systems, Mari State University, honoured educator of the Mary-El Republic, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of humanities and socio-economic disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus Department of PPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

Tamara U. Elbuzdukaeva, doctor of historical sciences, first deputy general director, Museum of the Chechen Republic, head of department of the history of the peoples of the North Caucasus of the Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Alfiya Sh. Yusupova, doctor of philological sciences, professor of the department of general linguistics and turkology, Institute of philology and Intercultural Communication of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Zhanna M. Yusha, doctor of philological sciences, lead research fellow of Laboratory of Verbal Cultures of the Peoples of Siberia and the Far East of the Institute of Philology of the SB of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Ekaterina A. Yagafova, doctor of historical sciences, head of the department of philosophy, history and theory of world culture, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

От редактора	7

Этнография, этнология и антропология

Научные статьи

Социальная автономия в тувинском этносе (экспериментальный подход социальной оценки малых сообществ)	8
<i>В. А. Гневашева</i>	
Обряд сёрен в чувашских селениях Республики Башкортостан: традиции и современные локальные особенности	15
<i>И. Г. Петров</i>	

Обзорная статья

Краеведческие организации в изучении и сохранении родного языка и этнокультуры чувашей в 1920 годы	22
<i>Т. С. Сергеев, Е. В. Агаева</i>	

Языки и литературы народов мира

Научные статьи

Лингвостилистическая и литературоведческая интерпретация новеллы С. Цвейга «Гувернантка» на сюжетно-персонажном уровне	30
<i>И. Б. Акиншина, С. В. Слепцова, О. В. Кузьмина</i>	
Онтологические модели пословиц как прецедентных текстов (на материале разноструктурных моделей в русском и чувашском языках)	38
<i>А. Р. Губанов, Е. А. Кожемякова, Г. Ф. Губанова</i>	

Обзорная статья

Языковая репрезентация концепта «market» в атрибутивных конструкциях (на материале британского публицистического текста)	43
<i>В. В. Королева, М. С. Румянцева</i>	

Научные статьи

Времена года в русской поэзии удмуртского поэта В. Ар-Серги	48
<i>Е. В. Пантелеева</i>	
Чувашские былички: содержательный компонент	53
<i>Е. В. Федотова</i>	
Общие экстралингвистические факторы, усиливающие специфику чебоксарского региолекта русского языка	61
<i>Э. В. Фомин</i>	

Этнокультурные проблемы образования

Обзорная статья

Метапредметный подход к преподаванию географии на примере изучения быта эскимосов	66
<i>Г. С. Самигуллина</i>	

CONTENTS

From the editor-in-chief	7

Ethnography, Ethnology and Anthropology

Research Articles

Social autonomy in the Tuvan ethnic group (experimental approach of social assessment of small communities).....	8
<i>Vera A. Gnevasheva</i>	

The rite seren in the Chuvash villages of the Republic of Bashkortostan: traditions and modern local features	15
<i>Igor G. Petrov</i>	

Review Article

Local history organizations in the study and preservation of the native language and ethnoculture of the Chuvash in the 1920s.....	22
<i>Tikhon S. Sergeev, Ekaterina V. Agaeva</i>	

World languages and literature

Research Articles

Linguistic-stylistic and literary interpretation of S. Zweig’s short story “Governess” at the plot and character level.....	30
<i>Inna B. Akinshina, Svetlana V. Sleptsova, Oxana V. Kuzmina</i>	

Ontological Models of Proverbs as Precedent Texts (on the Material of Different Structural Models in the Russian and Chuvash Languages).....	38
<i>Aleksei R. Gubanov, Ekaterina A. Kozhemiakova, Galina F. Gubanova</i>	

Review Article

Linguistic representation of the concept “market” in attributive structures (based on the British publicistic text).....	43
<i>Vera V. Koroleva, Marina S. Rumyantseva</i>	

Research Articles

Seasons in the Russian-language writing of the Udmurt poet V. Ar-Sergi	48
<i>Evgeniia V. Panteleeva</i>	

Chuvash mystical stories: content component	53
<i>Elena V. Fedotova</i>	

General extralinguistic factors reinforcing specific ideas about the Cheboksary regiolect of the Russian language.....	61
<i>Eduard V. Fomin</i>	

Ethno-Cultural Problems of Education

Review Article

Metasubject approach to teaching geography on the example of studying the life of the Eskimos	66
<i>Galina S. Samigullina</i>	

Дорогие авторы и читатели!

Дорогие авторы и читатели!

В новом выпуске нашего журнала опубликованы статьи, посвященные различным вопросам истории, языка и культуры: фольклорному наследию этносов, историко-лингвистическим и этнокультурным аспектам функционирования этнических языков.

Традиционно мы публикуем результаты исследований, основанных на междисциплинарных связях с социологией, демографией, политологией, культурологией, психологией и образованием. Так, статья В. А. Гневашевой посвящена выявлению характера социальной автономии в контексте тувинского этноса – национального сообщества, обладающего собственной социальной историей, специфическими традиционными ценностями и особенными национальными культурами.

В этом номере целый ряд статей так или иначе связан с историей и культурой чувашского народа. Например, в статье И. Г. Петрова приводятся интересные результаты полевых материалов автора, собранных в чувашских селениях Республики Башкортостан. Статья Т. С. Сергеева и Е. В. Агаевой знакомит с ролью краеведческих организаций в изучении и сохранении языка и культуры

чувашей. В статье Е. В. Федотовой анализируются тексты чувашских быличек, записанных с конца XIX по начало XXI вв. в чувашских селениях Волго-Уралья. Э. В. Фомин приводит интересные факты влияния чувашского языка на звучание речи жителей города Чебоксары. Особенностью работы, в которой авторы А. Р. Губанов, Г. Ф. Губанова, Е. А. Кожемякова анализируют русские и чувашские пословицы, является междисциплинарный подход, применяемый авторами на стыке лингвокультурологии и лингвокогнитологии.

Анализу художественных текстов национальных авторов посвящены работы И. Б. Акиншиной, С. В. Слепцовой, О. В. Кузьминой, Е. В. Пантелеевой.

Интересные идеи по применению метапредметного подхода к преподаванию географии на примере изучения жизни эскимосов предлагает Г. С. Самигуллина.

Редакция и редколлегия выражают искреннюю благодарность всем внешним экспертам журнала «Этническая культура», которые поделились своим профессиональным мнением о публикуемых материалах. Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают авторам и читателям крепкого здоровья, новых научных открытий и творческих свершений! Пусть трудолюбие, искренность, профессионализм позволяют решать самые сложные задачи, покорять любые вершины!

С искренними пожеланиями

Баскакова Н. И.,

ректор Чувашского государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

A FOREWORD FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Dear authors and readers!

In the new issue of our journal we publish articles devoted to various issues of history, language and culture: the folklore heritage of ethnic groups, historical, linguistic and ethno-cultural aspects of the functioning of ethnic languages.

Traditionally, we publish the results of studies based on interdisciplinary connections with sociology, demography, political science, cultural studies, psychology, and education. For example, V. A. Gnevasheva's article is devoted to identifying the nature of social autonomy in the context of the Tuvan ethnos - a national community with its own social history, specific traditional values, and particular national cults.

In this issue a number of articles are in some way related to the history and culture of the Chuvash people. For example, the article by I. G. Petrov provides interesting results of the author's field materials collected in the Chuvash villages of the Republic of Bashkortostan. An article by T. S. Sergeev and E. V. Agaeva present the role of local history organizations in the study and preservation of the Chuvash language and culture. The article by E. V. Fedotova analyzes texts of Chuvash bylichkas that were written down in Chuvash villages of the Volga-Ural region from the late 19th century till early 21st century. E. V. Fomin provides interesting facts of the influence of the Chuvash language on the speech of the citizens of Cheboksary. The peculiarity of the work, in which the authors A. R. Gubanov, G. F. Gubanova, E. A. Kozhemyakova analyze Russian and Chuvash proverbs, is the interdisciplinary approach, which the authors apply at the interface of linguoculturology and linguocognitology.

The works of I. B. Akinshina, S. V. Sleptsova, O. V. Kuzmina, and E. V. Panteleeva are devoted to the analysis of the fiction texts of national authors.

G. S. Samigullina offers interesting ideas on the application of a meta-disciplinary approach to teaching geography by studying the life of Eskimos.

Editorial staff and editorial board express our sincere gratitude to all external experts of the "Ethnic culture" journal, who shared their professional opinion on published materials. Editorial council, academic staff and Chuvash State Institute of Culture and Arts' authorities wish the authors and the readers good health, new scientific discoveries and creative achievements! May industriousness, sincerity and professionalism aid you in solving the hardest tasks and to conquer any summits!

With sincere wishes

Natalia I. Baskakova,

rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

Социальная автономия в тувинском этносе (экспериментальный подход социальной оценки малых сообществ)

<https://doi.org/10.31483/r-105827>
УДК 316.6:347.61:311(571.52)

Гневашева В. А.

Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН)
г. Москва, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-3596-661X>, e-mail: vera_cos@rambler.ru

Резюме. В работе на тувинском материале рассматривается проблема одиночества. Цель исследования – выявление общественных аспектов социальной автономии. В исследовании ставятся задачи детерминации общественных предпосылок социальной автономии в контексте роли семьи как малой социальной группы и ее социальной функции в формировании социальной включенности индивида с последующим становлением собственных социальных взаимосвязей, семейных ориентиров и семейных конструктов. Ставится научно-исследовательская задача определить специфику, степень и характер выраженности социальной автономии в контексте тувинского этноса как примера национального сообщества, обладающего собственной социальной историей, специфическими традиционными ценностями, особенными национальными культурами семьи, детей, спецификой понимания социальных ролей членов семьи. В результате полученных данных, были проведены статистические оценки зависимости основных переменных, которые способствуют одиночеству либо наоборот – снижают его риски. При изучении корреляционных оценок причин одиночества в выборе респондентов и их ответов на вопрос о ближайшем круге общения видно, что при отсутствии собственной семьи респонденты часто видят причины одиночества в отсутствии любимого дела либо в самом человеке, тогда как наличие семьи формирует для респондентов сферу занятости и побуждает их быть максимально вовлеченными в вопросы семьи и детей, тем самым нивелируя все возможные причины ощущения одиночества. Исследование позволяет сделать вывод о значимости собственной семьи и детей в тувинском этносе. Присутствие родового, культурного, исторического понимания семьи, детей в жизни респондентов отражает общественную направленность и социальную центрированность на присутствие именно данного социального поля как определяющего для большинства респондентов.

Ключевые слова: тувинский этнос, социальная автономия, социальное одиночество, семья, социальные сети.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта №22–28–01980 «Социальное одиночество: моделирование новых семейных конструктов».

Для цитирования: Гневашева В.А. Социальная автономия в тувинском этносе (экспериментальный подход социальной оценки малых сообществ) // Этническая культура. 2023. Т. 5, № 2. С. 8–14. DOI 10.31483/r-105827. EDN KVTSXB

Research Article

Social autonomy in the Tuvan ethnic group (experimental approach of social assessment of small communities)

Vera A. Gnevasheva

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-3596-661X>, e-mail: vera_cos@rambler.ru

Abstract. In the work on the Tuvan material, the problem of loneliness is considered. The purpose of the study is to identify the social aspects of social autonomy. The study sets the task of determining the social prerequisites for social autonomy in the context of the role of the family as a small social group and its social function in the formation of the social inclusion of the individual with the subsequent formation of their own social relationships, family guidelines and family constructs. The research task is to determine the specifics, degree and nature of the manifestation of social autonomy in the context of the Tuvan ethnos as an example of a national community that has its own social history, specific traditional values, special national cults of the family, children, specific understanding of the social roles of family members. As a result of the data obtained, statistical estimates were made of the dependence of the main variables that contribute to loneliness or vice versa – reduce its risks. When studying the correlation estimates of the causes of loneliness in the choice of respondents and their answers to the question about the closest social circle, it can be seen that in the absence of their own family, respondents often see the causes of loneliness in the absence of a favorite thing or in the person himself, while the presence of a family forms for the respondents the sphere of employment and encourages them to be as involved as possible in the issues of family and children, thereby leveling all possible causes of feeling of loneliness. The study allows us to draw a conclusion about the importance of one's own family and children in the Tuvan ethnic group. The presence of a generic, cultural, historical understanding of the family, children in the lives of the respondents reflects the social orientation and social focus on the presence of this particular social field as defining for the majority of the respondents.

Keywords: Tuvan ethnos, social autonomy, social loneliness, family, social networks.

Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian science foundation as part of the research project No 22-28-01980 “Social loneliness: modeling new family constructs”.

For citation: Gnevasheva V.A. (2023). Social autonomy in the Tuvan ethnic group (experimental approach of social assessment of small communities). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(2), 8–14. EDN: KVTSXB. <https://doi.org/10.31483/r-105827>.

Введение

Социальное одиночество (социальная автономия) определяется в исследовании как степень и характер включенности индивида в общественные взаимосвязи разного социального уровня.

Проблемы построения социальных сетей и определения социальной автономии сводятся к характеристике особенностей межличностных социальных взаимодействий и в первую очередь в семье, как малой социальной группе. Изменение сущности такого социального явления, как социальная автономия, ведет к трансформации сетевых взаимодействий субъектов, в том числе и в рамках малой социальной группы, к трансформации понимания семьи как социальной группы и ее значения в социальном становлении индивида, к изменению конструкта семейных и межличностных отношений.

В соответствии с целью в исследовании на примере отдельного сообщества решаются задачи эмпирической оценки понятий социального одиночества и социальной автономии, структурно определяется социальная автономия на примере этноса, характеризуется степень и характер социальной включенности, а также детерминируются социальные уровни максимального включения, делаются выводы о значимости семьи в конструкте социального формирования индивида и развития социальных взаимосвязей. Цель исследования – выявить национальные особенности социальной автономии в тувинском сообществе.

Материал и методы исследования

Исследование основано на накопленном теоретическом опыте в части определения понятия социальной включенности, социальной автономии, социального конструирования.

Многие исследователи сходятся в утверждении, что одиночество как социально-философский феномен в самом общем приближении связано с переживанием человека степени его вовлеченности в сообщество людей, семью, социальную реальность, макросоциальные пространства [Alwin, Converse, Martin, 1988; Putnam, 2000, с. 58; Klinenberg, 2012, с. 36]. В связи с этим возникает необходимость понять, оценить, описать и проанализировать степень вовлеченности, нарушение которой приведет к поведенческому отклонению, вызванному повышенным чувством социальной автономии, к побуждению внутренне, а в исключительных случаях и внешне вступать в социальный диссонанс с социальным окружением в том числе и на базовом социальном уровне – на уровне семьи, пытаясь трансформировать традиционный конструкт семьи в адаптивные формы.

Введенный в 1950 г. американскими социологами термин «одинокая толпа» стал признаком и нашего времени [Riesman, Glazer, Denney, Sennett, 2020]. Социальное одиночество отражает социальное противление индивида, развитие индивидуального конфликта с социальной традицией, трансформацию социального позиционирования «я», изменение социальных полей и собственной включенности в них, трансформацию собственно социальной идентификации и как следствие построение собственных, новых социальных

конструктов, начиная с базовых социальных уровней: уровня семьи и ближайшего социального окружения.

Исследования показывают, что социальное одиночество отличается от социальной изоляции и отражает субъективное восприятие индивидом недостатков в его или ее сети социальных отношений¹. Эти недостатки могут быть количественными (например, отсутствие достаточного количества друзей) или качественными (например, отсутствие близости с другими).

Согласно отдельным исследованиям [Hughes, Walter, 1981], существует общее ядро социальных переживаний, представляющих социальное одиночество. То есть важно определить, что общего в социальных трансформациях, которые формируют общую конструкцию социальной автономии.

Альтернативная точка зрения, заключается в том, что существуют два или более качественно различных типа одиночества [Keming, 2019, с. 64]. Согласно этой точке зрения, конструкция одиночества исключительно субъективна, и субъективные переживания одиночества у разных людей будут совершенно разными.

В исследовании предполагается перейти на уровень социальных взаимосвязей, определив степень включенности индивида в социальные поля, актуальность трансформации социальной роли семьи и предпосылки изменения традиционной модели семьи в силу возможной утраты устойчивых социальных связей с данным социальным институтом формирования социальной причастности и социальной включенности индивида.

Эмпирической базой выступают результаты исследования тувинского этноса (N = 154, выборка случайная, генеральная совокупность 332,5 тыс. человек, уровень репрезентативности при доверительном интервале 0,95–384 человека, метод исследования – электронное анкетирование на платформе Yandex form). Исследование проведено при поддержке национальной общины «Тувинское землячество в Казани», а также Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан.

Основные методы, использованные в исследовании, – эконометрические и методы социологического анализа, метод детерминационного анализа, факторный анализ, методы регрессионного моделирования: построение парных и множественных линейных регрессий нормального и логнормального распределения на основе панельных данных с оценкой описательной статистики. Использование комплекса методов должно позволить системно выявить и описать эконометрические взаимосвязи между переменными, выявить зависимые и независимые переменные, детерминировать характер и степень их взаимодействия.

Научно-исследовательской новизной определяется применение методологии построения социальных сетей на примере отдельного этноса и выявление особенностей формирования социальной автономии.

Результаты исследования и их анализ

По оценкам исследователей, семья и семейно-родственные отношения являются крайне важной ценно-

1 Cacioppo J. T., William P. Loneliness: Human nature and the need for social connection. New York : W. W. Norton & company. 2008. 264 p.

стью тувинского сообщества. Однако демографические изменения последних лет, связанные с ухудшением основных демографических показателей, а именно: снижение показателей рождаемости, увеличение показателей смертности, уменьшение количества регистри-

руемых браков и рост количества разводов, определяют необходимость эмпирической оценки института семьи, выявление влияния существующих внешних изменений, изменений социальных полей на формирование и структуру семьи (табл. 1, диаграмма 1).

Таблица 1. Показатели естественного движения в Республике Тыва (2003–2020)
Table 1. Indicators of natural movement in the Republic of Tyva (2003–2020)

Показатели естественного движения населения	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Число родившихся, человек	8262	8478	8266	8111	7921	7492	7372	7009	6537	6046	6654
Число умерших, человек	3566	3403	3471	3399	3419	3252	3116	2782	2856	2704	3084
Естественный прирост, убыль (-) населения, человек	4696	5075	4795	4712	4502	4240	4256	4227	3681	3342	3570
Общий коэффициент рождаемости, на 1000 человек населения	26,8	27,5	26,7	26,1	25,3	23,8	23,2	21,9	20,2	18,6	20,2
Общий коэффициент смертности, на 1000 человек населения	11,6	11,0	11,2	10,9	10,9	10,3	9,8	8,7	8,8	8,3	9,4
Общий коэффициент естественного прироста, убыли (-), на 1000 человек населения	15,2	16,5	15,5	15,2	14,4	13,5	13,4	13,2	11,4	10,3	10,8
Суммарный коэффициент рождаемости	3,03	3,25	3,35	3,42	3,49	3,39	3,35	3,19	2,97	2,72	2,97

Тенденции естественного движения населения также хорошо видны на диаграмме 1: с 2000 по 2020 гг. чис-

ло родившихся и умерших в республике сохраняется на неизменном уровне.

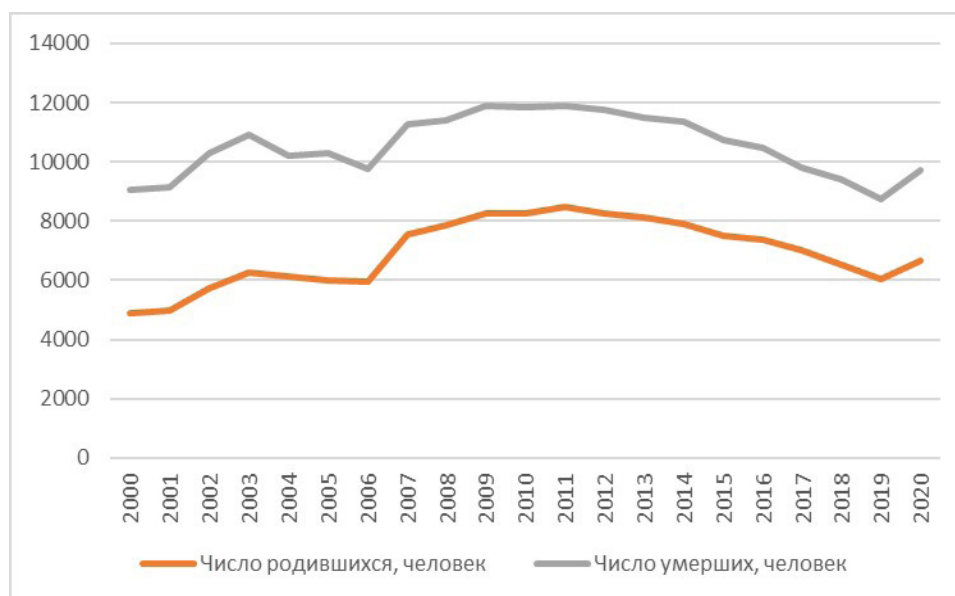

Диаграмма 1. Показатели естественного движения в Республике Тыва (2003–2020)²
Diagram 1. Indicators of natural movement in the Republic of Tyva (2003–2020)

Как отмечается в ряде исследований на современном этапе развития общества «в семьях этноса тыва выделяются те же проблемы, что и в большинстве других регионов России. Среди них противоречие между потребностями и реальными доходами членов семьи;

необходимость улучшения своего материального положения; возможность (точнее, невозможность) дать детям хорошее образование; усложнение моральных проблем семьи, связанных с совмещением женщиной профессиональных интересов и ролей жены и матери; высокий

² Диаграмма основана на данных Управление федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва, см.: <https://krasstat.gks.ru/folder/45814>.

уровень разводов, растущее число неполных семей, матерей-одиночек; распространение алкоголизма и, наконец, проблема выбора системы ценностей, на которой должна базироваться семья, особенно в условиях социально-экономической нестабильности» [Товуу, 2001, с. 8].

Исследователь З. Ю. Доржу отмечает, что современная тувинская семья сталкивается с кризисами, в частности, он выделяет проблему матерей-одиночек, пишет о непрочности современных браков, отмечает отчасти утрату культурных и нравственных семейных традиций [Доржу, 2008].

По данным социолога В. С. Кана в период 2007–2009 гг. доля детей, родившихся у матерей, которые не состояли в зарегистрированном браке, составляла 61 процент, а значит в тот период была значима проблема увеличения матерей-одиночек, а также количества незарегистрированных браков. Сегодня, спустя 10–15 лет дети того поколения будут формировать собственное понимание семьи, будут строить собственные модели семей, и, конечно, период их социального взросления, социальное окружение скажется и на моделировании собственных брачных отношений, что на самом деле не является детерминированным трендом, и может быть обращено как за, так и против современного им социального конструкта семьи и брака.

Психолог Н. О. Товуу пишет: «Среди тувинцев стали появляться неполные семьи, чего прежде не могло быть в принципе. В отсутствие мужа женщина стала одна заниматься воспитанием детей... Изменились и

роли в семье, а бразды правления в свои руки взяли женщины»³. Одной из причин автор называет социальную глобализацию, инициированную и усиленную в том числе и средствами массовой информации.

Другой исследователь, Б. А. Мышлявцев, отмечает внутреннюю трансформацию тувинской семьи, в особенности городской, свидетельствует об изменении поведенческих ролей супругов и границ их обязанностей, при этом он подчеркивает разрушение системы традиционных семейных ролей, утрату четких представлений о роли и статусе мужа и жены. На смену традиционным гендерным ролевым представлениям приходят личностные различия и особенности [Мышлявцев, 2002].

Исходя из представленных позиций, исследование ставит своей задачей описание феномена социального одиночества в тувинском обществе на основе проведенного опроса, выявление особенностей понимания данного феномена в рамках рассматриваемой национальной группы и определение сетевой модели представленного сообщества.

Результаты исследования позволяют получить ряд оценок комплексного характера для более полного понимания сетевого социального взаимодействия в тувинском этносе. Отвечая на вопрос о своем ближайшем окружении (вопрос предполагал множественный выбор), респонденты наиболее популярными позициями определили: я, мой муж / моя жена и дети (40%); я и мои друзья (43%) (диаграмма 2).

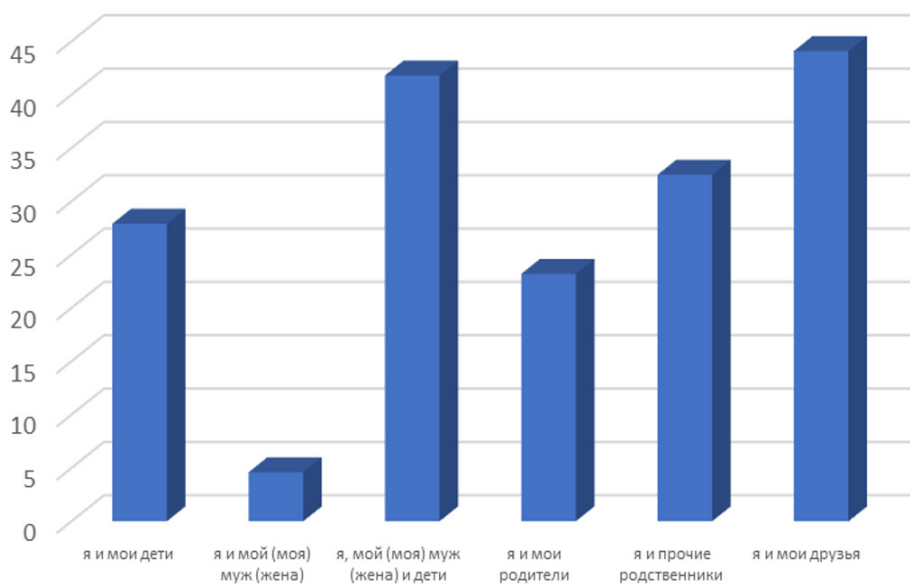

Диаграмма 2. Ваше ближайшее окружение (в %)

Diagram 2. Your immediate environment (in %)

Корреляционные оценки выбора ближайшего окружения (табл. 2) отражают высокую степень корреляции между позициями «я и мои родители» и «я и мои друзья» и наименьшую степень корреляции позиций «я, мой муж / моя жена и дети» и «я и мои дети». Тем самым подчеркивается, что при отсутствии собственной семьи респонденты активно взаимодействуют прежде

всего с родителями, но наравне с ними и со своими друзьями, расширяя социальное поле активных коммуникаций. Между тем при наличии семьи опрашиваемые, как правило, стремятся к рождению детей, определяя свою семью как неразрывную связь родителей (себя и своего мужа / жены) и своих детей.

³ Товуу Н. О. Жить в семье – это наука // Новые исследования Тувы. URL : <http://www.tuva.asia/news/tuva/4172-semya-nauka.html> (дата обращения : 05.09.2021).

Таблица 2. Корреляционные оценки респондентами их ближайшего окружения
Table 2. Correlation estimates by respondents of their immediate environment

Варианты ответов	я и мои дети	я и мой муж / моя жена	я, мой муж / моя жена и дети	я и мои родители	я и прочие родственники	я и мои друзья
я и мои дети	1					
я и мой муж / моя жена	-0,13741	1				
я, мой муж / моя жена и дети	-0,42283	-0,18741	1			
я и мои родители	-0,09704	0,139818	-0,02076	1		
я и прочие родственники	0,120938	0,082209	-0,18716	0,2049	1	
я и мои друзья	-0,03156	0,248229	0,004415	0,50784	0,281216	1

При рассмотрении ответов на вопрос «Чувствуют ли респонденты себя одинокими?» при выборе позиции «нет, никогда» в регрессионной взаимосвязи с ответами на вопрос о ближайшем окружении (табл. 3) важно иметь в виду, что наличие у респондентов собственной семьи, включающей жену / мужа и детей, многократно

снижает ощущение одиночества ими в своей повседневной жизни. При этом подчеркнем, что для рассматриваемого этноса понятие, наличие и присутствие семьи как единства родителей и детей является крайне важным в целях обеспечения их социальной устойчивости и социального благополучия.

Таблица 3. Регрессионные оценки выбора позиции «нет, никогда» при ответе на вопрос «Чувствуете ли Вы себя одинокими?» и позиций выбора при ответе на вопрос «Ваш ближайший круг общения»
Table 3. Regression estimates of the choice of the position “no, never” when answering the question “Do you feel lonely?” and the choice positions when answering the question “Your closest social circle”

Описательная статистика	Y (Чувствуете ли Вы себя одинокими? –Нет, никогда)
R ²	0,21
R _{adj}	0,11
F _{знач}	0,093
Ваш ближайший круг общения:	
X ₁ (я и мой муж / моя жена)	0,220 (0,350)
X ₂ (я и мой муж / моя жена и дети)	0,402** (0,149)
X ₃ (я и мои родители)	0,278 (0,195)
X ₄ (я и прочие родственники)	0,110 (1,610)
X ₅ (я и мои друзья)	0,205 (0,174)

В таблице 3 представлены статистические оценки значимости выбираемых позиций респондентов. Переменными X₁-X₅ представлены соответствующие ответы выбора, отмеченные в скобках при каждой переменной. Переменная Y является определяемой. В корреляционных оценках мы пытаемся оценить, насколько ощущение одиночества зависит от ближайшего окружения респондента. Переменная Y задается одним из ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы себя одинокими?» при выборе позиции: «Нет, никогда». Показатели R², R_{adj}, F_{знач} позволяют определить степень значимости рассчитанной корреляционной зависимости. В частности, мы можем сказать, что позиция «Чувствуете ли Вы себя одинокими? при ответе «Нет, никогда» в 20 процентах случаев определяется ближайшим окружением респондентов, т. е. теми позициями, которые представлены переменными X₁-X₅. Для каждой переменной рассчитан коэффициент зависимости соответствующей позиции ближайшего окружения, в скобках при каждом коэффициенте представлены показатели стандартной ошибки

для каждого коэффициента, что позволяет оценить степень их значимости. Отдельно символом (**) отмечается наиболее значимый коэффициент, при уровне значимости 95 процентов, что в частности позволяет утверждать, что респонденты, проживающие в полной семье, представленной мужем / женой и детьми, в гораздо меньшей степени ощущают одиночество, нежели респонденты, имеющие иное близкое окружение, и подобная зависимость будет выполняться в 95 процентах случаев.

Изучение корреляционных оценок причин одиночества в выборе респондентов и их ответов на вопрос о ближайшем круге общения свидетельствует, что в отсутствии собственной семьи респонденты часто видят причины одиночества в отсутствии любимого дела либо в самом человеке, тогда как наличие семьи формирует для респондентов сферу занятости и побуждает их быть максимально вовлеченными в вопросы семьи и детей, тем самым нивелируя все возможные причины ощущения одиночества (табл. 4).

Таблица 4. Корреляционные оценки причин одиночества, по мнению респондентов, и выбора позиций при ответе на вопрос «Ваш ближайший круг общения»

Table 4. Correlation estimates of the causes of loneliness, according to respondents, and the choice of positions when answering the question “Your closest circle of communication”

Варианты ответов	я и мой / моя муж / жена	я, мой / моя муж / жена и дети	я и мои родители	я и прочие родственники	я и мои друзья
нечем заняться	-0,12949	-0,06533	-0,19658	-0,06613	0,014976
нет друзей	-0,10559	-0,1634	0,019739	0,05042	0,176311
нет любимого дела	0,157824	-0,20481	0,258045	0,008511	0,348017
причина в самом человеке	0,17002	-0,02948	0,19599	0,22684	0,394288
нет семьи	-0,09739	0,1366	0,055483	-0,17195	0,115049

Определяя социальную автономию тувинского общества, можно выделить ряд социальных полей разного уровня по степени представленности в обществе, подчеркнув при этом определенную межуровневую и внутри уровневую структуризацию. Наибольшим социальным доминированием присутствия в сообществе обладает социальное поле «я, мой муж / жена и дети», внутри которого можно отметить также включенные значимые социальные поля: я и мои родители, я и прочие родственники.

Второе по распространенности социальное поле «я и мои дети» имеет наибольшую внутреннюю атомизацию, дифференцируется по присутствию и значимости родственников, мужа / жены в жизни респондентов. Социальное поле «я и мои родители» включает внутри активное взаимодействие с прочими родственниками и друзьями. Менее значимое по популярности распространения, но также сегментированное по характеру направленности внутренней социальной активности взаимодействия выступает социальное поле «я и мой / моя муж / жена» с включением тесного общения как с прочими родственниками, так и с собственными родителями. Присутствуют в сообществе и отдельные, централизованные социальные поля с выраженной значимостью иных социальных групп как групп ближайшего окружения респондентов, в частности, друзей или прочих род-

ственников, находящихся в постоянном социальном взаимодействии с респондентами.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о значимости собственной семьи и детей в тувинском этносе. Присутствие культурного, исторического понимания семьи, детей в жизни респондентов отражает общественную направленность и социальную централизованность на присутствие именно данного социального поля как определяющего для большинства респондентов. Однако исследование показало также и достаточно большие группы тех, кто на момент проведения исследования находился в непосредственном социальном взаимодействии с собственными родителями и друзьями. Процент присутствия данной условно агрегированной нетипичной для рассматриваемого национального этноса группы не мал (около 40 %), вместе с тем именно данная группа выступает группой социального риска по критерию устойчивости социального самочувствия и социального благополучия. Управленческие решения социальной акцентуации значимости семьи и детей в сохранении, становлении и социальном развитии членов тувинского сообщества могут исключительно способствовать сохранению традиционных культурных ценностей семьи, детей, а вместе с тем сохранения и культурной устойчивости национального сообщества.

Список литературы

- Доржу З. Ю. Женщины Тувы: от прошлого к будущему. Кызыл : Издательство Тувинского государственного университета, 2008. 184 с.
- Мышлявцев Б. А. Современная Тува – нормативная культура (конец XX – начало XXI вв.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.07. Новосибирск, 2002. 207 с. EDN QDUVXB
- Товуу Н. О. Психологические характеристики семьи этноса тыва. Москва : Государственный университет управления, 2001. 210 с.
- Alwin, D. F., Converse, P. C., Martin, S. M. Living arrangements and social integration // Journal of marriage and the family. 1988. №2. P. 319–334.
- Hughes, M., Walter G. Living alone, social integration, and mental health // American journal of sociology. 1981. №1. P. 48–74.
- Yang, K. Loneliness: a social problem (routledge advances in sociology). London : Routledge, 2019. 240 p. <https://doi.org/10.4324/9781315148410>
- Klinenberg, E. Going solo: the extraordinary rise and surprising appeal of living alone. New York : Penguin Books. 2012. 290 p.
- Putnam, R. Bowling alone: the collapse and revival of American community. New York : Simon & Shuster. 2000. 541 p.
- Riesman, D., Glazer, N., Denney, R., Sennett, R. The lonely crowd: a study of the changing American character. New Haven ; London : Yale University Press. 2020. 376 p.

References

- Dorzhu Z. Yu. (2008). *Zhenshchiny Tuvy: ot proshlogo k budushchemu*. Izdatel'stvo Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Myshlyavcev B. A. (2002). *Sovremennaya Tuva – normativnaya kul'tura (konec XX – nachalo XXI vv.) : dissertaciya... kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.07*. EDN: [QDUVXB](https://elibrary.ru/qduvxb)
- Tovuu N. O. (2001). *Psihologicheskie karakteristiki sem'i etnosa tyva*. Gosudarstvennyj universitet upravleniya.
- Alwin, D. F., Converse, P. C., & Martin, S. M. (1988). Living arrangements and social integration. *Journal of marriage and the family*, 2, 319–334.
- Hughes, M., & Walter G. (1981). Living alone, social integration, and mental health. *American journal of sociology*, 1, 48–74.
- Yang, K. (2019). *Loneliness: a social problem (1st ed.)*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315148410>
- Klinenberg, E. (2012). *Going solo: the extraordinary rise and surprising appeal of living alone*. Penguin Books.
- Putnam, R. (2000). *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. Simon & Shuster.
- Riesman, D., Glazer, N., Denney, R., & Sennett, R. (2020). *The lonely crowd: a study of the changing American character*. Yale University Press.

Информация об авторе

Гневашева Вера Анатольевна, доктор экономических наук, руководитель отдела Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3596-661X>;
e-mail: vera_cos@rambler.ru

Information about the author

Vera A. Gnevasheva – Dr. Sci. (Econ.), Head of Department of Institute of Demographic Research - a separate subdivision of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (IRD FRSC RAS), Moscow, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3596-661X>;
e-mail: vera_cos@rambler.ru

Поступила в редакцию 22.03.2023

Принята к публикации 06.05.2023

Опубликована 24.05.2023

Received 22 March 2023

Accepted 06 May 2023

Published 24 May 2023

Обряд сёрен в чувашских селениях Республики Башкортостан: традиции и современные локальные особенности

<https://doi.org/10.31483/r-106625>
УДК 398.33(470.57)(=470.344)

Петров И. Г.

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН
г. Уфа, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-8664-3004>, e-mail: ipetrov62@yandex.ru

Резюме. В статье рассмотрены вопросы современного бытования очистительного обряда весеннего цикла сёрен у чувашей, проживающих на территории Республики Башкортостан. Указанная тема еще не становилась объектом научного изучения, чем и обуславливается актуальность данной работы. Цель исследования – изучение локальных особенностей обряда, а также процессов его трансформации на современном этапе, задачи – анализ историографии вопроса в научной литературе, общая характеристика сущности и содержания ритуала, его локальных проявлений в различных районах проживания чувашей, роли обряда в ритуальной практике. Исследование проведено с использованием принципов историзма, объективности, системности, конкретности, а также специальных методов полевой этнографии – включенного наблюдения и интервью. Работа основана на полевых материалах автора, собранных в 2002–2004, 2020, 2022 гг. в чувашских селениях западных, юго-западных, центральных и южных районов республики. Результаты исследования показали, что обряд сёрен за последние десятилетия претерпел значительные изменения. В большинстве населенных пунктов он полностью выпал из обрядовой жизни и остался в памяти старожиллов, в других он подвергся редукции, сократился в масштабах и продолжает свое бытование как жизненно важный ритуал. Последнее, вероятно, обусловлено устойчивостью традиционных религиозных представлений среди чувашей региона, что иногда способствуют ситуативному воспроизводству обряда в разных сельских сообществах.

Ключевые слова: чувашы, Республика Башкортостан, обрядовая культура, очистительный обряд сёрен, локальные варианты и особенности.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках Государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2024 гг.

Для цитирования: Петров И.Г. Обряд сёрен в чувашских селениях Республики Башкортостан: традиции и современные локальные особенности // Этническая культура. 2023. Т. 5, № 2. С. 15-21. DOI 10.31483/r-106625. EDN MITSIR

Research Article

The rite seren in the Chuvash villages of the Republic of Bashkortostan: traditions and modern local features

Igor G. Petrov

R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies of Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0001-8664-3004>, e-mail: ipetrov62@yandex.ru

Abstract. The article deals with the issues of modern existence of the cleansing rite of the spring cycle sёren among the Chuvash living on the territory of the Republic of Bashkortostan. This topic has not yet become an object of scientific study, which determines the relevance of this work. The purpose of the study is to study the local features of the rite, as well as the processes of its transformation at the current stage, tasks – a brief analysis of the historiography of the issue in scientific literature, a general description of the essence and content of the ritual, its local manifestations in various areas of residence of the Chuvash, the role of the rite in modern ritual practice. The study was conducted using the principles of historicism, objectivity, consistency, specificity, as well as special methods of field ethnography – included observation and interviews. The work is based on the author's field materials collected in 2002–2004, 2020, 2022 years in the Chuvash villages of the western, southwestern, central and southern regions of the republic. The results of the study showed that the seren rite has undergone significant changes in recent decades. In most settlements, he completely fell out of ritual life and remained in the memory of old-timers, in others he underwent reduction and decreased on a scale and continues his existence as a vital ritual. The latter is probably due to the stability of traditional religious ideas among the Chuvash of the region, which sometimes contribute to the situational reproduction of the rite in different rural communities.

Keywords: Chuvash, Republic of Bashkortostan, ritual culture, cleansing rite seren, local variants and features.

Funding. The study was carried out within the framework of the State Assignment of the IES USC RAS for 2021-2024.

For citation: Petrov I.G. (2023). The rite seren in the Chuvash villages of the Republic of Bashkortostan: traditions and modern local features. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(2), 15-21. EDN: MITSIR. <https://doi.org/10.31483/r-106625>.

Введение

Календарная обрядность чувашского народа представляет собой большое разнообразие. В нем в течение нескольких столетий в тесном переплетении со-

существуют и развиваются традиционные чувашские и христианские обряды, а также ритуалы, воспринятые в результате тесных контактов из обрядности иных народов.

Праздники и обряды постоянно эволюционируют и трансформируются: меняются их смысловое содержание, формы празднования, состав участников, песенное сопровождение, ритуальная атрибутика. В результате этого первоначальная суть многих традиционных обрядов оказалась утраченной, а некоторые из них, потеряв свою религиозную сущность, приобрели характер народных увеселений и развлечений. В то же время некоторые аутентичные обряды и праздники продолжают свое бытование, и в современных условиях наполняются новым содержанием и смыслом. Ярким тому примером служит весенний обряд пасхального цикла *сёрен* чувашей Республики Башкортостан, который в ряде селений не только сохранился в народной памяти, но и проводится с активным участием местного населения.

Цель исследования – изучение локальных особенностей обряда, а также процессов его трансформации на нынешнем этапе, задачи – краткий анализ историографии вопроса в научной литературе, общая характеристика сущности и содержания ритуала, его локальных проявлений в различных районах проживания чувашей в республике, роли обряда в современной ритуальной практике.

Объект исследования. Объектом исследования является сельское чувашское население, проживающее на территории современной Республики Башкортостан. По переписи 2020 г. численность лиц чувашской национальности в республике составила 80 тыс. чел. Это пятая этническая общность после русских, башкир, татар и марийцев. Наиболее многочисленными и компактными группами они представлены в юго-западных, западных и центральных районах республики. Заселение Южного Приуралья чувашским населением происходило одновременно с освоением территорий Закамья и Заволжья в XVII–XX вв. Хотя основной костяк переселенцев в край составляли низовые и средненизовые чуваша, в отличие от территории исторической родины здесь не сложились четко очерчиваемые ареалы расселения этнографических групп. Это связано с тем, что в ходе массовых переселений, которые растянулись на несколько столетий, в одни и те же местности (уезды, волости, а то и селения) прибывали чуваша разных этнографических групп. Поэтому в Южном Приуралье стали складываться вторичные, более поздние по времени формирования этнотерриториальные группы с новыми культурными и языковыми формами, которые сложились в результате «взаимодействия прежних традиций и их дальнейшего развития и трансформации, в том числе связанной с культурно-языковым взаимодействием между чувашами и иноэтническим окружением» [Чуваши, 2017, с. 87]. Из шести этнотерриториальных групп, сформировавшихся в Урало-Поволжье в XVII–XIX вв. (приволжской, закамской, заволжской, бузулукской, приикской и прибельской) две последние группы сложились на территории Южного Приуралья. Приикская группа охватывает территорию вдоль бассейна р. Ик и ее притоков, прибельская – в бассейне верхнего и среднего течения р. Белая. В свою очередь каждая из них подразделяется

на подгруппы, которые характеризуются определенным комплексом культурно-языковых особенностей. В приикской группе таковыми являются северная, или суньская, центральная, или белебеевская (усеньская), западная, или абдулинская, в прибельской – северная, или кармаскалинская, центральная, или бишкаинская, косяковская и южная подгруппы [Ягафова, 2007, с. 208, 407; Чуваши, 2017, с. 90–92].

Материалы и методы исследования

Источниковой базой работы послужили труды исследователей XIX–XX вв., а также новые публикации по теме, изданные в последние десятилетия. Большим подспорьем стали статьи, опубликованные в «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина, а также немногочисленные этнографические очерки и описания начала XX в., которые сконцентрированы в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН).

Исследование проведено с использованием основополагающих принципов исторических исследований: историзма, объективности, системности, конкретности. Кроме этого, использованы сравнительно-исторический, описательный методы, а также специальные методы полевых этнографических исследований – включенное наблюдение и интервью. Последние позволили зафиксировать специфические особенности празднования *сёрен* в современных условиях с учетом локальных комплексов. В работе использованы полевые материалы автора (ПМА), собранные в ходе следующих экспедиций в чувашские селения Республики Башкортостан: ПМА 2002 – с. Ефремкино, Ильтеряково, Суук-Чишма Кармаскалинского, с. Тряпино Аургазинского районов; ПМА 2003 – с. Ахманово, д. Юльtimiровка Бакалинского, с. Кирюшкино, Новоселка, Теняево, д. Веселовка Федоровского района; ПМА 2004 – с. Зирган Мелеузовского, с. Тятербашево Стерлибашевского, с. Уязыбашево, д. Кекен-Васильевка, п. Дубровка Миякинского районов; ПМА 2020 – с. Манеево Аургазинского района; ПМА 2022 – с. Асавбашево, Месели, Манеево, д. Малый Нагадак Аургазинского, с. Васильевка Ишимбайского, с. Кирюшкино, Новоселка, д. Веселовка Федоровского районов.

Результаты исследования и их обсуждение

В историко-этнографической литературе XIX – начала XX вв. исследования чувашских календарных обрядов и праздников, в том числе обряда *сёрен*, в основном носят описательный и фрагментарный характер. Интересные, хотя и разрозненные материалы о данном ритуале имеются в работах В. А. Сбоева [Сбоев, 1865], А. Ф. Риттиха [Риттих, 1870], В. К. Магницкого [Магницкий, 1881], В. И. Михайлова [Михайлов, 1891], Ф. Н. Никифорова [Никифоров, 1905], Г. И. Комиссарова [Комиссаров, 1911], Н. В. Никольского [Никольский, 1911]. Из иностранных ученых в начале XX в. ценные сведения об обряде запечатлел венгерский исследователь Д. Месарош [Месарош, 2000]. В советское время обряд *сёрен* проанализирован в исследованиях П. В. Денисова [Денисов, 1959], М. Я. Сироткина [Си-

роткин, 1965], Н. П. Денисовой [Денисова, 1984]. Из научных публикаций последних десятилетий обряд *сёрен* и его аналог *вирём* получили освещение в работах В. Г. Родионова [Родионов, 1990], А. К. Салмина [Салмин, 2007], Е. А. Ягафовой [Ягафова, 2007]. Что же касается обряда *сёрен* чувашей, проживающих в Южном Приуралье, он в историко-этнографическом отношении почти не изучен. Фрагментарные описания обряда, зафиксированные в некоторых чувашских селениях Уфимской губернии, имеются в словаре чувашского языка Н.И. Ашмарина¹, а также монографии Е.А. Ягафовой [Ягафова, 2007]. Такие же разрозненные сведения представлены в рукописном фонде Н. В. Никольского, хранящегося в научном архиве ЧГИГН. Таким образом, в имеющихся исследованиях обряд *сёрен* в большей мере представлен в качестве инвариантного явления. В контексте локального варианта он рассмотрен лишь в отдельных публикациях. Применительно к Южному Приуралью данный обряд не стал предметом специального исследования, что подчеркивает его актуальность и научную значимость.

Сёрен – один из очистительных обрядов календарной обрядности весенне-летнего цикла низовых чувашей, имеющий своей целью изгнание злых духов и болезней. Диалектным вариантом обряда является также термин *сёрем*. По исследованиям лингвистов, *сёрен* происходит от древнетюркского корня *сүр* «гнать вперед, прогонять» [Денисова, 1984, с. 156; Салмин, 2007, с. 96]. Другим синонимичным термином обряда *сёрен*, который закрепился среди верховых и части средне-низовых чувашей, является *вирём*. В ряде мест обряд известен также под названиями *вир-вир*, *вири*, *вирми*, *верве*, *вирмече*² [Комиссаров, 1911, с. 386; Магницкий, 1881, с. 126]. В XIX – начале XX вв. под такими названиями обряд бытовал у чувашей-вирьял в Ядринском и Козмодемьянском уездах Казанской губернии, а также у низовых чувашей в некоторых селениях Буинского и Тетюшского уездов Симбирской и Казанской губерний [Чуваши, 2017, с. 440]. Этимологию названия обряда А. К. Салмин объясняет марийско-мордовско-удмуртским корневым словом *вир* «кровь», что, по его мнению, «вполне объяснимо в контексте ритуала мункун, с которым *сёрен* имеет тесную временную и функциональную связь» [Салмин, 2007, с. 96]. М. Я. Сироткин его происхождение связывает со словом *вирт* «костер», который чувашаи в *калём кун* (день мертвых) раскладывали во дворе для поминаемых ими покойников [Сироткин, 1965, с. 12]. Другие исследователи склонны видеть в этом слове позднее христианское наложение, возникшее после внедрения в чувашский обрядовый календарь обряда очищения от нечисти с помощью веток вербы, в результате чего русские слова *верба* и *вербный* чувашами в своем языке были переформатированы в *вирми* или *вирём* [Родионов, 1990, с. 21].

Несмотря на то, что *вирём* и *сёрен* являются названиями одного и того же обряда, исследователи отмеча-

ют, что они различаются по времени проведения. Если *вирём* всегда проводился накануне Пасхи, либо за неделю до него, либо в четверг или субботу Страстной недели, то *сёрен* представлял заключительный обряд пасхальных праздников и, как правило, проводился после Пасхи в понедельник или в другие последующие дни [Чуваши, 2017, с. 440]. До принятия христианства ритуал был приурочен к обряду *калём / калём кун*, посвященного поминовению усопших. Как писал В. А. Сбоев, чувашаи в среду на Страстной неделе сперва поминали умерших родственников с жертвоприношением в честь Высшего Бога (*калым-кон*), а потом через три дня, т. е. в субботу проводили обряд «изгнания шайтана и вообще злых духов из домов и деревьев» [Сбоев, 1865, с. 144]. О проведении верховыми чувашами обряда *вирём* в ночь Страстной субботы перед Пасхой писал и В. К. Магницкий [Магницкий, 1881, с. 126]. Такая же дата и последовательность проведения обрядов указывается в словаре чувашского языка Н. И. Ашмарина³. Есть также сведения о проведении *вирём* в Лазареву субботу шестой седмицы Великого поста⁴.

Низовые чувашаи, по данным Д. Месароша, в среду Страстной недели сперва проводили *калём кун*, а на следующий день в четверг – *сёрен* [Месарош, 2000, с. 167]. С принятием христианства чувашаи *калём кун*, а вслед за ним и Пасху вместо среды стали отмечать в воскресенье, а *сёрен* соответственно перенесли на понедельник. Несмотря на то, что такая последовательность проведения ритуалов соблюдалась в большинстве селений низовых чувашей, в некоторых из них они проводились не всегда в одно и то же время. В одних местностях *сёрен* праздновали в ночь на *майнкун*, т. е. в субботу⁵ [Ягафова, 2007, с. 338], в других – непосредственно в день Пасхи⁶. В Тетюшском, Цивильском, Чистопольском уездах Казанской губернии, а также на Самарской Луке *сёрен* проводили летом без привязки к пасхальным праздникам. Его приурочивали либо к общесельскому полевому молению *уй чүкё / учук*, либо к Пятидесятнице (Семику), либо к Петрову дню⁷ [Чуваши, 2017, с. 442]. Отмеченные выше расхождения отчасти объясняются влиянием православной религии, а также доминированием в разных ареалах расселения чувашей соответствующих этнографических и локальных традиций.

Необходимость обряда *сёрен* и *вирём* в календарной обрядности чувашей был обусловлен их религиозными верованиями и представлениями. Чувашаи считали, что в *калём кун*, отождествляемый ими как начало нового года, а также на следующий день, связанный с поминовением предков, для участия в трапезе в их дома с кладбища приходят души умерших. Кроме этого, бытовало поверье, что в *калём кун*, а в более поздних представлениях – в ночь перед Пасхой активизируется зловерная деятельность колдунов и злых духов. Чтобы оградить себя от их злых козней, в прошлом чувашаи совершали различные магические действия: очерчивали железным предметом дома и усадьбы, ножом или

3 Там же. С. 241, 242.

4 Там же.

5 Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка : в 17 т. Казань–Чебоксары, 1928–1950. Выпуск 11. С. 318.

6 Там же. С. 317, 318.

7 Там же.

1 Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка : в 17 т. Казань–Чебоксары, 1928–1950. Выпуск 11. С. 316–319.

2 Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка : в 17 т. Казань–Чебоксары, 1928–1950. Выпуск 5. С. 239–243.

углем над дверями и окнами делали видимые или невидимые изображения креста, на пригорках разжигали костры, окуривали дымом сады, огороды, хмельники, скотные дворы, стреляли из ружей, в домах с помощью свечей и лучин до рассвета поддерживали огонь и т. д.⁸ [Денисов, 1959, с. 126–127; Денисова, 1984, с. 154–155]. Однако, по народным верованиям, для борьбы с «нечистой силой» этих мер было недостаточно. Чтобы изгнать из жилищ души умерших обратно на кладбище, а вместе с ними и всякую нечисть, необходимо было провести специальный очистительный обряд – *вирём* или *сёрен*. Основным его содержанием является подворный ритуальный обход деревни. В день совершения обряда после заката солнца подростки и неженатая молодежь мужского пола, вооружившись заранее приготовленными ветками рябины, начинали шествие по деревне, посещая дома односельчан. Иногда вместо рябиновых прутьев использовали ветки и палки, сделанные из черемухи, ивы, вербы, шиповника, вяза и других деревьев. По представлениям чувашей, эти деревья, в особенности рябина и шиповник, обладали мощной очистительной силой. Вместе с тем они символизировали весну, пробуждение природы и плодородие. В некоторых местностях вместо них использовали деревянные палки, сабли, копыя, соломенные или кожаные нагайки. Другим обязательным атрибутом являлись деревянные трещотки – *сатърма*, *сатърка*⁹ [Денисова, 1984, с. 157], *шатърмак*, *шатърма*, *сёрен*¹⁰ Шум, издаваемый трещотками и ударами прутьев, по народным верованиям, выполнял устрашающую злые духи и болезни функцию.

Если село или деревня были большими, такие обходы одновременно совершали две или три команды. Источники также указывают, что в каждой команде, следуя строгой иерархии, выбирали начальников: старшину, голову, старосту, казначея, воевого или музыканта¹¹. Войдя во двор, участники шествия громко кричали «*Сёрен!*» и имеющимися прутьями хлестали по забору, ограде, надворным постройкам, жилищу, и приговаривали ритуальное заклинание: «*Чир-чёр кайтър! Чир-чёр кайтър!*» (Пусть уйдут хворь и болезни!). Для изгнания злых духов и болезней очистительный обряд проводили и внутри дома. С разрешения хозяина участники церемонии прутом или нагайкой хлестали по членам семьи, одежде, постельным принадлежностям, мебели, посуде, окнам и стенам жилища. Хозяева в ответ угощали старших из них пивом, медовухой, вином, а одному из начальников вручали несколько монет, хлеб и яйца¹². В других местах, в зависимости от состоятельности, им давали масло, крупу, молоко, домашние сырки, калачи, ватрушки, пироги, блины, малинки и другую снедь. В благодарность за угощение и полученные продукты молодые люди под сопровождение музыкальных инструментов пели ритуальные песни (*сёрен юрри*), танцевали, а затем благословляли хозяев, желая им здо-

ровья и благополучия. После этого участники обрядового шествия с криками и песнями отправлялись к следующему дому. Во время обряда участники обряда руководствовались не только идеей очищения членов социума от злой нечисти, но и стремлением избавиться от всего чужого по отношению к конкретной сельской общине. Если процессия на своем пути повстречала татар, башкир или русских, то с них снимали тубетейки, требовали выкуп¹³, хлестали прутьями и изгоняли за пределы селения [Денисова, 1984, с. 158], избивали [Чуваши, 2017, с. 441]. Объяснялось это тем, что, по суеверным представлениям чувашей, представители иной национальности и религии в день проведения *сёрен* рассматривались, как нечистые, а также как материальное «воплощение злых духов и болезней» [Денисова, 1984, с. 158]. После обхода участники *сёрен* собирались на западной окраине деревни или на поляне перед кладбищем. Здесь они разжигали костер, варили кашу, поровну делили между собой собранные деньги и продукты, а затем принимались за коллективное угощение. Часть продуктов, поминая умерших и духов, кидали в сторону кладбища или оставляли собакам. Завершая обряд, они бросали в огонь прутья и трещотки, перепрыгивали через костер и до восхода солнца возвращались домой.

До начала XX в. примерно в такой последовательности обряд проходил во многих чувашских селениях Урало-Поволжья, в том числе в Южном Приуралье. На данной территории он имеет тесную связь с Пасхой *мáнкун* и проводится в соответствии с традицией низовых чувашей. Другим аргументом в пользу этого является термин *сёрен*, сохранившийся в низовом диалекте. В прошлом обряд, очевидно, был привязан к чувашской Пасхе *кайтм кун* и проводился в четверг Страстной недели после поминовения предков. Потом с укреплением православия дата проведения пасхальных праздников подверглась трансформации, в результате чего Пасха стала праздноваться в воскресенье, а *сёрен* в понедельник. Тем не менее, и в Башкортостане обряд проводился в разное время. Перед Пасхой, т. е. в ночь с субботы на воскресенье (*мáнкун кас*, *мáнкун умён*, *мáнкунччен*, *мáнкун ситиччен*) обряд проводили в с. Месели Аургазинского, Теняево Федоровского, Васильевка Ишимбайского, Тятербашево Стерлибашевского районов; на Пасху (*мáнкун ситсен*, *мáнкунта*) – в с. Кирюшкино, д. Веселовка Федоровского района, с. Кекен-Васильевка Миякинского района; в понедельник пасхальной недели (*мáнкунán иккёмёш кунёнче*, *мáнкун хысçан тунтикун*) – в с. Асавбашево, Манеево, д. Малый Нагадак Аургазинского района, с. Уязыбашево, п. Дубровка Миякинского района, д. Юльtimiровка Бакалинского района; во вторник после Пасхи (*мáнкун иртсен*, *ытларикун*) – в с. Зирган Мелеузовского района. Тем не менее во всех приведенных примерах главным ориентиром для проведения *сёрен* считается православная Пасха [ПИМА 2002–2022].

Некогда обряд был распространен на обширной территории Южного Приуралья, в настоящее время в качестве ушедшей или уходящей архаики он сохранился в единичных чувашских селениях. В большинстве из них обряд сохранился лишь в народной памяти. Информанты отмечают, что его когда-то проводили, но потом он оказался в числе забытых или утраченных обрядов.

8 Чувашская мифология: этнографический справочник. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2018. С. 168–171.

9 Ашмарин Н. И. Чăваш сáмахёсен кёнеки = Словарь чувашского языка: в 17 т. Казань–Чебоксары, 1928–1950. Выпуск 5. С. 240, 241.

10 Ашмарин Н. И. Чăваш сáмахёсен кёнеки = Словарь чувашского языка: в 17 т. Казань–Чебоксары, 1928–1950. Выпуск 11. С. 316–317.

11 Там же. С. 316.

12 Там же.

13 Там же.

Рубежными датами, после которых *сёрен* прекратил свое существование, старожилы отмечают довоенные и послевоенные годы (1930–1960). По экспедиционным исследованиям, в с. Васильевка обряд в последний раз отпраздновали в конце 1930 гг., в с. Манеево – в 1958–1959 гг., в с. Теняево – в 1960 гг. [ПМА 2022]. В традиционном контексте, как составная часть обрядового календаря весеннего или пасхального цикла, *сёрен* в настоящее время бытует в Аургазинском (с. Асавбашево, д. Чувашский Нагадак) и Мелеузовском (с. Зирган) районах РБ [ПМА 2004; ПМА 2022]. В прошлом основными участниками обряда были взрослые мужчины, неженатые парни и подростки. Девушки в их число не включались. Ныне в обряде участвуют подростки, дети и несколько пожилых мужчин (Асавбашево), женатые и неженатые мужчины (Зирган), женщины (Малый Нагадак). Сам ритуал носит название *сёрен хавалани* (досл. изгнание сёрен).

В Асавбашево подворный обход с целью сбора продуктов начинается в понедельник пасхальной недели после обязательного проведения обряда поминовения предков *ваттисене асанни*. Шествия участников *сёрен* начинаются после захода солнца одновременно с двух противоположных концов села. У одних из них в руках имеются самодельные деревянные трещотки, у других – свежесрезанные прутья ивы или шиповника. Один из них, наделенный функциями сборщика продуктов и угощений, тащит за собой небольшую тележку. На улице этими прутьями со словами «*Чир-чёр кайтър!*» (Пусть уйдут хворь и болезни!) они охаживают всех встречаемых людей. Таким же образом поступают с хозяевами домов, которых поочередно посещают. Кроме того, прутьями они ударяют по воротам, калитке, забору, наличникам, окнам, стенам домов и надворных построек. Подойдя к крыльцу, все хором кричат: «*Виç икерчĕ, виç çăмарта!*» (Три блина, три яйца!). Хозяева выходят во двор и сборщику продуктов вручают три блина, три яйца, пол-литра водки или самогона, полтора литра домашнего или покупного пива. Все это сборщик складывает в тележку, и участники процессии переходят к следующему дому. Одаривание и угощение являются обязательными, так как жители села твердо верят, что благодаря этому они избавляются от болезней и всего плохого. Такое же сакральное значение они придают ритуальному хлестанию их прутьями. Если ребят не пускают во двор и не дают угощения, последние в адрес хозяев насылают различные проклятья и несчастья. Например: «*Чăххисем вилсе пĕтчĕр!*» (Пусть подохнут куры!), «*Чăххисен кучĕсем сурăлчĕр!*» (Пусть разорвутся куриные задницы!) и т. д. Некоторые хозяйки в качестве подношений им вручают яйца, блины и пироги, которые остались после празднования Пасхи. Закончив обход деревни, участники обряда собираются на лужайке около кладбища, разводят костер и принимаются за коллективное угощение. После трапезы бросают в огонь бывшие в употреблении прутья и перепрыгивают через него, чтобы очиститься от скверны и болезней. Остальные участники обряда убирают поляну от мусора, тушат огонь, а излишки еды и напитков забирают с собой и угощают односельчан [ПМА 2022].

В таком же формате *сёрен* проходит в Малом Нагадаке Аургазинского района. Основными организаторами и участниками обряда выступают женщины, хотя иногда

к ним присоединяются и мужчины. Они вооружаются ветками ивы или вербы, для сбора продуктов берут с собой ведра и совершают подворный обход деревни. Начинают всегда с восточного конца, а заканчивают на западной окраине. Подойдя к дому, все одновременно кричат: «*Сёрен, сёрен! Пёр пуремечĕ, ик çăмарта!*» (Сёрен, сёрен! Один перемяч, два яйца!). Перемяч представляет собой круглую ватрушку из теста с начинкой из вареного проса или яиц сверху с добавлением масла или сметаны. Получив от хозяев затребованное, словами «*Чир-чёр кайтър!*» (Пусть уйдут хворь и болезни!) хлещут их прутьями. Обойдя все дома, они идут в сторону кладбища и на окраине деревни по земле катают ватрушку, примечая какой стороной она упадет: если начинкой вверх, то в деревне все будет благополучно, а если наоборот – жди болезни и несчастья [ПМА 2022].

Обряд катания лепешки *пуремечĕ кустарни* когда-то практиковался и в с. Тряпино того же района. Однако здесь ватрушка готовилась с картофельной начинкой. Если последняя падала на землю начинкой вверх, это сулило жителям хороший урожай картофеля, а если наоборот – урожай зерновых [ПМА 2002]. Вероятно, в прошлом обряд с ватрушкой проводился с целью умиловить души покойников, чтобы они были сыты и довольны. Потом, с течением времени, он превратился в элемент гадания. По А. К. Салмину, на заключительном этапе участники *сёрен* бросали или катали также куриное яйцо [Салмин, 2007, с. 104]. После этого участники коллективного шествия собираются на окраине деревни, разжигают костер и трапезничают. Затем сжигают принесенные с собой прутья, перепрыгивают через огонь и возвращаются в деревню. Оставшиеся продукты делят между собой, раздают односельчанам, а потом продолжают веселье у кого-нибудь в доме [ПМА 2022].

Любопытные подробности об обряде удалось зафиксировать в с. Манеево того же района республики. До начала 60-х гг. XX в. дети и подростки также ходили по домам, собирали продукты, а имеющимися в руках прутьями проводили очистительный обряд. Кроме этого, в этот день они пользовались языком с обратным смыслом – *кутăнла калаçнă*. Например, когда подходили к дому, они кричали: «*Сёрен мар! Сёрен мар! Ан парър! Ан парър!*» (Не сёрен! Не сёрен! Не давайте! Не давайте!). Когда хозяева давали им что-нибудь из продуктов, они кричали: «*Памарĕç! Памарĕç!*» (Не дали! Не дали!). А если хозяева их отпускали ни с чем, тогда кричали: «*Пачĕç! Пачĕç!*» (Дали! Дали!). Таким же языком общались тогда, когда встречали людей на улице. Если последние желали от них уйти не отхлестанными, они должны были им сказать: «*Çанър! Çанър!*» (Бейте! Бейте!). Если же они по незнанию тайного языка говорили: «*Ан çанър!*» (Не бейте!), участники ритуала действовали наоборот и хлестали их до тех пор, пока они не скажут обратное [ПМА 2020, ПМА 2022].

Другим населенным пунктом, где данный обряд все еще бытует, является большое этнически смешанное село Зирган, которое находится в Мелеузовском районе на юге республики. По воспоминаниям информантов, в прошлые десятилетия (до 50–60-х гг. XX в.) в обряде *сёрен* в основном участвовали неженатые парни, подростки и

дети. Яйца и продукты они собирали в ведра и, объединившись в несколько партий, совершали обход домов, где проживали чуваша. В целях очищения домов и домохозяйств от скверны пользовались рябиновыми или ивовыми прутьями. Потом они объединялись в общую команду и отправлялись на берег р. Белой провожать обряд – *сёрен а́сатма каясё*. Там разводили костер и приступали к коллективному поеданию собранных продуктов. Под конец обряда все до единого перепрыгивали через огонь, а использованные прутья бросали в реку и возвращались по домам. В настоящее время участниками обряда являются взрослые женатые и неженатые мужчины.

Кроме чувашей в *сёрен* участвуют также татары, мордва и русские. Обход домов начинают ночью во вторник пасхальной недели. Вооружившись ивовыми прутьями, подходят к дому, начинают хлестать по воротам или калитке, а один из них по-чувашски кричит: «Сёрен! Сёрен! Ик сáмарта, пёр нýремечё!» (Сёрен! Сёрен! Два яйца, один перемач!). Хозяева выходят во двор, угощают домашним пивом, вином или водкой, а затем в мешочке или пакете вручают затребованные продукты. Ожидая их, в течение всей ночи они не запирают двери, а в домах не выключают свет. Обойдя все чувашские подворья, участники обряда собираются в каком-нибудь доме и устраивают трапезу, нередко с выпивкой алкогольных напитков [ПМА 2004]. Как видим, в настоящее время в данном селении завершающий ритуал выкидывания прутьев в реку уже не проводится.

В качестве забытого обряда уходящей старины *сёрен* остался в памяти жителей чувашских селений в западных, юго-западных и южных районах республики – в Бакалинском, Миякинском, Стерлибашевском, Федоровском. Так, в с. Тятербашево отметили, что его в прошлом праздновали накануне Пасхи. Сборщиками продуктов были взрослые мужчины, некоторые из них объезжали дома односельчан верхом на лошади. Сперва хозяева их угощали пивом, а потом наделяли яйцами, блинами, пирогами, домашними сырками и т. д. Потом все собранные продукты где-нибудь на улице они выкладывали на домашний ковер *палас* и на угощение созывали деревенскую детвору [ПМА 2004]. Об участии в *сёрен* конных всадников отметили также в д. Юльгимировка Бакалинского и в с. Уязыбашево Миякинского районов Башкирии. Подойдя к домам, с криками «Сёрен! Сёрен!» ветками шиповника или нагайками они ударяли по воротам, надворным постройкам, окнам и стенам жилища и просили у хозяев различные угощения [ПМА 2003; ПМА 2004].

В чувашских селениях Миякинского и Федоровского районов обряд *сёрен* помнят в основном старожилы. Из всего комплекса обряда они смогли рассказать нам лишь о том, как во время празднования *сёрен* детей и подростков взрослые одаривали яйцами, блинами, оре-

хами, а также о том, что во время обряда из деревни изгоняли татар и башкир соседних сел и деревень. Это было связано не только с тем, что в чувашские деревни на Пасхе, чтобы поживиться съестными продуктами, часто навевались просящие милостыню татары [ПМА 2003; ПМА 2022], но и давно укоренившимся в народном сознании запретом, согласно которому в день совершения обряда люди иной веры и национальности могли навлечь на сельскую общину болезни и несчастья [Денисова, 1984, с. 158; Чуваши, 2017, с. 441]. Поэтому в день *сёрен*, чтобы избавить знакомых татар от коллективной экзекуции, чуваша всячески отговаривали их приходить к ним в гости или же прятали их где-нибудь в подворье или в другом надежном месте [ПМА 2022].

Таким образом, в настоящее время, обряд *сёрен* в своем аутентичном виде сохранился и бытует в единичных селениях Аургазинского и Мелеузовского районов РБ, в которых в основном проживают низовые чуваша (*анатри*), входящие в прибельскую этнотерриториальную группу. В селениях верховых чувашей (*вирьял*), которые в немногочисленном числе также имеются в западных, центральных и южных районах Башкирии, указанный ритуал в их обрядовом календаре не сохранился.

Выводы

Таким образом, обряд *сёрен* в чувашских селениях Республики Башкортостан за последние десятилетия претерпел значительные изменения. В большинстве населенных пунктов он полностью выпал из обрядовой жизни и остался в памяти старожил, в других он подвергся редукции и сократился в масштабах и продолжает свое бытование как жизненно важный ритуал. Причины угасания обряда *сёрен* кроются в объективных условиях функционирования ритуала: в уменьшении значения и роли сельской общины как социальной основы общесельской обрядности, сокращении числа жителей, хорошо знающих его тонкости и местные особенности, нарушении механизмов трансляции знаний об обряде между поколениями, значительном снижении уровня востребованности обряда со стороны сельского сообщества. Вместе с тем в некоторых локациях, главным образом в прибельской зоне, обряд демонстрирует удивительную живучесть. Вероятно, это обусловлено устойчивостью языческих религиозных представлений среди чувашей Южного Приуралья, которые в разной степени проявляют себя и в обрядовой сфере. Сохраняясь в памяти старшего поколения, при необходимости язычество способствует ситуативному воспроизводству культовой практики. Благодаря этому архаический обряд *сёрен* здесь не только не канул в небытие, но и активно функционирует, хотя в нем проглядываются некоторые изменения, вызванные современными условиями функционирования и местными особенностями.

Список литературы

- Денисов П. В. Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1959. 408 с.
- Денисова Н. П. Зимние и весенние календарные праздники чувашских крестьян (XIX – начало XX в.) / Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики // Исследования по чувашскому фольклору. 1984. С. 142–166.
- Комиссаров Г. И. Чуваши Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1911. Том 27, выпуск 5. С. 311–421.

- Магницкий В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры : собраны в некоторых местностях Казанской губернии. Казань : Типография Императорского университета, 1881. 266 с.
- Месарош Д. Памятники старой чувашской веры / перевод с венгерского Ю. Дмитриевой. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2000. 360 с.
- Михайлов В. И. Обряды и обычаи чуваш. Санкт-Петербург : Паровая старопечатня Яблонского, 1891. 42 с.
- Никифоров Ф. Н. Стюхинские чувашы. Казань : Типолитография университета, 1905. 26 с.
- Никольский Н. В. Краткий конспект по этнографии чуваш // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1911. Том 26, выпуск 6. С. 511–624.
- Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Том 14 : Казанская губерния, часть 2. Казань : Типография Императорского университета, 1870. 225 с.
- Родионов В. Г. О системе чувашских языческих обрядов // Чувашская народная поэзия. Чебоксары, 1990. С. 3–64. EDN [ZGXEGP](#)
- Салмин А. К. Система религии чувашей. Санкт-Петербург : Наука, 2007. 654 с. EDN [QYIZDX](#).
- Сбоев В. А. Чувашы в бытовом, историческом и религиозном отношениях: их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. Москва : Типография Орлова, 1865. 188 с.
- Сироткин М. Я. Чувашский фольклор: очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1965. 132 с.
- Чувашы : сборник / ответственные редакторы В. П. Иванов, А. Д. Коростелев, Е. А. Ягафова ; Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Москва : Наука, 2017. 654 с. EDN [YXCHJN](#).
- Ягафова Е. А. Чувашы Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX в.). Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2007. 530 с.

References

- Denisov P. V. (1959). *Religioznye verovaniya chuvash: istoriko-etnograficheskie ocherki*. Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Denisova N. P. (1984). *Zimnie i vesennie kalendarnye prazdniki chuvashskih krest'yan (XIX – nachalo XX v.) Issledovaniya po chuvashskomu fol'kloru*, 142–166.
- Komissarov G. I. (1911). *Chuvashi Kazanskogo Zavolzh'ya. Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*, 27(5), 311–421.
- Magnickij V. K. (1881). *Materialy k obyasnenuyu staroj chuvashskoj very : sobrany v nekotoryh mestnostyah Kazanskoj gubernii*. Tipografiya Imperatorskogo universiteta
- Mesarosh D. (2000). *Pamyatniki staroj chuvashskoj very*. Chuvashskij gosudarstvennyj institut gumanitarnyh nauk.
- Mihajlov V. I. (1891). *Obryady i obychai chuvash*. Parovaya staropechatnya Yablonskogo.
- Nikiforov F. N. (1905). *Styuhinskie chuvashi*. Tipolitografiya universiteta.
- Nikol'skij N. V. (1911). *Kratkij konspekt po etnografii Chuvash. Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*, 26(6), 511–624.
- Rittih A. F. (1870). *Materialy dlya etnografii Rossii*. Vol. 14 : Kazanskaya guberniya, part 2. Tipografiya Imperatorskogo universiteta.
- Rodionov V. G. (1990). *O sisteme chuvashskih yazycheskikh obryadov. Chuvashskaya narodnaya poeziya*, 3–64. EDN: [ZGXEGP](#)
- Salmin A. K. (2007). *System of the Chuvash folk religion*. Nauka. EDN: [QYIZDX](#)
- Sboev V. A. (1865). *Chuvashi v bytovom, istoricheskom i religioznom otnosheniyah: ih proiskhozhdenie, yazyk, obryady, pover'ya, predaniya i pr.* Tipografiya Orlova.
- Sirotkin M. Ya. (1965). *Chuvashskij fol'klor: ocherk ustno-poeticheskogo narodnogo tvorchestva*. Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Aksyanova G. A., Boyko I. I., Denisova N. P., Egorov D. V., Egorov N. I., Egorova O. V., Ivanov V. P., Ivanov-Orkov G. N., Kondrat'ev M. G., Korostelev A. D., Kuznetsov A. V., Lebedeva E. G., Matveev G. B., Milyutin V. A., Nikolaev G. A., Sergeeva E. V., Terent'eva O. N., Fokin P. P., Kharitonova V. G., Yagafova E. A., ... Stepanov V. V. (2017). *Chuvashi*. Nauka. EDN: [YXCHJN](#).
- Yagafova E. A. (2007). *Chuvashi Uralo-Povolzh'ya: istoriya i tradicionnaya kul'tura etnoterritorial'nyh grupp (XVII – nachalo XX v.)*. Chuvashskij gosudarstvennyj institut gumanitarnyh nauk.

Информация об авторе

Петров Игорь Георгиевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. П. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8664-3004>; e-mail: ipetrov62@yandex.ru

Information about the author

Igor G. Petrov – Cand. Sc. (History), Leading Researcher, R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies of Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8664-3004>; e-mail: ipetrov62@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.05.2023
Принята к публикации 30.05.2023
Опубликована 31.05.2023

Received 02 May 2023
Accepted 30 May 2023
Published 31 May 2023

Краеведческие организации в изучении и сохранении родного языка и этнокультуры чувашей в 1920 годы

<https://doi.org/10.31483/r-106790>

УДК [908(470.344)«192»:

061.2]008.39

Сергеев Т. С.^{1,a}, Агаева Е. В.^{2,b}¹НИИ этнопедагогике им. академика РАО Г.Н. Волкова

Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева

²Чувашская государственная сельскохозяйственная академия

г. Чебоксары, Российская Федерация.

^a <https://orcid.org/0000-0003-1530-4691>, e-mail: tikhon-sergeev@yandex.ru^b <https://orcid.org/0009-0004-1073-1998>, e-mail: agaeva.ek@yandex.ru

Резюме. Установление советской власти на территории Российской империи привело к новой системе ценностей, активизации населения во всех областях общественной жизни. В сфере музейного строительства в 1920 гг. заметную роль сыграли такие общественные научно-просветительские объединения, как Общество изучения местного края в Чебоксарах (1921–1931) и Общество изучения чувашской культуры в Москве (1927–1931). Основной целью статьи является раскрытие истории возникновения и работы этих организаций. При изложении материала применялся хронологический подход. Установив тесные контакты с научными учреждениями по всей России и с известными учеными, краеведческие организации с широкой сетью своих филиалов и ячеек способствовали углубленному изучению и развитию экономики и культуры Чувашского края и духовной культуры чувашей, половина численности которых проживала вне территории автономии. Особое внимание эти общества обращали на развитие родного языка и культуры чувашского народа, что позволяло чувашам осознать свою национальную идентичность. В первое десятилетие чувашской советской автономии были достигнуты определенные успехи в становлении краеведения как науки. На территории Чувашии краеведческие учреждения и организации внесли значительный вклад в изучение природы, экономики, производительных сил края, а также духовной жизни народа. В указанный период именно Общество изучения местного края в Чебоксарах и Общество изучения чувашской культуры в Москве способствовали сохранению и развитию чувашского языка.

Ключевые слова: Чувашская автономная область, Чувашская АССР, диаспора, краеведение, Общество изучения местного края, Общество изучения чувашской культуры, родной язык, двуязычие, письменность, этнокультура.

Для цитирования: Сергеев Т.С. Краеведческие организации в изучении и сохранении родного языка и этнокультуры чувашей в 1920 годы / Т.С. Сергеев, Е.В. Агаева // Этническая культура. 2023. Т. 5, № 2. С. 22-29. DOI 10.31483/r-106790. EDN XVFLYH

Review Article

Local history organizations in the study and preservation of the native language and ethnoculture of the Chuvash in the 1920s

Tikhon S. Sergeev^{1,a}, Ekaterina V. Agaeva^{2,b}¹Scientific Research Institute of Ethnopedagogics named after Academician of the Russian Academy of Sciences G.N. Volkov of Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev²Chuvash State Agricultural Academy
Cheboksary, Russian Federation.^a <https://orcid.org/0000-0003-1530-4691>, e-mail: tikhon-sergeev@yandex.ru^b <https://orcid.org/0009-0004-1073-1998>, e-mail: agaeva.ek@yandex.ru

Abstract. The establishment of the Soviet power on the territory of the Russian empire led to a new system of values, activation of the population in all fields of the social life. In the sphere of museum building in the 1920s a noticeable role was played by such public scientific and educational associations as the Society for the Study of the Local Territory in Cheboksary (1921-1931) and the Society for the Study of Chuvash Culture in Moscow (1927-1931). The main aim of the article is to reveal the history of the formation and work of these organizations. The material is presented chronologically. Having established close contacts with scientific institutions throughout Russia and with famous scientists, the local history organizations with a wide network of branches and cells promoted an in-depth study and development of the economy and culture of the Chuvash region and the spiritual culture of the Chuvash, half of whose population lived outside the territory of the autonomy. The special attention these societies paid to the development of the native language and culture of the Chuvash people that allowed the Chuvash people to realize their national identity. During the first decade of the Chuvash Soviet autonomy some successes in the formation of local lore as a science were achieved. On the territory of Chuvashia local history institutions and organizations made a significant contribution to the study of nature, economy, productive forces of the region, as well as the spiritual life of the people. In this period it was the Society for the Study of the Local Territory in Cheboksary and the Society for the Study of Chuvash Culture in Moscow that promoted the preservation and development of the Chuvash language.

Keywords: Chuvash Autonomous Region, Chuvash ASSR, diaspora, local history, Society for the Study of Local Area, Society for the Study of Chuvash Culture, native language, bilingualism, writing, ethnoculture.

For citation: Sergeev T.S., & Agaeva E.V. (2023). Local history organizations in the study and preservation of the native language and ethnoculture of the Chuvash in the 1920s. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(2), 22-29. EDN: XVFLYH. <https://doi.org/10.31483/r-106790>.

Введение

В изучение и сохранение родного языка и культуры еще в 1920 гг. внесли определенный вклад такие организации, как Общество изучения местного края в Чебоксарах (1921–1931) и Общество изучения чувашской культуры в Москве (1927–1931).

Основоположниками чувашского краеведения были С. М. Михайлов, А. А. Фукс, В. А. Сбоев, В. К. Магницкий, Н. И. Золотницкий, И. Я. Яковлев (создавший историко-этнографический музей при Симбирской чувашской учительской школе), Н. В. Никольский, И. Н. Юркин, Д. Ф. Филимонов, Н. А. Архангельский и др.¹ В 1920 гг. на страницах газет «Чувашский край» (ранее – «Известия облисполкома, Чувотдела Наркомнаца и областкома РКП Автономной Чувашской области РСФСР»), «Канаш» («Совет»), журналов «Сунтал», («Наковальня»), «Халăха вĕрентес ёç» («Народное просвещение») печатались статьи и корреспонденции Н. Р. Романова, К. В. Элле, П. В. Озерова, Г. И. Комиссарова-Вандера, А. П. Прокопьева-Милли, М. П. Петрова-Тинехпи и др. краеведов. Учителя пользовались брошюрой педагога, этнографа, краеведа П. В. Озерова «Краеведение и чувашская школа», изданной в Москве в 1927 г. Она была допущена Научно-педагогической секцией Государственного ученого совета в качестве пособия для учителей чувашских школ. В качестве методического руководства многим служило учебное пособие Г. И. Комиссарова «Эпир суралнă сĕршыв» («Наша родина»), изданное в Казани в 1921 г.

Современные исследователи краеведения В. П. Никитин-Станьял, Л. А. Ефимов, Е. П. Михайлов, В. Г. Ткаченко основное внимание уделяют раскрытию роли краеведческих учреждений и организаций в изучении природы, экономики, производительных сил края, духовной жизни народа. В настоящей работе внимание авторов обращено на вклад названных учреждений и общественных организаций в сохранение и развитие родного языка как важнейшего и определяющего элемента этнокультуры чувашей независимо от места их проживания.

Материал и методы исследования

Статья написана на основе архивных источников, впервые включаемых в научный оборот. Она охватывает судьбу культуры как чувашей, проживающих на территории Чувашской автономной области (с 1925 г. Чувашской АССР), так и тех их соплеменников, которые живут за пределами ее территории компактными группами, главным образом в регионах Поволжья и Приуралья. При изложении материала применялся хронологический подход.

Результаты исследования и их обсуждение

В дореволюционной России не все нерусские народы имели свою письменность. В этом отношении чувашам несколько повезло: И. Я. Яковлев в 1872 г. сумел издать первый чувашский букварь и положить начало

новой письменности на основе русской графики. До революции 1917 г. в разных городах (Казани, Симбирске, Уфе) было издано 725 книг на чувашском языке, из которых 491 религиозного и 234 светского содержания [Фомин, 2013, с. 68].

Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г., провозгласившая равенство и суверенитет народов России, свободное развитие национальных меньшинств, и ряд иных декретов советской власти позволили инородцам идентифицировать себя как равных историческим народам. Национальный подъем был характерен и для чувашей независимо от их проживания. В первые годы советской власти в Казани выходили газеты «Канаш» («Совет»), «Чухансен сасси» («Голос бедняков»), «Самрăк коммунист» («Молодой коммунист»), «Хёрлĕ ялав» («Красное знамя»), журналы «Шурăмпус» («Заря»), «Ана» («Пашня»), «Сĕр ёслекен» («Крестьянин»), «Сĕнĕ ял» («Новая деревня»), в Симбирске – газеты «Сĕнĕ пурнăç» («Новая жизнь»), «Сутталла» («К свету»), «Хёрлĕ салтак» («Красный солдат»), журнал «Атăл юрри» («Волжская песня»), в Самаре – газета «Юлташ» («Товарищ»), в Уфе – газета «Хёрлĕ Урал» («Красный Урал»), в Чебоксарах – газета «Хресчен сăмахĕ» («Слово крестьянина»), в Москве – газета «Чăваш хресченĕ» («Чувашский крестьянин») и журнал «Ёслекенсен сасси» («Голос трудового народа»). В редакциях периодических изданий работали таланты, вышедшие из народа и трепетно относившиеся к родному языку и культуре.

С созданием Чувашской автономной области 24 июня 1920 г. областной партийной, комсомольской, профсоюзной организаций, книжного издательства, школ первой и второй ступеней, рабфаков, народных домов, изб-читален, клубов, функционировавших на чувашском языке, тысячи чувашей стали проявлять интерес к истории и культуре родного края. О внимании даже русских жителей г. Чебоксары к чувашскому языку и литературе свидетельствует такой факт: седьмого ноября 1920 г. в Чебоксарской городской библиотеке была открыта выставка книг на тему «Советская власть и культура», рассчитанная для демонстрации в течение трех дней. На стендах было выставлено 114 книг на чувашском языке. Из-за большого потока желающих ее посетить пришлось продлить показ новых книг на неделю. На выставке побывал каждый восьмой житель столицы [Сергеев, 2021, с. 137].

В постановлении первого областного съезда Советов Чувашской автономной области (7–11 ноября 1920 г.) отмечалось: «в целях бережного отношения к чувашскому национальному искусству и лучшего изучения родного края в его прошлом и настоящем в городе Чебоксарах необходимо открыть Центральный музей Чувашской автономной области»². В январе 1921 г. была организована областная музейная секция при подотделе искусств областного отделения народного образования, которая приступила к подбору помещения и экспонатов для будущего музея. Под народный музей были определены пять комнат на нижнем этаже национализированного особняка купца Ефремова. В качестве экспозиции в музее было

1 См.: Исследователи Чувашского края : XVI век – 1917 год : биобиблиографический указатель / составители Э. Г. Николаева, Н. Д. Никитина. Чебоксары : Издательство Чувашского университета, 2002. С. 3–157.

2 Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отдел 2. Единица хранения 490. Инвентарный № 1683. Л. 80.

собрано 33 предмета для художественного отдела, 79 – для отдела истории, археологии и этнографии, 257 предметов – для отдела изделий кустарей и мастерских³.

На частном совещании местных государственных и общественных органов обсуждался вопрос об открытии одновременно и музея, и функционирующего при нем Общества изучения местного края⁴. Центральный чувашский музей был открыт постановлением Чувашского облисполкома от 12 февраля 1921 г. Положение о музее и его устав были утверждены постановлением от 16 апреля 1921 г. На следующий день были избраны совет и его председатель⁵. Им оказался педагог, общественный и профсоюзный деятель с большим производственным и педагогическим стажем чебоксарец Н. П. Неверов (1888–1942). Выпускник Чебоксарского духовного училища, Казанской духовной семинарии, славяно-русского отделения Варшавского университета, он в то время преподавал русский язык и литературу в Чебоксарской школе второй ступени (1918–1922), затем на Чувашском рабфаке (1926–1930) и на Чебоксарском медицинском рабфаке (1931–1937). Преподавательскую работу по словесности сочетал с активной общественной деятельностью: в 1921–1926 гг. являлся заведующим отделом культуры и членом президиума Чувашского областного союза профсоюзов. Еще в 1919 г. он совместно с П. Е. Мартенсом открыл музей при народном университете, преобразованный в том же году в Чебоксарский уездный музей. После образования Чувашской автономной области был назначен на должность заведующего областной секцией по делам музеев и охраны памятников искусства. Неслучайно его выбрали на должность первого заведующего Центрального чувашского музея, которую он занимал с февраля 1921 по апрель 1922 г. Ему удалось получить охранную грамоту для Центрального чувашского музея за подписью наркома просвещения А. В. Луначарского⁶. Такие мероприятия напрашивались из-за того, что многие крестьяне, расправляясь с помещиками, сжигали их усадьбы, где заодно уничтожались и материальные ценности, включая произведения искусства и богатые библиотеки.

Поддерживая развитие краеведения в 1920 гг., коммунистическая партия и правительство видели в нем, с одной стороны, источник спасения и сохранения памятников старины, исследования местных ресурсов, создания новых музеев, архивов, библиотек, с другой – мощный идеологический инструмент воспитания трудящихся масс в духе советского патриотизма и коммунистического мировоззрения. К десятилетию советской власти (1927) в стране функционировали 565 краеведческих музеев, 64 краеведческих исследовательских центра, 1765 краеведческих обществ⁷.

3 Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1575. Опись 1. Дело 135. Л. 9, оборот.

4 Отчеты Общества изучения местного края за 1921–1923 годы. Чебоксары, 1924. С. 4.

5 Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отдел 2. Единица хранения 490. Инвентарный № 683. Л. 81–82.

6 Михайлов Е. П. Неверов Николай Павлович // Чувашская энциклопедия. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2009. Том 3. С. 207.

7 Озеров А. Г. Краеведение : методические советы. Москва : Юный краевед, 2021. С. 52.

Широко развивалось школьное краеведение, в которое вовлекались комсомольцы и пионеры. В структуре Центрального бюро краеведения работала школьная краеведческая комиссия, занимавшаяся разработкой методики школьного краеведения, сближения школьных предметов с краеведческой работой. Применительно к Чувашии весьма востребованной оказалась брошюра учителя-краеведа П. В. Озерова «Краеведение и чувашская школа», где имелись разделы «Задачи школьного краеведения», «Методы работы с учащимися», «Краеведение и местное хозяйство», «Полезные дела следопытов», «Книги и обращение к учителю-краеведу». Ученые отмечают большой вклад этнографа в дело краеведения. Так, собранные В. П. Озеровым костюмы, мебель и утварь чувашей д. Яманово Канашского района и д. Тюнзыры Цивильского района Чувашской АССР были переданы в Музей народов СССР и впоследствии в Русский этнографический музей в Ленинграде [Кашпар, 2020, с. 144–145].

Центральный чувашский музей являлся первым научно-исследовательским учреждением Чувашской автономной области, положившим начало систематическому изучению и пропаганде истории, культуры, быта и природы чувашского края. В музее экспонировались археологические материалы, надмогильные камни, русские и иностранные монеты, медали, знаки, жетоны, предметы быта, образцы мочальных моделей и корзиноплетения, картины и рисунки. В это же время в г. Цивильске и Ядрине были открыты уездные музеи. После создания первого апреля 1921 г. областной комиссии по охране памятников искусства и старины в уездных городах создавались тройки по охране памятников⁸.

Чебоксарская общественность предпринимала и шаги по оказанию общественной поддержки музею. 17 апреля 1921 г. в здании чувашского театра состоялось торжественное заседание граждан по случаю открытия Общества изучения местного края. Заседание открыл председатель облисполкома Д. С. Эльмень с докладом «Краткий очерк истории чувашского народа». Затем последовали сообщения заведующего Центральным чувашским музеем Н. П. Неверова «Музейное строительство РСФСР и Центральный чувашский музей» и заведующего облоно И. Н. Яштайкина «Цель и задачи Общества изучения местного края»⁹. Организаторами и активными деятелями общества были И. Н. Яштайкин, Г. М. Михайлов, Ф. П. Павлов, М. С. Спиридонов, К. В. Элле, А. П. Прокопьев-Милли, И. К. Лукоянов, Н. К. Кириллов, Н. И. Ванеркке, Н. Я. Золотов, И. Е. Ефимов, Г. М. Максимов, С. М. Максимов, Ф. Т. Тимофеев¹⁰. Почетными членами общества числились И. Я. Яковлев (Москва), Н. Я. Марр, А. Е. Ферсман, С. Ф. Ольденбург (Ленинград), Н. И. Ашмарин (Баку)¹¹. В постоянный совет об-

8 Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1575. Опись 1. Дело 135. л. 9 об.–10.

9 Государственный исторический архив Чувашской Республики.

Фонд 333. Опись 1. Дело 3. Л. 1.

10 Ткаченко В. Г. Краеведение // Чувашская энциклопедия. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2008. Том 2. С. 340.

11 Государственный исторический архив Чувашской Республики. Фонд 333. Опись 1. Дело 3. Л. 211.

щества вошли наиболее активные исследователи-краеведы М. П. Петров, Н. В. Неверов, Л. А. Потоцкий, С. А. Коричев, И. К. Лукьянов, Ф. Т. Тимофеев¹². Активисты-краеведы в количестве 51 человек записались в различные секции: по чувашской истории – 13 человек, по этнографии – 11, по археологии – девять, по природоведению – пять, по хозяйственно-экономическому быту – девять, по образованию – четыре, по санитарии и медицине – три человека¹³. Число членов общества росло из года в год: в 1924 г. их было – 90, в 1926 – 155, в том числе академиков, профессоров, научных работников – 27, преподавателей общеобразовательных школ – 24, агрономов – 16, литераторов и художников – по шесть, учащихся – 24, остальных – государственные служащие. Из этого контингента 80 человек проживали в Чебоксарах, 21 – в Москве, 15 – в Казани, семь – в Ленинграде, два – в Ульяновске, по одному – в Самаре, Саратове, Воронеже, Нижнем Новгороде¹⁴.

Члены общества вели исследования по актуальным проблемам народного хозяйства и культуры, на заседаниях совета и общих собраниях выступали с докладами, которые обсуждались членами общества, выносились рекомендации в адрес учреждений и организаций и руководящих работников. По неполным данным, за 1921–1930 гг. на 73 общих собраниях Общества изучения местного края было заслушано более 130 докладов, в среднем по 10–15 в год¹⁵. Так, в 1921 г. состоялось пять общих собраний в июне, сентябре, октябре, дважды в ноябре. На первом собрании от 12 июня профессор Казанского университета В. Ф. Смолин, сторонник болгарской теории происхождения чувашей, выступил с докладами «О происхождении народностей камско-волжских болгар», «Нумизматическое свидетельство X века о Камско-Волжской Булгарии», «Обзор литературных новинок о Камско-Волжской Булгарии», «Чувашизмы в венгерском языке по сочинению венгерского ученого Гумбоча¹⁶». На втором собрании 17 сентября был заслушан и обсужден доклад профессора А. М. Селищева «О культурных и социальных взаимоотношениях предков чуваш с соседними народами по данным языка». На третьем собрании 12 октября профессор В. Ф. Смолин поразил научную общественность Чувашии тремя новыми докладами «Об археологических разведках в Цивильском уезде», «Древнейший след названия «чуваш», «Благословение Русского правительства XVII-XVIII веков на порчу археологических материалов Камско-Волжской Булгарии»¹⁷. Будучи профессором археологии Восточного педагогического института в Казани (1922–1929), чле-

12 Отчеты Общества изучения местного края за 1921–1923 годы. Чебоксары, 1924. С. 12.

13 Там же. С. 5.

14 Государственный исторический архив Чувашской Республики. Фонд 333. Описание 1. Дело 3. Л. 211.

15 Там же. Л. 168, 217, оборот.

16 Золтан Гомбоц (Zoltán Gombocz) (1877–1935) – исследователь венгерского языка, тюрколог (см.: Дмитриева Ю., Адягаши К. HUNGARO-TSCHUWASCHICA : аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. / Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Чебоксары, 2001. С. 32–49.

17 Отчеты Общества изучения местного края за 1921–1923 годы. Чебоксары, 1924. С. 6.

ном Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, членом Общества изучения местного края Чувашии, он в 1921–1925 гг. организовал раскопки могильника в Чувашии, описал культуру эпохи бронзы, назвав ее абашевской. Этот термин до сих пор бытует в школьном и вузовском курсах отечественной истории и археологии. Позднее В. Ф. Смолин возглавлял один из отрядов Средневожской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в нижнем течении р. Цивиль, открыл памятники каменного, бронзового, раннего железного веков и Средневековья. Поддерживая массовое краеведческое движение, В. Ф. Смолин способствовал работе краеведческих, научных обществ, учреждений и музеев Татарии, Чувашии, Северного Кавказа, Сибири.

В сборе предметов чувашской материальной культуры и народного творчества в селениях Чувашской автономной области, а в последующем и республики участвовали Н. А. Васильев, М. С. Спиридонов, К. В. Элле, Т. М. Матвеев и др. Заведовавший Центральным чувашским музеем в течение двух лет М. С. Спиридонов лично занимался сбором материалов быта в чувашских селениях. Члены низовых ячеек общества и кружков изучения местного края – заведующий Ковалинской школой-восьмилеткой Н. М. Гуймедов, заведующий Карачевской школой-шестилеткой Захаров, заведующий Канашским педтехникумом Т. М. Матвеев, преподаватель чувашского языка Чебоксарского педтехникума М. П. Петров – собирали материалы письменной культуры и народного фольклора.

Местные кружки общества активно работали и в чувашской диаспоре, особенно в Поволжье. Будучи в 1920–1922 гг. членом Симбирского губернского отдела народного образования и членом редколлегии издававшегося в Симбирске литературного альманаха на чувашском языке «Атӑл юрри» («Волжская песня»), А. П. Прокопьев-Милли собрал большой этнографический материал (костюмы и предметы домашнего быта, более трех тысяч куплетов народной поэзии, предания о древнем быте) в чувашских деревнях на территории Симбирской губернии и весной 1923 г. передал их Центральный чувашский музей. Учащиеся Ульяновского педагогического техникума под руководством И. Н. Юркина изучали этнокультуру низовых чувашей. В Казани изучение этнографии чувашей было организовано профессором Н. В. Никольским совместно со студентами чувашского отделения Восточного педагогического института, а также учащимися Казанского педагогического техникума. В Саратове под руководством профессора Б. М. Соколова и при участии Т. М. Акимовой, П. Д. Степанова, В. П. Воробьева были собраны в значительном количестве материалы о чувашском быте, которые, к сожалению, не попали в Чувашскую автономную область, а были переданы на хранение в чувашский отдел народоведения в Москве и в Саратовский этнографический музей. В Уфе сбором чувашского этнографического материала занимался Г. И. Комиссаров, состоявший членом филиала Общества изучения местного края при академическом центре Наркомпроса Башкирии [Милли, 1926, с. 230–231].

Общество изучения местного края поддерживало переписку с областными общественными организациями и союзами: с областным комитетом ВЛКСМ, Чувашской ассоциацией пролетарских писателей, Союзом воинствующих безбожников, Союзом работников просвещения, Кустпромлессоюзом, с учебными заведениями и т. д.

Расширялось поле деятельности общества в пределах страны, поскольку половина из числа чувашей проживала вне своей титульной области компактными группами, особенно в Поволжье и Приуралье. Между тем постановление Исполкома Чувашской автономной области от 20 февраля 1924 г. «О реализации чувашского языка в пределах Чувашской автономной области» касалось лишь проживающих на территории самой автономной области¹⁸. Были установлены научные контакты Общества изучения местного края с чувашским отделом Центрального музея народоведения в Москве, а также с такими научными учреждениями, как Академия наук СССР, Музей антропологии и этнографии, Музей природоведения, Тимирязевский исследовательский институт, Международный аграрный институт, Академия истории материальной культуры, Яфетический институт, Центральное бюро краеведения, научные учреждения Украины, Белоруссии, Татарии, Башкирии, Балкарии¹⁹.

Изучение истории и этнокультуры чувашской диаспоры происходило через студенческие землячества в Казани, Нижнем Новгороде, Ульяновске, Ленинграде и др. городах. Эта работа особенно оживилась после создания в 1924 г. в Москве Общества чувашеведения, преобразованного в 1927 г. в Общество изучения чувашской культуры. Оно находилось в ведении Главного управления научных учреждений Наркомпроса РСФСР и ставило целью объединение лиц, занимающихся исследованием различных сфер чувашской культуры. Его почетными членами были Н. И. Ашмарин, Н. Я. Марр, И. Я. Яковлев. Филиалы и отделения общества были открыты в Казани, Самаре, Уфе, Саратове, Бугуруслане. Они поддерживали чувашские школы и клубные учреждения, периодические издания для чувашей. Чувашские педагогические техникумы в Казани, Самаре, Аксубаеве (Татарская АССР), Белебее (Башкирская АССР) готовили учителей для чувашской диаспоры. В октябре 1928 г. по инициативе Общества изучения чувашской культуры в Москве и при активной поддержке со стороны Общества изучения местного края в Чебоксарах торжественно отмечались 80-летие со дня рождения И. Я. Яковлева и 60-летие созданной им Симбирской чувашской учительской школы. Проведенный в том же году первый краеведческий съезд Чувашии с участием 115 делегатов продемонстрировал важную роль краеведения в развитии национальной культуры, приобщении населения к культурному строительству, к осознанию им своей этнической идентичности в условиях многонациональной страны²⁰. Это было демон-

страцией живой энергии, интеллектуальной и нравственной силы народа.

Продолжалось тесное сотрудничество Общества изучения местного края с известными учеными – академиком Н. Я. Марром, профессорами Ф. М. Смолиным, Н. Н. Поппе, Б. Н. Вишневым, Н. И. Ашмариним, Н. В. Никольским и др²¹. В 1926–1929 гг. при активном участии общества проведены экспедиции: геологическая под руководством профессора Б. И. Горизонтова, зоологическая под руководством профессора И. А. Ливанова, ботаническая под руководством профессора А. Я. Гордягина, педологическая под руководством профессора Я. Н. Красникова, лингвистическая под руководством академика Н. Я. Марра, антропологическая под руководством профессора Б. Н. Вишневого, археологическая под руководством профессора В. Ф. Смолина и ученого сотрудника Академии истории материальной культуры П. П. Ефименко²².

Ряд экспедиций был организован Обществом изучения местного края совместно с Советом науки и культуры, Академическим центром, Наркомпросом, Наркомземом Чувашской АССР. Так, в 1929–1930 гг. по изучению истории и этнографии состоялось пять научных командировок: 1) в южные районы Чувашской АССР для изучения экономики и культуры; 2) в Чистопольский и Буинский районы Татарской АССР для изучения свадебной обрядности, народной словесности, языческой религии; 3) в Ибресинский район для изучения изобразительного искусства; 4) в г. Курмыш и Башкирскую АССР для выявления данных об участии чувашей в гражданской войне; 5) в Чистопольский район Татарской АССР для записи чувашских народных песен. Музыкально-этнографическая подсекция общества собрала десять тысяч куплетов чувашских песен, 104 сказки, 2406 пословиц, 1847 загадок в объеме 80 печатных листов. Краеведческая библиотека общества пополнилась двумя тысячами книг, и число их перевалило за восемь тысяч томов [Чувкор, 1930, с. 31–32].

На заседании совета общества от второго и четвертого апреля 1929 г. был утвержден список из 40 тем научных исследований для участия в конкурсе по случаю празднования десятилетия Чувашской АССР, в том числе по экономике – 14, по природоведению и культуре – по три, по истории – восемь, по археологии, этнографии и народной словесности – по одному, по языку – четыре, по литературе – пять. Среди актуальных языковедческих тем – «Влияние русского языка на фонетику, морфологию и синтаксис чувашского языка», «Монографическая работа по чувашской диалектологии», «Связь чувашского языка с другими языками», «Монографическая работа по изучению отдельных вопросов грамматики чувашского языка»; по литературе – «Чувашская поэзия с начала зарождения до наших дней», «Отражение революционной борьбы в чувашской художественной литературе», «Краткий очерк о чувашской художественной литературе для школ», «Чу-

18 Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1235. Опись 123. Дело 522. Л. 42.

19 Государственный исторический архив Чувашской Республики. Фонд 333. Опись 1. Дело 3. Л. 218, оборот.

20 Ткаченко В. Г. Краеведение // Чувашская энциклопедия. Чебокса-

ры : Чувашское книжное издательство, 2008. Том 2. С. 340.

21 Государственный исторический архив Чувашской Республики. Фонд 333. Опись 1. Дело 3. Л. 168–169.

22 Ткаченко В. Г. Краеведение // Чувашская энциклопедия. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2008. Том 2. С. 340.

вашская драма и театр», «Борьба за чувашскую пролетарскую литературу»; по фольклору – «Научный анализ произведений чувашской народной словесности со стороны языка, метрики, образов и отражения социально-экономического, семейного уклада чувашской жизни»; по этнографии – «Монографическая работа по изучению отдельных вопросов, касающихся песенного и музыкального творчества чуваш, одежды, жилища, пищи, орудий производства и верований»; по культуре – «Проблема всеобщей грамотности в условиях Чувашской АССР», «Развитие народного хозяйства и культуры Чувашской республики и подготовка работников»²³. В разработке вопросов чувашского языка, лексикографии, пунктуации и фразеологии в 1920 гг. принимали участие Н. И. Ашмарин, Н. В. Никольский, В. Г. Егоров, Н. И. Ванеркке, А. Т. Быков и др [Петров, 1965, с. 100].

Особое внимание к вопросам языкового строительства объясняется тем, что при массовом обучении взрослых грамоте и поэтапного введении обязательного обучения детей в школе, с появлением новых терминов в производственной и общественно-политической сферах возникали трудности с использованием алфавита, созданного И. Я. Яковлевым. Главным его недостатком было отсутствие в чувашской графике букв для звонких согласных. По упорядочению терминологии по различным отраслям знаний значительную работу провела основанная в 1920 г. в Чебоксарах Центральная переводческая комиссия во главе с Ф. Т. Тимофеевым [Петров, 1965, с. 101]. Цементирующим фактором в языковом строительстве оказалась изданная в 1921 г. книга П. О. Афанасьева «Методика родного языка в трудовой школе», которая до 1937 г. выдержала 13 переизданий. В 1920 гг. началась мода на латинизацию алфавитов, но она обошла чувашей. В борьбе за нормализацию литературного языка участвовали не только партийные и государственные работники, но и ученые, интеллигенция, учителя, краеведы, включая членов Общества изучения местного края. В одно время некоторые из них заняли ошибочную позицию, под знаменем самобытности чувашского языка пропагандируя явно пуристские взгляды. Эти идеи отразились в правилах чувашского правописания, изданных Чувашгизом в 1923 г [Егоров, 1950, с. 68–69].

Поиски нового были характерны всем областям жизни. Образование Чувашской советской автономии, книжного издательства, театра, национального хора, радио, кино, издание книг, журналов, газет на чувашском языке всколыхнули душу народа, пробудили чувство национального самосознания. Чуваша все больше осознавали себя как носители неповторимой этнокультуры, как части интернациональной культуры народов мира.

После создания Чувашского книжного издательства в 1921 г. в течение десяти лет на чувашском языке было выпущено 915 книг общим тиражом 4645 тысяч экземпляров [Петров, 1965, с. 1–2].

С преобразованием Чувашской автономной области в Чувашскую АССР в 1925 г. вопросы изменения и уточнения чувашского алфавита перешли в компе-

тенцию высших органов власти. Центральный исполнительный комитет Чувашской АССР издал два постановления: от 31 мая 1926 г. «О введении правил чувашского правописания», от второго сентября – «О чувашском правописании». Первое вводило буквы *o* и *φ*, второе – букву *ч*. Все остальные буквы сохранились в том же виде, в каком были при И. Я. Яковлеве. Однако дискуссии о графических знаках не прекратились вплоть до 1930 гг. Определенную ясность ввела созданная в 1927 г. терминологическая комиссия при Наркомпросе Чувашской АССР, которая в течение пяти лет утвердила более пяти тысяч чувашских терминов²⁴.

Правительственные учреждения не оставляли вне своего внимания краеведение. Постановление Совнаркома РСФСР по докладу Совнаркома Чувашской АССР о его деятельности и культурно-хозяйственном состоянии Чувашской АССР от 30 августа 1928 г. предложило Совнарком Чувашской АССР «принять меры к усилению краеведческой работы, распространению и развитию национального искусства и подготовке кадров хозяйственных и культурных работников»²⁵. В осуществление директивных установок на курсах, организованных Центральным бюро краеведения в сентябре 1930 г. и в августе 1931 г., было подготовлено 36 краеведов²⁶. Оживилась работа местных филиалов общества. Особенно активно работали они в Ядрине, Цивильске, Мариинском Посаде, Ибресях. Творчески действовали ячейки краеведения в Шуматове, Малом Карачкино, Новошимкусах, в школах повышенного типа, при Алатырском, Ядринском, Красночетайском педагогическом техникумах. Краеведческий кружок при Вурнарском техникуме животноводства, функционировавший с 1928 г. и состоявший из 83 человек, под руководством преподавателя А. Орлова составил описание почв участка своего техникума, под руководством учителя-краеведа А. Никитина препарировал грызунов из лесной дачи, обменивался наработками с Московским зоопарком, завел коллекцию экспонатов в кабинете биологии техникума. Юные краеведы Канашского педтехникума и школы второй ступени под руководством преподавателя чувашского языка В. С. Разумова собрали фольклорный материал из 20 тысяч песен. Аналогичную работу по сбору фольклорного материала вели учащиеся кружков краеведения г. Ядрина и с. Норусово²⁷. Следовательно, сравнительно активнее работали по сбору фольклорного материала краеведы северо-западных районов Чувашии, где проживали верховые чуваша. В определенной мере сказывались в этом и дореволюционные традиции – именно отсюда вышло много краеведов.

Как и в других сферах культуры, где в первые годы советской власти на культурном фронте, третьем после военного и экономического фронтов, применялись такие формы кратковременной мобилизации населения по неделям, декадам или месяцам, как штурм ликбеза, культштурм, культэстафета, общественный буксир и

24 Там же. Фонд 147. Описание 1. Дело 1175. Л. 33.

25 Там же. Дело 550. Л. 75, оборот.

26 Там же. Фонд 333. Описание 1. Дело 26. Л. 64.

27 Там же. Дело 54. Л. 48–49.

т. п. В результате появлялись новые избы-читальни, школы ликбеза, кружки художественной самодеятельности, краеведческие кружки. Так, в период краеведческой декады в конце 1930 г. к 18 существовавшим краеведческим ячейкам с 900 членами прибавилось 20 новых ячеек с 600 членами. В 15 районах было проведено 30 докладов на краеведческие темы, через Центральный чувашский музей пропущено до тысячи посетителей²⁸. Однако такие кратковременные потуги в порядке штурмовщины приносили видимые результаты лишь в период кампании, после нее работа в этой сфере снова возвращалась на прежний уровень.

Из числа 199 зарегистрированных членов Общества изучения местного края к началу сентября 1930 г. чуваша составляли 90,7 процентов, женщины – восемь процентов, по социальному составу служащие – 87 процентов, учащиеся – 11 процентов, рабочих было около двух процентов; по партийности кандидатов и членов ВКП(б) – 24 процента, членов ВЛКСМ – 21 процент; по образованию с высшим – 45 процентов, средним – 47 процентов, низшим – восемь процентов²⁹.

Совнарком ЧАССР в постановлении от 18 мая 1931 г. по докладу Общества изучения местного края «О мероприятиях по развитию краеведного дела в Чувашской АССР» определил как основную задачу краеведения «изучение производительных сил и природных богатств, осуществление культурной революции»³⁰. Отмечалось, что Общество изучения местного края не справляется со своими задачами, не вовлекает в свою работу широкие массы трудящихся. Обращалось внимание на необходимость усиления работы Наркомпроса в этой сфере³¹.

Формирование жесткой административной системы, политика, направленная на централизацию науки и всех сфер общественной жизни, усиление идеологизации деятельности краеведческих учреждений привели на рубеже 1920–1930 гг. к фактическому разгрому краеведения, которая оказалась на обочине науки. В конце 1931 г. Общество изучения местного края было преобразовано в Центральное бюро краеведения Чувашской АССР, через три года – в Общество изучения Чувашской АССР. В 1931 г. перестало функционировать Московское общество изучения чувашской культуры. Многие известные краеведы в годы сталинских репрессий были названы националистами, подверглись гонениям. В их числе оказались члены Общества изучения местного края М. П. Петров-Тинехпи, Н. В. Шубоссинни, Е. З. Захаров, Ф. Т. Тимофеев, П. В. Озеров, А. П. Прокопьев-Милли и др. Историческое краеведение как научное направление в Чувашии, как и по всей России, перестало развиваться. Лишь в начале 1990 гг. вновь создается Союз краеведов Чувашии³².

Общество изучения местного края в столице Чувашии и Общество изучения чувашской культуры в столице СССР за период своего кратковременного существования оставили заметный след в научной разработке многих краеведческих вопросов, сохранении

родного языка и культуры чувашей в условиях русско-чувашского двуязычия и воспитании у них чувства своей собственной национальной идентичности. Членами Общества изучения местного края в 1920 гг. были изданы книги «О происхождении чуваш» М. П. Петрова-Тинехпи, «Трахрома в Камско-Волжском крае» Н. К. Лукьянова, «Культурное влияние чуваш на соседей по данным языка» Н. П. Поппе, «Чуваши-яфетиды на Волге» Н. Я. Марра, «Чуваши и их песенное и музыкальное творчество» Ф. П. Павлова, «В глубь веков Чувашского края», «Абашевский могильник» В. Ф. Смолина, «Названия селений Чувашской АССР на собственном наречии чуваш» К. В. Элле, «Осадки, температура и урожаи в Чувашской АССР» Г. И. Иванова, «Чувашские народные сказки» Н. В. Никольского, «Чувашские народные песни» Н. П. Юренева и др.³³. М. П. Петрову-Тинехпи, который был сотрудником (1921–1924), директором (1924–1930), заместителем директора Центрального чувашского музея (1930–1931), с 2001 г. посвящаются научные сессии, называемые Петровскими чтениями. В 2023 г. важно отметить 135-летие Н. П. Неверова, первого заведующего Центрального чувашского музея, ныне Чувашского национального музея.

В условиях глобализации, ослабления межнациональных контактов, последовавших после распада СССР (1991), все меньше внимания уделяется судьбам меньшинств народов. Многие из них находятся на грани вымирания. Особенную тревогу вызывает судьба чувашей диаспоры. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. показали, что за предыдущие десять лет число чувашей сократилось на 25,7 процентов и едва превышает миллион человек³⁴. Это объясняется рядом объективных и субъективных факторов. К первым относится то, что чуваша, живущие вне Чувашской Республики, лишены чувашских школ, литературы на родном языке и вынуждены пользоваться родным языком только на бытовом уровне. Следующее поколение уже не будет общаться на материнском языке и будет соответственно лишено возможности знакомиться с национальной культурой в полном объеме. К субъективным факторам можно отнести то, что стало непрестижно быть чувашем. Многие коренные чуваша стыдятся своей национальности и выдают себя за русского. Не только правительственные органы, но также и Союз краеведов Чувашии, возобновивший работу с 1991 г., и функционирующие на территории 26 регионов России и восьми стран 60 национально-культурных автономий чувашей³⁵ призваны содействовать сохранению родного языка и культуры чувашей. Пока язык жив, будет жить и народ с его самобытной этнокультурой.

Выводы

Таким образом, Общество изучения местного края в Чебоксарах и Общество изучения чувашской культуры в Москве, оказавшиеся на этапе золотого десятилетия краеведения одними из первых научно-просветительских общественных организаций для чувашей, способ-

28 Там же. Дело 193. Л. 1.

29 Там же. Дело 26. Л. 65.

30 Там же. Л. 42.

31 Там же. Дело 103. Л. 1–2.

32 Ткаченко В. Г. Краеведение // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2008. Том 2. С. 340.

33 Государственный исторический архив Чувашской Республики. Фонд 333. Опись 1. Дело 3. Л. 169, оборот, 218 оборот.

34 Кузнецова С. Язык жив, пока жив народ // Аргументы и факты. Чувашия. 2023. № 4. С. 2.

35 Там же.

Лингвостилистическая и литературоведческая интерпретация новеллы С. Цвейга «Гувернантка» на сюжетно-персонажном уровне

<https://doi.org/10.31483/r-105766>
УДК 821.112.2(436)09-5(Цвейг)42

Акиншина И. Б.^а, Слепцова С. В.^б, Кузьмина О. В.^с

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
г. Белгород, Российская Федерация.

^а <https://orcid.org/0000-0001-9433-8333>, e-mail: akinshina@bsu.edu.ru

^б <https://orcid.org/0000-0001-9152-6937>, e-mail: sleptsova@bsu.edu.ru

^с <https://orcid.org/0000-0002-9587-3220>, e-mail: kusmina@bsu.edu.ru

Резюме. Взаимодействие литературоведческого и лингвистического подходов в процессе анализа художественного текста дает возможность проникнуть в глубинную сущность художественного произведения, в чем и заключаются актуальность исследуемой проблемы. Используя данные подходы, авторы провели филологический анализ этической новеллы австрийского писателя С. Цвейга «Гувернантка». Были выявлены такие приемы, используемые при характеристике психологической напряженности персонажей, как климакс и интроспекция. В работе также представлен анализ лингвостилистических средств описания представленных образов в новелле «Гувернантка» С. Цвейга и их взаимодействий. При анализе выявлены следующие тропы: прямые номинации, усиленные эпитетами; повторы глаголов и существительных, художественные сравнения, метафоры, метонимии, перифразы, гиперболы, персонификации, внутренние параллелизмы, фигуры умолчания, внутренние монологи, риторические вопросы и восклицания. С помощью лингвостилистических средств определены три этапа динамизации эмоциональных переживаний главных героев: 1) легкое подозрение, смутное противоречие, осторожность; 2) недоверие, подозрение, нервозность, возбужденность; 3) открытый протест, переживание, горе, отчаяние, разочарование, слезы, тишина, тьма. Писатель умело использовал лингвостилистические средства для характеристики главных персонажей и роста их эмоционального напряжения.

Ключевые слова: лингвостилистическая и литературоведческая интерпретация, лингвостилистический анализ, климакс, интроспекция, Цвейг, новелла «Гувернантка».

Для цитирования: Акиншина И.Б. Лингвостилистическая и литературоведческая интерпретация новеллы С. Цвейга «Гувернантка» на сюжетно-персонажном уровне / И.Б. Акиншина, С.В. Слепцова, О.В. Кузьмина // Этническая культура. 2023. Т. 5, № 2. С. 30-37. DOI 10.31483/r-105766. EDN LQRSTC

Linguistic-stylistic and literary interpretation of S. Zweig's short story "Governess" at the plot and character level

Inna B. Akinshina^a, Svetlana V. Sleptsova^b, Oxana V. Kuzmina^c

 Belgorod State National Research University
Belgorod, Russian Federation

^а <https://orcid.org/0000-0001-9433-8333>, e-mail: akinshina@bsu.edu.ru

^б <https://orcid.org/0000-0001-9152-6937>, e-mail: sleptsova@bsu.edu.ru

^с <https://orcid.org/0000-0002-9587-3220>, e-mail: kusmina@bsu.edu.ru

Abstract. The interaction of literary and linguistic approaches in the process of analyzing a literary text makes it possible to penetrate into the depth of the artistic work. This is the relevance of the study. The authors conducted a philological analysis of the ethical S. Zweig's short story "The Governess" using these approaches. The following means were identified to characterize the psychological tension of the characters: climax and introspection. The analysis of linguistic-stylistic means in the description of the presented images of characters and their interactions is carried out. The analysis revealed the following tropes: direct nominations amplified by the epithets; repetitions of verbs and nouns; artistic comparisons; metaphors; metonymies; paraphrases; hyperboles; personifications; internal parallelisms; figures of "default"; internal monologues; rhetorical questions and exclamations. Three stages of dynamization of the emotional experiences of the main characters are identified with the help of linguistic-stylistic means: 1) slight suspicion, vague contradiction, caution; 2) distrust, suspicion, nervousness, agitation; 3) open protest, experience, grief, despair, disappointment, tears, silence, darkness. The conclusion states that S. Zweig made the best presentation of linguistic and stylistic means to characterize the main characters and the growth of their emotional tension.

Keywords: linguistic-stylistic and literary interpretation, linguistic-stylistic analysis, climax, introspection, Zweig, short story "The Governess".

For citation: Akinshina I.B., Sleptsova S.V., & Kuzmina O.V. (2023). Linguistic-stylistic and literary interpretation of S. Zweig's short story "Governess" at the plot and character level. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(2), 30-37. EDN: LQRSTC. <https://doi.org/10.31483/r-105766>.

Введение

Проблема интерпретации художественного текста не так проста, как кажется на первый взгляд. Она была и остается актуальной до настоящего времени потому,

что анализ лингвостилистических особенностей художественного текста дает нам возможность проникнуть в глубинную сущность художественного произведения, извлечь из него всю ту многообразную информацию, ко-

торая в нем заложена. Раздельное литературоведческое и лингвистическое исследование текста односторонне отображает структуру и этические ценности художественного произведения. Поэтому возникает необходимость совместить оба подхода в рамках филологического анализа.

Художественный текст является объектом изучения различных филологических дисциплин и служит основой его интерпретации. Всякое словесно-художественное произведение представляет собой этическое, историко-литературное и языковое единство и должно изучаться по художественным и языковым параметрам.

По мнению Н. Н. Пелевиной, с помощью языковых средств и композиционных приемов автором создаются актуализированные художественные смыслы в произведении. Они называются авторской концепцией действительности. Скрытое присутствие авторского смысла и субъективная интерпретация читателем произведения позволяет его рассматривать как художественное [Пелевина, 2008, с. 83–84].

Если к литературоведению и лингвистике подходить классически, то анализ художественного текста следует считать результатом взаимодействия обеих наук. Результирующей наукой здесь выступит стилистика, а синонимами ее могут быть точное литературоведение, структуральная или лингвистическая поэтика и лингвистика текста. Наличие стилистики как универсальной науки, изучающей художественный текст, делает другие дисциплины дублирующими ее, факультативными.

Н. О. Гучинская, подходя к этой проблеме герменевтически, рассматривает «стилистику как целое, а поэтику, лингвистику и литературоведение (по отношению к анализу текста) как ее части [Гучинская, 1995, с. 45].

Согласно толкованию А. В. Костина, Е. С. Антипиной, О. В. Сапожниковой, интерпретация текста – это «освоение идейно-эстетической, смысловой и эмоциональной информации художественного произведения, осуществляемое путем воссоздания авторского видения и познания действительности» [Костин, Антипина, Сапожникова, 2017, с. 80].

Направление интерпретации впервые появилось в США в 1930 гг. Оно получило название нового критицизма. Одним из создателей этого направления выступает Д. Рэнсом¹. Суть направления новой критики заключалась в глубоком прочтении произведения и анализе частного и общего смысла каждой фразы, а также в исследовании символики, образной системы и скрытых мотивов, заложенных автором в литературное произведение.

Во Франции теоретические основы интерпретации представил Р. Барт в 1950 гг.². Французский новый критицизм стал результатом применения в литературоведении принципов структурализма и сочетал в себе множество методологических направлений: анализ внутреннего строения произведения, особенностей поэтической речи, повествования и организации сюжета.

1 Ransom J. C. *Criticism, Inc.* // The Norton anthology of theory and criticism / general editor V.B. Leitch. New York; London, 2001. P. 1108–1118.

2 См.: Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / перевод Г. К. Косикова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. Москва, 1987. С. 387–422; Барт Р. Драма, поэма, роман // Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века / составитель Л. Г. Андреев. Москва, 1986. С. 133–151.

Интерпретирование текста имеет огромное значение и при литературоведческом, и при лингвистическом анализе произведения. Искусство писателей творить художественные произведения – это не просто способ авторского самовыражения, оно формирует важную необходимую сторону коммуникативной деятельности человека. Познать его можно только проанализировав все этапы и характеристики творчества. Читателю в этом процессе отводится ключевая роль³.

Вслед за И. Я. Чернухиной в настоящей работе художественный текст рассматривается авторами как «эстетическое средство опосредованной коммуникации, цель которой есть изобразительно-выразительное раскрытие темы, представленное в единстве формы и содержания и состоящее из речевых единиц, выполняющих коммуникативную функцию» [Чернухина, 1984, с. 11]. По ее мнению, «художественный текст одновременно и статичное, и динамичное образование» [Чернухина, 1984, с. 11].

Нельзя не согласиться и со следующим утверждением И. Я. Чернухиной, что антропоцентризм лежит в основе художественного текста. Его специфичностью в этом случае выступает герой во времени и пространстве как объект изображения художественного текста. Кроме того, художественный текст представлен определенными универсальными смысловыми категориями, в числе которых персонаж, время, пространство, источник информации, образ автора, образ читателя. При этом И. Я. Чернухина отмечает, что смысловые категории «персонаж», «время» и «пространство» гораздо уже темы художественных текстов, которая базируется на этих смыслах, а эксплицитное и имплицитное содержание текста раскрывает тему художественного произведения [Чернухина, 1984, с. 13].

Художественный текст по своей структуре сложен. Интерпретируя его, извлекаются заложенные в нем мысли и чувства автора. Представленная идея автора в произведении может быть реконструирована только исходя из него.

Как известно, именно в образе аккумулирована смысловая и эстетическая информация. Поэтому, чтобы проникнуть в нее, нужно начать с поиска образов.

Образ в работах филологов трактуется неоднозначно. Однако все сходятся во мнении, что в основе этого определения лежит общеэстетическое значение. По мнению В. А. Кухаренко, «образ – это представление общего через единичное, абстрактного через конкретное, отвлеченного через чувственно-наглядное, осязаемое»⁴.

Художественный образ не ограничен определенным участком текста, он рождается постепенно в представлении читателя на протяжении прочтения всего произведения, а структура художественного произведения как раз представлена перемещением, развитием и группировкой образов. Именно здесь наблюдается ход авторской мысли, идейно-эстетическая позиция, его точка зрения, которые приводят читателя к финальному выводу⁵.

Анализ и интерпретация новеллы С. Цвейга «Гувернантка» посредством лингвостилистических средств

3 Кухаренко В. А. Интерпретация текста: учебник. Москва: Флинта, 2019. С. 6–7.

4 Там же. С. 11

5 Там же. С. 11–12.

помогает лучше проникнуть в суть художественного произведения, раскрыть замысел автора и точнее, тоньше понять художественный текст, его проблематику, образы героев и образ автора.

Новеллу С. Цвейга «Гувернантка» можно назвать этической: она затрагивает нравственные проблемы жизни буржуазного общества конца XIX и начала XX вв. Проблемы отцов и детей, человеческой порядочности, преданности, предательства, любви и ненависти, социального неравенства – все это и актуально по настоящее время.

Любая новелла – это повествовательный прозаический жанр с острым сюжетом, нейтральным стилем повествования, но неожиданным завершением действия. В новеллах С. Цвейга присутствует краткость, напряженность повествования, но их отличительной чертой является психологизм, то есть нарастание эмоционального состояния персонажей [Теория, 2003, с. 245; Юдина, 2018, с. 59].

Своеобразие творчества Стефана Цвейга заключается в том, что в его новеллах непросто освещаются проблемы нравственности, но и удивительно тонко передано внутреннее движение души героев, то есть психология их поступков. Кроме того, всюду незримо присутствует автор, который не может оставаться равнодушным к событиям, происходящим в его новеллах, но его авторская оценка фактически отсутствует [Тулякова, Никитина, 2015].

Талант С. Цвейга состоит в том, что его произведения заставляют читателя сопереживать. Новеллы писателя отличает глубокий психологизм, «который раскрывает внутренние чувства, переживания и качества героев» [Шадеко, 2020, с. 110]. Его произведениям присущи глубина мысли и увлекательность сюжета [Красавский, Блинова, 2016, с. 98]. Эмоции главных персонажей в новеллах С. Цвейга играют важную роль, так как взаимодействуя со средой, человек испытывает определенные «чувства и эмоции» [Москалев, 2017, с. 50].

Материалы и методы исследования

Исследование проведено на материале новеллы С. Цвейга «Гувернантка» («Die Gouvernante»), написанной на немецком языке.

Критики дают высокую оценку литературному творчеству автора, но интерпретаций его произведений в ракурсе лингвостилистического аспекта довольно мало, что обуславливает актуальность выбранной темы.

Цель статьи заключается в лингвостилистической и литературоведческой интерпретации художественного произведения С. Цвейга «Гувернантка» на сюжетно-персонажном уровне.

В работе впервые предпринята попытка анализа стилистических средств, характеризующих персонажей новеллы. Вместе с тем авторами исследования выделяются лингвостилистические средства, определяющие динамизацию изображения чувств и переживаний героев новеллы, что явилось фактором психологической и этической напряженности повествования.

В работе использовались следующие методы: литературоведческий, интерпретационный и метод лингвостилистического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Основу повествовательного стиля С. Цвейга составляет прием нарастания напряжения, проявляющийся в усилении психологической напряженности персонажей, в углублении драматизма ситуации вплоть до трагической развязки. С другой стороны, нарастание динамизма повествования, экспрессивности используемых автором выразительных средств призваны отразить рост напряженности и душевного страха главных героев – девочек. Этот прием в лингвостилистике обозначается термином «климакс», а в литературоведении – терминами «напряжение», «динамизм».

Например, в инициальном разделе новеллы мрак получает репрезентацию посредством прямой номинации *Dunkel*, не обладающей стилистическими или контекстуальными коннотациями страха, опасения боязни. Намек на подобное состояние содержится в эпитетах, характеризующих действия девочек: *die Zwölfjährige, die leise, fast ängstlich in das Dunkel hinfragt* «двенадцатилетняя девочка, тихо, почти робко, спрашивает во мраке»; *ganz leise atmen die beiden* «почти не слышно, как обе дышат».

Тьме в инициальном абзаце новеллы противопоставлен свет, ср.: *Dunkel liegt zwischen ihnen, nur von den Betten herkommt ein leiser weißer Schimmer*: «Между ними тьма, только слабое белое мерцание исходит от кроватей». Весь зачин новеллы выдержан в легких, ослабленных тонах, не содержит ничего угрожающего, настораживающего. Но в заключительном разделе властвует тьма (*Und erst, wie sie dann abends im Dunkel ihres Zimmers allein sind...* «И только, когда они одни вечером в темноте своей комнаты...»), холод (*In der allgeneinen Erregung des Hauses hat man das Zimmer zu heizen vergessen*. «В общем волнении забыли отопить комнату») и самое главное – страх перед смертью и тьмой, перед людьми, обществом, своим будущим. Кроме того, стилистически нейтральное слово *Angst* «страх» повторяется многократно (*die Angst vor der Einsamkeit, vor den Bildern der Toten* «страх перед одиночеством, перед образами умерших»; *eine Angst vor alledem, was nun kommen wird* «страх перед всем, что может произойти»; *Angst haben sie vor dem Leben* «у них страх перед жизнью»), получая усиление за счет приема повтора, а также за счет усиленных эпитетов и словообразовательного варьирования (*Kinderangst* «детский страх», *eine ahnungsvolle Angst vor unbestimmten Dingen* «предчувствие страха перед неопределенными вещами»; *Immer dämmerhafter wird ihr wirres Angstgefühl, traumhaft fast...* «Ее смутное чувство страха становится все более сумеречным, почти сказочным...»). Вершину экспрессии составляет синонимический вариант слова, содержащий сему интенсивности, усиленный эпитетом (*jähres Grauen* «внезапный ужас»).

Органическим приемом повествования, тесно связанным с приемом климакса, является интроспекция, взгляд во внутренний мир центральных персонажей, при этом в новелле преобладает собственно прямая речь (диалоги и диалогические реплики) и персонажная несобственно-прямая речь.

Особое место в тексте занимают пассажи, отражающие внешние действия девочек: поступки, взгляды,

миимику, выражение лица и глаз, жесты. Они дают нам представление о внутреннем мире, о переживаниях девочек не менее ярко и полно, чем фрагменты авторской речи. Прием характеристики внутреннего через внешнее мы также рассматриваем в качестве одного из выразительных способов приема интроспекции.

Характеристики действующих лиц в новелле «Гувернантка» автором фактически не даются в фрагментах объективного авторского повествования, поскольку для новеллы характерна установка на активное соотворчество читателя, восприятие которого направляется на восприятие и оценку событий.

Образ женщины у С. Цвейга является одним из составляющих элементов социальной жизни [Петрашевская, 2019, с. 95; Горбатовская, Снежкова, 2019, с. 92]. Но главные роли С. Цвейг по большей части отдает именно молодым женщинам, хотя нередко можно наблюдать в его произведениях портреты молодых мужчин, но во взаимоотношениях с женщиной, что создает накал страстей [Гурбанова, 2021, с. 105–106].

Центральным персонажем является гувернантка. Говоря о ней, автор использует прием прямой номинации: в авторской речи употребляются лишь существительное *Guovernante* «гувернантка», отражающее ее профессию и личное местоимение *sie* «она» в функции субститута. В речи детей появляется слово *das Fräulein* «фройляйн», и здесь уже усматриваются теплые чувства детей к своей гувернантке, их нежное отношение к ней.

Однако гувернантка характеризуется большей частью через косвенные средства в авторской речи и в речи девочек. Эпитеты квалификативного характера в тексте не многочисленны, однако они могут нам дать общее представление о характере и манерах девушки. Эти характеристики рассредоточены по всему тексту и благодаря им мы создаем себе образ гувернантки-девушки из бедной семьи, проработавшей всего несколько месяцев в благородном семействе и ставшей жертвой любви к человеку дворянского рода, видевшему в любви лишь один из способов развлечения. Характеристику ее характера, обычной манеры поведения можно проследить на следующих примерах: *Da hat sie zu weinen angefangen und hat ihm dann gesagt, unter Tränen, aber so mild und gut...* «И тут она заплакала, а потом сказала ему, сквозь слезы, но так мягко и ласково»; *Und küsst sie sanft auf die Stirn.* «И нежно целует ее в лоб»; *Das Fräulein neigt leise den Kopf.* «Фройляйн тихо наклоняет голову»; *Ihr sonst frischer und übermütiger Gang ist nun bedächtiger...* «Ее обычно быстрая и энергичная походка стала смиреннее...». На основе этих информативно-конкретизирующих эпитетов мы можем заключить, что гувернантка была воспитанной, скромной, деликатной, веселой, с хорошими манерами и жизнерадостной девушкой.

Но что касается душевного состояния, ставшего предметом повествования, то автор употребляет многократно в речи детей слова: *traurig* «печальный», *sehr traurig* «очень печальный», *eine geheime Traurigkeit* «тайная печаль», *so traurig* «так грустно», *so furchtbar traurig* «так ужасно грустно». В тексте присутствует характеристика гувернантки через внешнее проявление

чувств, через действие или состояние: 1) варьируемые повторы глаголов *weinen* «плакать», *schluchzen* «рыдать»; 2) повторы существительных, обозначающих состояние или действия (девербативов, то есть отглагольных существительных) *das Schluchzen* «рыдание», *das Weinen* «плач»; 3) усилительные элементы: *das leise wilde Schluchzen* «тихое безудержное рыдание», *dieses verzweifelte, tierisch wilde Schluchzen* «отчаянные, безутешные рыдания», *Ihre Augen scheinen gerötet, ihre Stimme etwas tiefer und vibrierender als sonst.* «Ее глаза как будто покраснели, а голос чуть тише, чем обычно и дрожащий». Все эти элементы передают с большой точностью переживания девушки. Эпитеты в несобственно-авторской речи: *auf dem verträumten Gesicht des Fräuleins* «на мечтательном лице фройляйн», *träumerisch* «мечтательно», *verträumt* «погруженная в свои мечты» свидетельствуют о романтическом настроении девушки, которое ее воспитанницы связывают с чем-то добрым, красивым.

Перечисленные ниже эпитеты характеризуют выражение глаз, тон речи, манеру поведения и являются косвенным свидетельством несчастья гувернантки. Эту реакцию автор очень ярко изображает в следующих примерах: *Manchmal, wenn eines der Mädchen sie anspricht, zuckt sie zusammen wie aus dem Schlaf geschreckt.* «Иногда, когда одна из девушек обращается к ней, она вздрагивает, как будто ее разбудили»; *Und ihr Blick kommt dann immer erst suchend aus seiner weiten Ferne zurück.* «И взгляд ее такой, как будто она растерянно возвращается издалека»; *Stundenlang sitzt sie oft da und schaut träumerisch vor sich hin.* «Она так часто сидит часами и мечтательно смотрит перед собой». С. Цвейг показывает также действия, которые косвенно свидетельствуют о ее внутреннем душевном состоянии: *Als sich das Fräulein zum Fenster hin abgewandt und mit dem Taschentuch über die Augen führt...* «Когда фройляйн повернулась к окну и вытерла глаза платком...»; *zu leise spricht sie* «слишком тихо она говорит» (чувство вины не дает ей возможности отвечать госпоже громко и четко).

Не менее важными являются образы родителей девочек и кузена Отто. Образы матери и Отто находятся на втором плане. Чуткость детей и их внимательное отношение к гувернантке противопоставляются черствости и равнодушию матери и возлюбленного гувернантки. Оба подтолкнули бедную девушку к такому отчаянному шагу, как самоубийство. Отец детей и другие персонажи (слуги) практически не принимают участия в событиях, происходящих в доме. Они лишь создают фон повествования.

Образу Отто в новелле уделяется незначительное место, и его мы видим также глазами детей. В повествовании он называется то по имени, то статусу, то местоимением *er* «он». Косвенно о предательстве мы узнаем из речи девочек. Они так объясняют причину ухода Отто из семьи: *Als Otto ihnen Adieu sagen will, sind sie grob und wenden ihm den Rücken. Aber sie schielen ihn, als er jetzt vor dem Fräulein steht* «Когда Отто прощается с ними, они грубят и отворачиваются от него. Но исподтишка следят за ним, когда он подходит к фройляйн». Дети анализируют те перемены,

которые произошли с кузеном после появления гувернантки в доме: *War er je nett zu mir oder zu dir, bevor das Fräulein zu uns kam?* «Был ли он когда-нибудь добр ко мне или к тебе до того, как к нам пришла фройляйн?»

При помощи прямой номинации получаем оценку характера и действий Отто в речи девочек через эпитеты: *so frech und laut, das hat er aber so zaghaft gesagt* «так дерзко и громко, но он сказал это так нерешительно». Эпитеты, которые использует автор для его характеристики после смерти гувернантки: *bleich* «бледный», *verstört* «встревоженный». Кроме того, его характер прослеживается в речи гувернантки в оценочных глаголах: *Warum lügst du denn?* «Зачем же ты врешь?»

Но Отто осуждают не только девочки. После гибели гувернантки все относится к нему с презрением: *Niemand redet mit ihm. Alle weichen ihm aus* «Никто с ним не разговаривает. Все избегают его.»

Главной персоной в доме является мать: она занимается делами в доме, распоряжается прислугой, держит в повиновении собственного мужа. Этому мы получаем косвенные свидетельства различного характера:

1) в речи детей, размышляющих о причинах грусти их гувернантки: *Sie hat doch mit niemanden Zank gehabt in den letzten Tagen. Mama lässt sie endlich in Ruh mit ihren Quälereien* «За последние несколько дней она ведь ни с кем не поссорилась. Мама, наконец, оставит ее в покое, не будет придирааться». Слова *Zank* «ссора» и *Quälereien* «придирки» содержат рациональную экспрессию, семы негативной оценки, создавая картину вечной нервозности, и поэтому данная информация сообщается в самом начале повествования;

2) в речи самой хозяйки дома встречаются слова и обороты, характеризующие ее как человека, и тем самым создается речевой портрет: а) принимая решения, она постоянно говорит лишь о себе. Преобладание первого лица в ее прямой речи свидетельствует о деспотичности характера, о пренебрежительном отношении к слугам: *Und so jemanden habe ich die Erziehung meiner Kinder anvertraut, meiner Töchter*: «И вам я доверила воспитание своих детей, своих дочерей»; *Mit solchen Personen habe ich kein Mitleid... nicht einen Tag mehr in meinem Hause dulde* «Я не жалею таких людей... ни одного дня не потерплю в моем доме.» Тон ее речи при этом категоричный, не требующий возражений. Для характеристик ее как матери играют большую роль повторы личного местоимения *ich* «я» и притяжательного местоимения *mein* «мой»; б) беседа с гувернанткой, оказавшейся в тяжелой ситуации, она не проявляет ни капли сочувствия, сожаления, толерантности. Об этом свидетельствуют формы обращения к девушке: перифразы, несущие резкую негативную оценочность и эмоциональную окраску презрительности, пренебрежительности, дистантности: *jede leichtfertige Person, und so jemand, das* «каждый легкомысленный человек и кто-то в этом роде» (средний род выступает как синоним номинации); *leichtfertige Person* «легкомысленный человек» (содержит уничижительный, брезгливо-презрительный оттенок); *mit solchen Personen, jemanden, der so niederträchtig seine Pflicht* «с такими людьми, то есть с теми, кто пренебрегает своим долгом»; энергичная резкая манера речи, избыточная краткими

фразами, в которых много отрицаний: *Das rührt mich nicht*. «Меня это не трогает.»

Как и все деспотичные люди, мать труслива и боится ответственности перед законом. Изображая состояние матери, узнавшей о несчастье гувернантки и постепенно утрачивающей чувство спеси и высокомерия, на смену которому приходит недоумение, негодование и, наконец, страх, автор использует эпитеты, следующие друг за другом по принципу нарастания экспрессии: *erstaunt* «удивленно» (реакция на вопрос детей, где их гувернантка), *blass geworden* «побледнеть» (после сообщения об исчезновении гувернантки); *sehr erregt scheint* «казаться взволнованной» (пока отец был в комнате гувернантки), *verweinte Augen und blickt verstört* «с заплаканными глазами и очень расстроенная» (после прочтения письма девушки), *sagt hart* «говорит резко», *nicht wagt, ihnen eine Lüge zu sagen* «не решается им соврать», *flüchtet in ihr Zimmer hinein* «убегает в свою комнату».

Такова констелляция персонажей второго и третьего плана, на фоне которых раскрывается внутренний мир детей.

Главными персонажами новеллы являются дети, девочки двенадцати и тринадцати лет. С. Цвейг использует историю трагической любви их гувернантки только как повод, как предлог для раскрытия двух детских душ. Именно их глазами мы видим основные события. Оценка этих событий осуществляется из перспективы детского восприятия.

Представляя нам девочек, автор использует прямые номинации: *die beiden Kinder* «оба ребенка», *die Kinder* «дети», *das Kind* «ребенок», *das Mädchen* «девочка», *beide* «обе», *sie* «они». Иногда он, раскрывая нам их мнения и впечатления, использует оппозицию номинаций, вероятно, желая подчеркнуть их возраст и степень зрелости их мыслей: для младшей – *die Kleine* «младшая», *die Kleinere* т.ж., *die Zwölfjährige* «двенадцатилетняя», *die Jüngere* «младшая»; для старшей – *die Ältere* «старшая», *die Schwester* «сестра» либо *die eine* «одна» – *die andere* «другая». Образы девочек обрисованы схематично и обобщенно. Перед С. Цвейгом стояла другая задача – показать детский ужас, возникший оттого, что детские глаза впервые заглядывают в пропасти реальной жизни. Несправедливость воспринимается ими очень остро. Это усиливается тем, что дети не понимают сути происходящего, его глубины и воспринимают все лишь на уровне эмоций. Но тем не менее, как заметила С. Д. Гасимова, те чувства, которые были спрятаны глубоко в детских душах, неожиданно начинают выступать наружу [Гасимова, 2010, с. 10].

Раскрытие характеров девочек дается в динамике: они пытаются понять тайну гувернантки и Отто, тайну происхождения ребенка, о котором даже сам Отто неожиданно узнает от гувернантки. Их мучает мысль, почему ребенок не живет вместе с ней. Они наивно полагают, что в этом виновата их мать, она не разрешает девушке взять ребенка к себе. Девочки встают на сторону добра, защищают обиженную гувернантку, противостоят злу. Для гувернантки они стараются сделать что-либо хорошее.

Динамика эмоционального состояния обуславливается постепенным вхождением детей в проблемы взрослых и возрастающим недоумением, страхом пе-

ред открывающейся им бездной жестокости и негуманности в душах близких людей.

Развитие сюжета от завязки к кульминации можно разделить на три этапа и сгруппировать соответствующие средства выражения, создающие эффект нарастания, экспрессии, динамизации эмоционального состояния.

Первый этап. Вначале дети предстают как воспитанные и деликатные, у которых появляется легкое подозрение, что с гувернанткой происходит что-то непонятное и они решают разобраться в ситуации. Неясное, смутное, противоречивое автор новеллы выражает прежде всего через внимание, через действие и поступки детей: они все делают тихо, осторожно, чтобы не вызвать подозрений. Многочисленные эпитеты подтверждают это: *ganz leise fastet sie an die Hand der Schwester* «очень тихо она касается руки сестры», *leise atmen* «тихо вздыхать», *leise die Tür zugemacht hat* «тихо открыла дверь», *leise und bedauernd sagt* «тихо и с сожалением говорит», *ganz vorsichtig fragt* «очень осторожно спрашивает». Эту функцию также выполняют некоторые глаголы: *zögern* «колебаться, медлить», *nachdenken* «раздумывать». В тексте мы опять же встречаем речевые клише, предположения, желания: *ich glaube* «я полагаю», *ich möchte wissen* «я хотела бы знать».

Спазматическая речь с паузами, недосказанными предложениями доказывают эмоциональность, большое волнение девочек: *Ich... ich möchte dir etwas erzählen* «Я... я хотела бы тебе что-то рассказать»; *Weißt du... ich wollte dir sagen...* «Знаешь... я хотела бы что-то сказать»; *Aber sagst du mir zuerst* «Но скажи мне сначала»; *Ich habe nur immer gedacht, es ist...* «Я просто всегда думала, что это...»

Цвейг подчеркивает тишину, нередко используя при этом метафоризацию: *Ganz leise atmen die beiden, man konnte glauben, sie schliefen* «Почти не слышно их дыхания, можно подумать, что они уснули»; *Keine Antwort kommt von drüben. Nur ein Rascheln im Bett.* «Молчание. Слышен лишь шорох в постели»; *Das Schweigen kommt wieder.* «Снова молчание».

Употребление субстантивированных инфинитивов *keine Antwort* «нет ответа, молчание», *Rascheln* «шорох», *Schweigen* «молчание» маркирует чередование тишины и тихих, неуверенных голосов детей.

Второй этап. Недоверие, подозрение детей требуют выяснения причин подслушивания, подглядывания, постоянного наблюдения за взрослыми. О своей любви к гувернантке девочки говорят прямо. Автор употребляет прямые номинации: *Ja, sie ist so gut* «Да, она такая добрая»; *Keine wird so gut mit uns sein* «Ни одна не будет к нам так добра»; *Ich werde nie ein anderes Fräulein leiden können* «Я никогда не полюблю другую фройляйн»; *Damit sie weiß, dass wir sie gern haben* «С тем, чтобы он знала, что мы ее любим».

Средствами интенсификации, динамизации С. Цвейг подчеркивает нарастание нервозности детей: *traurig sagt* «печально говорит»; *furchtbar erregt* «ужасно взволнована»; *vor Erregung und Zorn* «от волнения и гнева».

Изображение получает высокую степень интенсивности, при которой значительное место принадлежит глаголам и отглагольным существительным, динамизирующим описание действий девочек и подчеркивающим их беспокойство, нервозность, возбужденность: *gehen aneinander vorbei* «проходят мимо друг друга»;

weichen sich aus «избегают друг друга»; *rühren sich an* «касаются друг друга»; *verbrennen* «сжигать, мучить»; *reißen* «рвануть с места, покинуть место»; *Erregung* «возбуждение»; *Bemühung* «усилие»; *Beweglichkeit* «подвижность, живость»; *wegspringen* «отпрыгнуть».

Глаголы, причастия и существительные-девербативы усиливаются посредством перечислений, которые употребляет С. Цвейг для описания внутреннего состояния детей (прием аккумуляции): *lauern und beobachtend* «выслеживая и наблюдая»; *nichts außeracht lassend* «не упуская ничего»; *das Lauschen und Bedauern* «подслушивание и выслеживание». При этом большую роль играет персонификация девербативов: действующими лицами становятся уже не люди, а их действия, поступки и мысли: *eine Unruhe ist in beiden* «обе они встревожены», *eine Unruhe und Ungewissheit ist in ihnen* «беспокойство и растерянность владеют ими»; *ein wildes Misstrauen gegen alle Menschen um sie herum* «угрюмое недоверие ко всем людям».

Автор искусно использует подбор эпитетов, направленных на реализацию оценочной и экспрессивной функций [Блинова, Красавский, 2015, с. 75]. Кроме того, С. Цвейг употребляет эпитеты по принципу контраста, например, при характеристике изменившегося настроения детей: вначале – *ihre Augen, die früher einen seichten Glanz sanft trugen* «их глаза, которые раньше светились мягким и ровным блеском»; затем – *so funkelnd, so drohend, so gefährlich sind die Augen der beiden Kinder* «сверкающие, грозные и такие недоверчивые глаза девочек».

К прямым и косвенным средствам отражения внутреннего состояния детей можно отнести гиперболы и сравнения, которые служат для создания качественной характеристики и для создания образности: *jedes Wort entzündet in ihnen jetzt tausend Vermutungen* «каждое слово вызывает в них тысячи предположений»; *wie Schatten geistern sie...* «как тени они бродят»; *wie ein Blitz ist es vor ihnen niedergefahren* «как будто молния ударила перед ними»; *wie ein Schwalben in einem Käfig schießen sie hin und her* «как ласточка в тесной клетке бегают они туда-сюда»; *wie Tiere in einem Käfig* «как животные в клетке».

Третий этап. Девочки уже многое начали понимать, в том числе наблюдаемую ситуацию. Они выражают открытый протест против матери, вначале – *Uns sagt man solche Sachen nicht. Uns verschweigt man alles* «О таких вещах не говорят. От нас все скрывают», затем – *Und zum ersten Mal wagen sie etwas wie Auflehnung gegen ihre Eltern zu empfinden* «И впервые дети осмеливаются восстать против родителей» и далее – *Und trotzig, mit finsternen Augen, ganz ohne Angst pflanzt sie sich vor ihrer Mutter und fragt: «Wo ist unser Fräulein?»* «И дерзко, с мрачным выражением глаз она идет к матери и спрашивает: «Где наша фрейляйн?»

И уже на последних страницах новеллы чувства, переживания девочек, их горе, отчаяние, разочарование достигают кульминации. Здесь собраны все темы и средства выражения, которые употреблялись прежде. Несомненно, девочкам пришлось многое пережить. Их напряжение сменяется слезами, успокоением, тишиной, тьмой, тьмой в их душах. С. Цвейг стилизует глубину детского восприятия и степень детской ранимости: *jähes Grauen schüttelt*

sie, eine Angst vor alldem, was nun kommen wird aus dieser unbekanntem Welt «ими овладевает страх перед тем, что их ждет в незнакомом мире»; *Angst haben sie vor dem Leben, das dunkel und drohend vor ihnen steht wie ein finsterner Wald, den sie durchschreiten müssen* «страх перед жизнью, которая для них таинственная и грозная как темный лес, через которую они должны пройти».

Выводы

С. Цвейг в новелле «Гувернантка» использует прием климакса для демонстрации нарастания напряженной ситуации и прием интроспекции, который позволяет читателю заглянуть во внутренний мир персонажей через их поступки, действия.

Необходимо отметить, что в произведении «Гувернантка» автор не дает прямых характеристик действующим лицам, он позволяет читателям самим охарактеризовать персонажей: представить их внешность, поведение, особенности характера. Для этого писатель использует прямые номинации, усиливая их эпитетами, повторами глаголов и существительных, художественными сравнениями, метафорами, метонимиями, перифразами, гиперболами, персонификациями, внутренними параллелизмами, фигурами умолчания, вну-

тренними монологами, риторическими вопросами и восклицаниями.

Кроме того, анализ лингвостилистических средств динамизации позволил выделить три этапа эмоциональных состояний главных героинь: 1) легкое подозрение, смутное противоречие, осторожность; 2) недоверие, подозрение, нервозность, возбужденность; 3) открытый протест, переживание, горе, отчаяние, разочарование, слезы, тишина, тьма.

Таким образом, для того чтобы читателю можно было понять внутренний мир персонажей новеллы «Гувернантка», почувствовать их переживания, страдания, автором использовались тщательно подобранные приемы визуализации психологического напряжения.

Предпринятая нами лингвостилистическая и литературоведческая интерпретация новеллы на сюжетно-персонажном уровне доказывает, что для усиления восприятия образов персонажей и их взаимодействия в различных ситуациях автор новеллы мастерски использует лингвостилистические средства, которые мы репрезентировали в нашем исследовании.

Эмоциональное состояние персонажей новеллы не находится в состоянии статики, а оказывается в постоянной динамике, что позволяет нам говорить о динамизации эмоционального напряжения.

Список литературы

- Блинова И. С., Красавский Н. А. Функции эпитета в художественном тексте // Филологические науки в России и за рубежом : III международная научная конференция, Санкт-Петербург, 20–23 июля 2015 г. / главный редактор Г. Д. Ахметова. Санкт-Петербург, 2015. С. 75–79. EDN [UAPLAN](#)
- Гасымова С. Д. Специфика «рассказа-открытия» в творчестве С. Цвейга // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2010. №1. С. 10–12. EDN [MVYPHF](#)
- Гурбанова Ш. И. Загадка творческого успеха австрийского писателя-эмигранта Стефана Цвейга // Язык, культура и литература : ежегодник. Волгоград, 2021. №3. С. 104–106. EDN [PQMWJH](#)
- Горбатовская П. А., Снежкова И. А. Женские образы в новеллах С. Цвейга // Научные достижения и открытия современной молодежи : сборник статей VII международной научно-практической конференции, Пенза, 17 января 2019 г. Пенза, 2019. С. 91–94. EDN [YZUTJB](#)
- Гучинская Н. О. Границы стилистики, поэтики и герменевтики при интерпретации художественного текста // Междисциплинарная интерпретация художественного текста : межвузовский сборник научных трудов / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена ; ответственный редактор Е. А. Гончарова. Санкт-Петербург, 1995. С. 44–64.
- Костин А. В., Антипина Е. С., Сапожникова О. В. Лингвокультурологическая интерпретация художественного текста в иностранной аудитории // Мир русского слова. 2017. №2. С. 79–85. EDN [YZJQLJ](#)
- Красавский Н. А., Блинова И. С. Художественно-выразительные ресурсы метафоры и эпитета в произведениях Стефана Цвейга // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №10–1. С. 97–100. EDN [RXTDJR](#)
- Москалев И. Ю. Лексические средства описания доминантных эмоций в творчестве Стефана Цвейга // Студенческий электронный журнал СТРИЖ. 2017. №2. – URL: <http://www.strizh-vspu.ru/files/publics/1493323376.pdf> (дата обращения: 25.04.2023). EDN [WABDIJ](#)
- Пелевина Н. Н. Образ персонажа как художественная форма представления авторской концепции действительности (на материале новелл С. Цвейга) // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №20. С. 83–88. EDN [LLWTPR](#)
- Петрашевская Ю. Поэтика жесткого образа в новелле С. Цвейга «24 часа из жизни женщины» // *Juventus in litteratura*: материалы 76-й научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов Белорусского государственного университета / редакционная коллегия : А. М. Бутырчик [и др.]. Минск, 2019. С. 94–98.
- Теория литературы : в 4 т. Т. 3 : Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении) / Институт мировой литературы им. А. М. Горького ; главный редактор Ю. Б. Боров. Москва : ИМЛИ РАН Наследие, 2003. 589 с. EDN [RUKVCSJ](#)
- Тулякова Н. А., Никитина Н. А. Легенды Стефана Цвейга: новый этап в развитии европейской легенды // *Studia Humanitatis*. 2015. №3. – URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/tuliakova_nikitina.pdf (дата обращения: 13.02.2023). EDN [UMVSPN](#)
- Чернухина И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1984. 115 с.
- Шадеко В. П. К вопросу о художественном своеобразии новелл Стефана Цвейга // *ART LOGOS*. 2020. №4. С. 103–112. EDN [MPWWPR](#)

Юдина О.И. Репрезентация концептов в литературно-художественном творчестве как отражение особенностей культуры (на материале новелл С. Цвейга, концепт «Liebe» / «Любовь») // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. №2. С. 58–64. EDN [XMZVZZ](#)

References

- Blinova, I. S., & Krasavskij, N. A. (2015). Funkcii epiteta v hudozhestvennom tekste. *Filologicheskie Nauki V Rossii I Za Rubezhom : III Mezhdunarodnaya Nauchnaya Konferenciya*, 75–79. EDN: [UAPLAN](#)
- Gasymova S. D. (2010). Specificity of story-discovering in S. Zweig's creativity. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskiye nauki*, 1, 10–12. EDN: [MVYPHF](#)
- Gurbanova SH. I. (2021). Zagadka tvorcheskogo uspekha avstrijskogo pisatelya-emigranta Stefana Cvejga. *Yazyk, kul'tura i literatura : ezhegodnik*, 3, 104–106. EDN: [PQMWJH](#)
- Gorbatovskaya P. A., & Snezhkova I. A. (2019). Female characters in novels by S. Zweig. *Nauchnye dostizheniya i otkrytiya sovremennoy molodezhi : sbornik statej VII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, 91–94. EDN: [YZUTJB](#)
- Guchinskaya N. O. (1995). Granicy stilistiki, poetiki i germenoviki pri interpretacii hudozhestvennogo teksta. *Mezhdisciplinarnaya interpretaciya hudozhestvennogo teksta : mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*, 44–64.
- Kostin A. V., Antipina E. S., & Sapozhnikova O. V. (2017). Linguocultural interpretation of literary text by foreign audience. *The World of Russian Word*, 2, 79–85. EDN: [YZJQLJ](#)
- Krasavskiy N. A., & Blinova I. S. (2016). Artistic and expressive resources of metaphor and epithet in Stefan Zweig's works. *Philology. Theory & Practice*, 10–1(64), 97–100. EDN: [RXTDJR](#)
- Moskalev I. Yu. (2017). The lexical means of describing dominant emotions in the works of Stefan Zweig. *Studencheskiy elektronnyy zhurnal «STRIZH»*, 2(13). Retrieved April 25, 2023, from <http://www.strizh-vspu.ru/files/publics/1493323376.pdf> EDN: [WABDIJ](#)
- Pelevina N. N. (2008). Obraz personazha kak hudozhestvennaya forma pred-stavleniya avtorskoj koncepcii dejstvitel'nosti (na materiale novell S. Cvejga). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 20, 83–88. EDN: [LLWTPR](#)
- Petrashevskaya YU. (2019). Poetika zhenskogo obraza v novelle S. Cvejga «24 chasa iz zhizni zhenshchiny». *Juventus in litteratura: materialy 76-j nauchnoj konferencii studentov, magistrantov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*, 94–98.
- The theory of literature. Rody i zhanry (osnovnye problemy v istoricheskom osveshchenii)* (2003). IMLI RAN Nasledie. EDN: [RUKVCJ](#)
- Tulyakova N. A., & Nikitina N. A. (2015). Stefan Zweig's legends: a new stage in the development of the european legend. *Studia Humanitatis*, 3. Retrieved February 13, 2023, from https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/tuliakova_nikitina.pdf EDN: [UMVSPN](#)
- Chernuhina I. Ya. (1984). *Elementy organizacii hudozhestvennogo prozaicheskogo teksta*. Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta.
- Shadeko V. P. (2020). On the question of the artistic originality of stories by Stefan Zweig. *ART LOGOS*, 4(13), 103–112. EDN: [MPWWPR](#)
- Yudina O. I. (2018). Representation of concepts in literary and artistic creative work as a reflection of characteristics of culture (based on S. Zweig's novels, concept «Liebe» / «Love»). *Moscow State University bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, 2, 58–64. EDN: [XMZVZZ](#)

Информация об авторах

Акиншина Инна Брониславовна – кандидат педагогических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9433-8333>; e-mail: akinshina@bsu.edu.ru

Слептова Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9152-6937>; e-mail: sleptova@bsu.edu.ru

Кузьмина Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9587-3220>; e-mail: kusmina@bsu.edu.ru

Information about the authors

Inna B. Akinshina – Cand. Sci. (Educ.), associate professor, Belgorod State National Research University; Belgorod, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9433-8333>; e-mail: akinshina@bsu.edu.ru

Svetlana V. Sleptova – Cand. Sci. (Philol.), associate professor, Belgorod State National Research University; Belgorod, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9152-6937>; e-mail: sleptova@bsu.edu.ru

Oxana V. Kusmina – Cand. Sci. (Philol.), associate professor, head of department, Belgorod State National Research University; Belgorod, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9587-3220>; e-mail: kusmina@bsu.edu.ru

Поступила в редакцию 18.03.2023
Принята к публикации 02.05.2023
Опубликована 22.05.2023

Received 18 March 2023
Accepted 02 May 2023
Published 22 May 2023

Онтологические модели пословиц как прецедентных текстов (на материале разноструктурных моделей в русском и чувашском языках)

<https://doi.org/10.31483/r-106695>

УДК 398.91 + 81–115+ 81:39[811.

512.111:811.512.111]367.52

Губанов А. Р.^а, Кожемякова Е. А.^б, Губанова Г. Ф.^с

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова ROR

г. Чебоксары, Российская Федерация.

^а <https://orcid.org/0000-0002-0548-7933>, e-mail: alexgubm@gmail.com^б <https://orcid.org/0009-0003-2450-9450>, e-mail: ekozhemyakova@yandex.ru^с <https://orcid.org/0000-0002-6448-1929>, e-mail: rggalina@gmail.com

Резюме. В настоящей статье представлен анализ пословиц как прецедентных текстов и их онтологических (концептуальных) моделей в русском и чувашском языках как разноструктурных. Актуальность работы обусловлена с когнитивно-прагматическим подходом к языковой картине мира пословиц, а также необходимостью определения статуса онтологической модели прецедентных текстов пословиц как особой структуры знания, характеризующей особенности этноязыкового сознания. На материале русских и чувашских пословиц проводится концептуальный анализ прецедентных текстов пословиц. Выделяются базовые модели когнитивной стратегии принятия решения субъектом: 1) когнитивная установка на низкую / высокую степень аргументативного воздействия: а) с аксиологической доминантой «градуальность»; б) со стереотипической доминантой; в) с адапционной доминантой; 2) когнитивная установка с аксиологическим компонентом «позитив – негатив». Выявленные типы аксиологических компонентов концептуальных объектов выступают как факторы, основания, обеспечивающие употребление пословиц в качестве аргумента, отражающие ценности и традиции русского и чувашского культурного сообщества. Характерными для актов аргументации, в которых используются пословицы, являются такие базовые структуры как одностороннее аргументирование, так и двустороннее аргументирование. В дискурсе во взаимоотношениях коммуникантов в рассматриваемых языках употребляются простые и сложные речевые акты с пословицами, имеющие одни и те же прагматические признаки, но различающиеся в количественном отношении и коммуникативными условиями функционирования. Структура прецедентного текста пословиц представлена в виде онтологии в системе редактора онтологии Protégé, так как в современных исследованиях ведущей парадигмой структурирования информационного контента считается онтология.

Ключевые слова: пословицы, прецедентный текст, онтологическая модель, аргументативный дискурс, разноструктурные языки, этноязыковое сознание, концептуальный анализ, когнитивно-прагматический подход, речевой акт, система Protégé.

Для цитирования: Губанов А.Р. Онтологические модели пословиц как прецедентных текстов (на материале разноструктурных моделей в русском и чувашском языках) / А.Р. Губанов, Е.А. Кожемякова, Г.Ф. Губанова // Этническая культура. 2023. Т. 5, № 2. С. 38-42. DOI 10.31483/r-106695. EDN VLOYVV

Research Article

Ontological Models of Proverbs as Precedent Texts (on the Material of Different Structural Models in the Russian and Chuvash Languages)

Aleksei. R. Gubanov^а, Ekaterina. A. Kozhemyakova^б, Galina. F. Gubanova^с

ROR Chuvash State University

Cheboksary, Russian Federation.

^а <https://orcid.org/0000-0002-0548-7933>, e-mail: alexgubm@gmail.com^б <https://orcid.org/0009-0003-2450-9450>, e-mail: ekozhemyakova@yandex.ru^с <https://orcid.org/0000-0002-6448-1929>, e-mail: rggalina@gmail.com

Abstract. This article presents an analysis of proverbs as precedent texts and their ontological (conceptual) models in the Russian and Chuvash languages as having different structures. The relevance of the work is due to the cognitive-pragmatic approach to the linguistic picture of the world of proverbs, as well as the need to determine the status of the ontological model of precedent texts of proverbs as a special structure of knowledge that characterizes the features of ethno-linguistic consciousness. Based on the material of Russian and Chuvash proverbs, a conceptual analysis of the precedent texts of proverbs is carried out. The basic models of the subject's cognitive decision-making strategy are distinguished: 1) cognitive setting for a low / high degree of argumentative impact: a) with the axiological dominant "gradation"; b) with a stereotypical dominant; c) with adaptive dominant; 2) cognitive attitude with the axiological component "positive – negative". The identified types of axiological components of conceptual objects act as factors, grounds that ensure the use of proverbs as an argument, reflecting the values and traditions of the Russian and Chuvash cultural communities. Characteristic for acts of argumentation in which proverbs are used are such basic structures as one-sided argumentation and two-sided argumentation. In the discourse in the relationship of communicants in the languages under consideration, simple and complex speech acts with proverbs are used, which have the same pragmatic features, but differ in quantitative terms and communicative conditions of functioning. The structure of the precedent text of proverbs is presented as an ontology in the Protégé ontology editor system, since in modern research ontology is considered the leading paradigm of information content structuring.

Keywords: proverbs, precedent text, ontological model, argumentative discourse, languages of different structures, ethno-linguistic consciousness, conceptual analysis, cognitive-pragmatic approach, speech act, Protégé system.

For citation: Gubanov A.R., Kozhemiakova E.A., & Gubanova G.F. (2023). Ontological Models of Proverbs as Precedent Texts (on the Material of Different Structural Models in the Russian and Chuvash Languages). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(2), 38-42. EDN: VLOYVV. <https://doi.org/10.31483/r-106695>.

Введение

В современной лингвистике особенно актуальным является изучение прецедентных текстов, которые, как и другие культурные коды, участвуют в формировании структуры языковой личности. Пословицы как лингвокультурный прецедентный текст входят в большой класс стереотипных формул вместе с речевыми и этикетными формулами, разговорными штампами и другими дискурсивными единицами [Зуева, 2021, с. 5–13; Розенкова, Шустова, 2017, с. 101–104]. В современной контрастивной лингвистике пословицы рассматриваются с точки зрения формальных, семантических признаков, их образности (как результат оценочного суждения) и статистичности [Диденко, 2001, с. 8–15; Майтиева, 2011, с. 14–19].

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в русском и чувашском языках недостаточно разработаны пословицы в дискурсивно-прагматическом плане. Предпринятый в данном исследовании когнитивно-прагматический подход позволяет анализировать пословицы с новой точки зрения, а именно: в аспекте функционирования языковых единиц в коммуникации для осуществления успешного взаимодействия, продвижения интересов говорящего лица и т. д.

Материалы и методы исследования

Материалом для анализа прецедентного текста послужили тексты из Национального корпуса русского языка¹, примеры из словарей и текстов художественной литературы. При анализе перевода пословиц были использованы отрывки из текстов классических русских произведений и их переводы на чувашский язык. Методы исследования: концептуальный анализ, когнитивно-прагматический анализ, метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки.

Результаты исследования и их обсуждение

Пословицы как единицы прецедентного текста отражают базовые ценности субъекта, а также вербализуют эти ценности в структуре акта аргументации. Модель аргументации можно представить как структурно-концептуальную модель: в ходе человеческого мышления получаемая информация структурируется в виде системы представлений – концептов [Завацкая, 2021, с. 40–42]. Заметим, что воздействие субъекта на сознание адресата в аргументативном дискурсе нацелено на принятие им решения, необходимого говорящему. В процессе принятия решения в проблемной ситуации аргументации проявляется аксиологическая маркированность убедительности прецедентного текста пословиц – содержание текущей модели мира субъекта [Кузнецова, 2016; Зыкова, 2017, с. 343–363].

Содержание прецедентного текста пословицы упорядочено определенным набором релевантных когнитивных признаков, отличающихся своей неоднородностью, представляющих разные когнитивные структуры (модели) [Стратиевко, 2020, с. 5–6]. В современной лингвокогнитивистике выделяются когнитивные модели: фреймы, скрипты, сценарии, концептуальные схемы, когнитивные модели ситуации, ментальные модели и пр [Дейк, 2014, с. 14]. Когнитивная модель

прецедентного текста пословицы представляет когнитивный коррелят личного знания участника ситуации об аксиологической характеристике соответствующего текста через набор прототипических признаков.

Концептуальный анализ рассматриваемых прецедентных текстов позволяет выделить в ходе когнитивного аксиологического моделирования (пословицы как культурно-ценностный код в конкретном речевом акте (РА) связывают всю ситуацию с аксиологическим когнитивным компонентом) следующие базовые модели когнитивной стратегии принятия решения:

1) когнитивную установку на низкую / высокую степень аргументативного воздействия: а) с аксиологической доминантой «градуальность» (в пословицах как в кратких утверждениях отображается количественная сторона объективного мира); б) со стереотипической доминантой (стереотипные представления в картине мира связаны с понятиями «много / мало» для успешного осуществления процесса коммуникации); в) с адаптационной доминантой (адаптации непосредственно зависят от культурных норм и условий коммуникативного акта; адаптационная оценка отражает взаимосвязь реализуемых действий достаточности-недостаточности).

2) когнитивную установку с аксиологическим компонентом «позитив – негатив» (выбор пословиц с соответствующей семантикой зависит от коммуникативной цели, речевой ситуации).

Приведем примеры, связанные с аксиологической доминантой «градуальность» (1) и с аксиологическим компонентом «позитив – негатив» (2):

1) *Доброму коню один удар кнутом, доброму человеку одно слово. – Ыр лашана пёр пушă, ыра сынна пёр сăмах; Худой лошади – тысячи плетей, хорошей лошади – одна плеть. – Начар лашана – пин хулă, лайăх лашана – пёр хулă; С другом расстанешься – один год будешь плакать, с семьей разлучишься – десять лет будешь плакать, от народа отделишься – весь век будешь плакать. – Юлташран уйрăлăн – пёр сул йёрён, кил-йышăнтан уйрăлăн – вун сул йёрён, ял-йышăнтан уйрăлăн – ёмёр йёрён; Один человек пройдет – след останется, сто человек пройдет – дорога проложится. – Пёр сын каять – йёр юлать, сёр сын сўрет – сул пулать; Семь раз отмерь, один раз отрежь. – Сиччĕ виç те пёрре кас;*

2) *Расти хорошо, стареть плохо. – Ситĕнме лайăх, ватăлма япăх; Зло в повозке ездит, а добро пешком ходит. – Усал урапана, ыра суран сўрет; Неприятное слово за сердце берет. – Усал сăмах чĕрене тивет; Беда ездит на тройке, а добро ходит пешком. – Усал виçĕ лашапа сўрет, ыра суран сўрет.*

Выявленные типы аксиологических компонентов концептуальных объектов (составляющие компоненты фрейма «принятие решения» для раскрытия аргументативного потенциала пословицы) выступают как факторы, основания, обеспечивающие употребление пословиц в качестве аргумента. При этом они отражают ценности и традиции того или иного культурного сообщества, на которые в той или иной проблемной ситуации опирается актер. Предпочтительная область выражения универсальной категории градуальности в русских и чувашских прецедентных текстах-пословицах – это выражение

¹ Национальный корпус русского языка. Текст: электронный. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения : 04.03.2023).

большого количества. Что касается когнитивной установки с аксиологическим компонентом со стереотипической доминантой, то следует заметить, что она как стереотипное представление у носителей сопоставляемых языков одинакова по смысловой нагрузке. Поскольку адаптация представляет собой новую интерпретацию и требует от коммуникантов бикультурной компетенции, когнитивная установка с адаптационной доминантой как компонент базовой модели когнитивной стратегии принятия решения связана с лингвистической и социокультурной адаптацией. Что касается когнитивной установки с аксиологическим компонентом «позитив – негатив», отметим: в сопоставляемых языках часто отмечается количественный перевес отрицательного смысла, так как он представляет отклонение от этической нормы, которые не приветствуются ни в русской, ни и чувашской лингвокультуре.

Упомянутые выше когнитивные установки, бесспорно, связаны с избирательностью человеческого мышления, которая определяет отбор фрагментов мира, задействованных «в процессе познания и сообщения» [Болдырев, 2013, с. 5–13].

Рассмотрим функционирование пословицы в контексте аргументации для того, чтобы выяснить, как проявляется текстовая полифункциональность пословицы и какие базовые структуры аргументирования являются характерными для актов аргументации, в которых используются пословицы. В структуре аргументации, где выступают пословицы, встречаются разные базовые синтаксические структуры. В частности, в двустороннем аргументировании коммуниканты поочередно обмениваются репликами, например: *Я уж решил, предав себя божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямицику: «Ну, слава богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай». – «А почему ехать мне вправо? – спросил ямицик с неудовольствием. – Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй, не стой». Ямицик казался мне прав. «В самом деле, – сказал я, – почему думаешь ты, что жило недалеко?» – «А потому, что ветер оттоле потянул, – отвечал дорожный, – и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изумили (А. Пушкин). – Эпё: «Турá пулăйсан хиртех сёр касай-ăпăр-ха», – тесе шутларăм. Сасартăк сұл сўревсё кўмене хăпарса ларчё те: «Турра тав, ял аякра мар, сылтăмалла пăрăн та, кайрăмăр», – терё. – «Мёниён сылтăмалла каймалла манăн? Аста сұл куратăн эсё? Лашу хăвăн мар та, асталла хăваласан та саваш-и сана?» – хуравларё ямийка. Ун хыссăн эпё те: «Мёниён ял аякра мар? Астан пёлетён?», – тесе ыйтрăм. – «Мёниён тесен сил въл енчен вёрчё, тётём шăрши илсе килчё, апла пулсан ял сы-вăхра», – хуравларё сұл сўревсё. Унăн тавсăрулăхё тёлён-термеллипех тёлёнтерчё мана.*

Частотными формами двустороннего аргументирования является параллельная аргументация, где коммуниканты поочередно обмениваются репликами при обсуждении проблемы. Одностороннее аргументирование представлено прежде всего актами аргументации монологического характера в тех случаях, когда второй коммуникант пассивен или же агрессивен, например: *«А ты, мой батюшка», – продолжала она, обращаясь*

ко мне – «не печалься, что тебя упекли в наше захо-лустье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слобится. Швабрин Алексей Иваныч вот уж пятый год как к нам переведен за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяли с собою шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иваныч и заколол поручика, да еще при двух свидетелях! Что прикажешь делать? На грех мастера нет» (А. Пушкин). – «Эсё вара, хисеплё сьиннăм, – терё въл мана, – пирён тёттём кётесе килсе янăшăн ан кулян. Эсё пёрремёш те, юлашки те мар. Кайран килёшё те-ха сана кунта. Швабрин Алексей Иванча сьын вёлернёшён кунта кўсарни пилёк сұл ситет. Турă пёлет пул, мёниён сап-ла сьлăха кёнё въл. Пёр поручикпе хула тулашине кайнă та вёсем шпагăна пёр-пёрне тирме пусланă. Алексей Иванч вара поручике икё свидетель умёнче вёлермеллех амантнă. Мён тăвăн? Сьлăха кёме часах».

Как видно из текста, в одностороннем аргументировании главный герой Петр Гринев является пассивным говорящим субъектом, так как он соблюдает постулат принципа вежливости.

Актуализация пословицы происходит в речевом акте в лично-темпоральной перспективе реплики в том или ином диалоге. В аргументации, как показывает фактографический материал, где в качестве одного из аргументов выступают пословицы, реализуются простые РА и сложных РА с мотивационной направленностью. В частности, в дискурсе во взаимоотношениях коммуникантов употребляются простые РА с пословицами для выражения интенций суггестива и реквестива. Приведем примеры: а) интенций суггестива: *Прежде чем жениться, посоветуйся со старшими. – Авланиччен авалхи сьинна кăнаш ту; С кем поведешься, того наберешься. – Аслă сьинна кăнаш тăвакан аслах пул, усал сьинна туслана кан ирсёрленё; Готовь сани летом, а телегу зимой. – Сўлла сўна, хёлле урапа хатёрле; Не откладывай на завтра, что можно сделать сегодня. – Паян тумалли ёсе ырана ан хăвар; б) интенций реквестива: *Если нельзя достигнуть всего, не следует отказываться от части. – Пурне те илсе ситерме май сук пулсан, ун пайёне те пулсан сьырлах-малла; Лучше дать, нежели взять. – Сьыран илессинчен парасси сăмăлрах; Лукавого, как змеи, берегись. – Ултавлă сьыран сёлёнрен сьхланнă пек сьхлан.**

Рассматриваемым РА в русском и чувашском языках присуща одинаковая структура, имеющая одни и те же прагматические признаки, но различающаяся в количественном отношении.

Пословицы являются единицами коммуникации, выражающими причинно-следственные суждения или умозаключения. В этой связи отметим, что в РА аргументации, содержащих пословицу-аргумент, встречаются сложные типы РА, состоящие из двух речевых актов, имеющих иллюкутивную функцию, интенциональное значение и перлокутивный эффект на основе каузальных смысловых отношений. В соответствующих РА основной языковой единицей выступают коннекторы, как текстоорганизаторы, указывающие на дискурсивные приемы и наделенные функцией дискурсоорганизатора [Дейк, 2014, с. 20]: 1)

сложные речевые акты с кондициональным коннектором (кондициональные суждения, как и пословичные, связаны с процессом обобщения); 2) сложные РА, манифестирующие системный признак «целевая функциональность» с финальным коннектором (отсутствует модальность возможности и порождающая связь между событиями); 3) в сложных РА с актуализацией знаний о concessивной функциональности составляет мотивирующую базу ряд прецедентных текстов-пословиц, где отсутствует порождающая связь между событиями, фиксируются стереотипные представления говорящего о ситуациях; 4) сложные РА, манифестирующие системный признак «каузальные отношения». Приведем примеры, связанные со сложными речевыми актами: а) с кондициональным коннектором: *Если хочешь на масленице кататься, не ленись ухаживать за лошадейю. – Џаварнире чупас килет пулсан лацуна пӓхма ан уркен; Если бояться занозить руки, нельзя и лучину ципать. – Алла шӓрпӓк кӓресрен хӓрасан хӓйӓ та чӓлеймӓн; Пока не настанет ночь, звезд не видно. – Кац пулмасӓр ӓлтӓр тухмасть; б) с инкаузальным коннектором: Если нет под горой, пусть будет за горой. – Ту айӓнче пулмасан та ту хыӓнче пултӓр; У рябчика кишки вываливаются, а он хочет прожить еще три дня. – Пӓчӓрӓн пыриши тухсан та виӓӓ кун пурӓнасишӓн; Себя обижай, а другого уважай. – Хӓвӓн кӓмӓлу юлсан та сын кӓмӓлӓ тупӓнтӓр.*

Пословицы усиливают аргументацию говорящего при его воздействии на адресата на основе каузальных и инкаузальных отношений.

В современных исследованиях ведущей парадигмой структурирования информационного контента считается

онтология (концептуальная модель), в частности, структуру прецедентного текста можно представить в виде онтологии [Черепова, 2022, с. 3]. Представим онтологическую модель прецедентного текста пословицы в качестве определенного фрагмента языковой картины мира в системе редактора онтологии Protégé (рис. 1).

Построенную онтологию можно использовать в приложениях, автоматизирующих сбор данных RDF-хранилищах, а также для автоматической обработки русских и чувашских прецедентных текстов.

Выводы

Таким образом, концептуальный анализ онтологической модели прецедентного текста пословицы выявил ее потенциальную способность функционировать в качестве аргумента (в русском прецедентном тексте пословицы отражается совокупность ценностей различных социальных слоев, а в чувашском больше отражается крестьянский менталитет, связанный с тяжелой жизнью; чувашская пословичная картина мира отличается от русской конкретной концептуализацией мира национально-окрашенными компонентами и т. п.). Модели РА обладают различным прагматическим потенциалом и характеризуются определенным набором прагматических контекстов. Рассмотренная онтологическая модель прецедентного текста пословицы в связи с высокой перспективностью данной технологии, с междисциплинарным видом деятельности в плане решений прикладных задач в лингвокультурологии и лингвокогнитологии представляется перспективной темой для дальнейшего исследования.

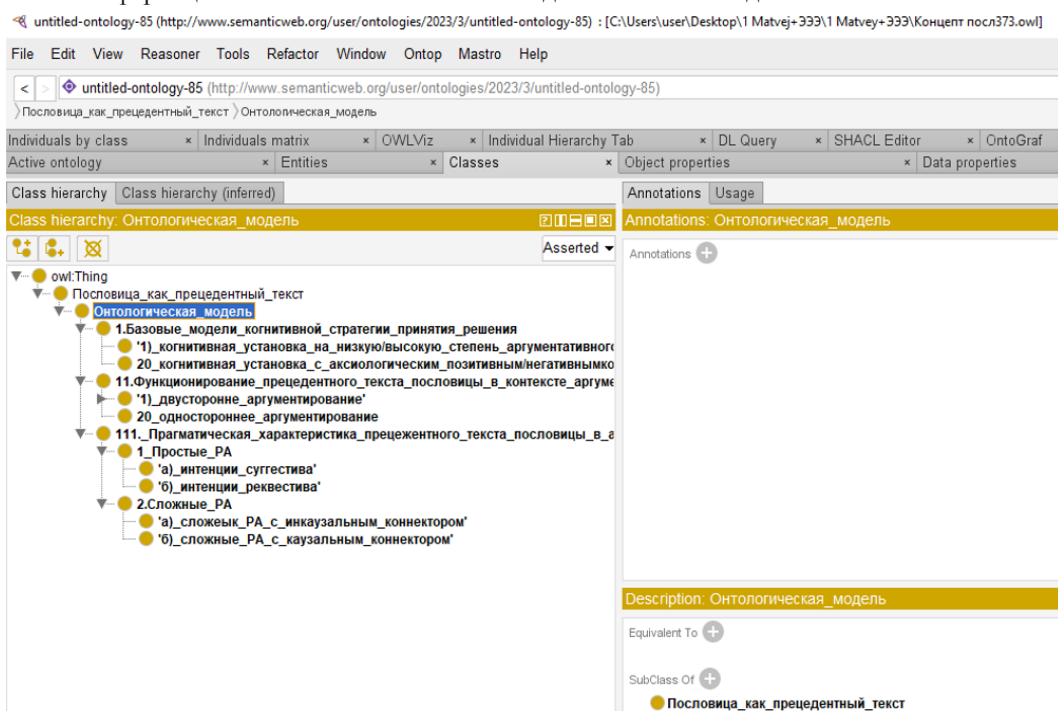

Рисунок 1. Онтологическая модель прецедентного текста пословицы как определенного фрагмента языковой картины мира
Figure 1. Ontological model of the precedent text of a proverb as a certain fragment of the language picture of the world

Список литературы

- Болдырев Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №1. С. 5–13. EDN PYUMCV
Дейк Т. Ван. Язык. Познание. Коммуникация / перевод с английского под редакцией В. И. Герасимова; составитель В. В. Петрова. 2-е издание. Москва : ЛЕНАНД, 2014. 300 с.

Диденко Е. А. Способы выражения условия в русских пословицах : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01. Рязань, 2001. 19 с. EDN [NLWABR](#)

Завацкая В. В. Понятие концепта в современной когнитивной лингвистике // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития. Минск : Белорусский государственный университет, 2021. С. 40–42. EDN [YKVADK](#)

Зуева Е. В. Прецедентный характер уступительных коннекторов в современном немецком языке : автореферат диссертации... кандидата филологических наук : 10.02.04. Нижний Новгород, 2021. 24 с.

Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. Москва: Гнозис, 2017. 752 с. EDN [ZRFXSB](#)

Кузнецова Л. В. Прагматическая ситуация принятия решения в политической коммуникации : автореферат ... кандидата филологических наук : 10.02.19. Красноярск, 2016. 24 с. EDN [ZQCKTR](#)

Майтиева Р. А. Структурно-семантическая характеристика пословиц и поговорок даргинского языка в сопоставлении с английским : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20. Махачкала, 2011. 167 с. EDN [QFISAH](#)

Розенкова Х. Е., Шустова С. В. Лингвокультурный код: определение, проблемы классификации, роль в межкультурной коммуникации // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. №2. С. 101–104. EDN [YLUQLS](#)

Стратиенко Ю. А. Сказочные прецедентные феномены в англоязычном медиадискурсе : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04. Воронеж, 2020. 19 с.

Черепова Ю. В. Менеджмент научных знаний на основе онтологических моделей с использованием классификационных языков : автореферат диссертации ... кандидата технических наук : 05.25.05. Новосибирск, 2022. 19 с.

References

Boldyrev N. N. (2013). On the integrative theory of linguistic representation of knowledge. *Issues of cognitive linguistics*, 1, 5–13. EDN: [PYUMCV](#)

Dejk T. Van. (2014). *Language. Cognition. Communication*. LENAND.

Didenko E. A. (2001). *Sposoby vyrazheniya usloviya v russkikh poslovicah : avtoreferat dissertacii... kandidata filologicheskikh nauk* : 10.02.01. EDN: [NLWABR](#)

Zavackaya V. V. (2021). Concept as the notion of modern cognitive linguistics. *Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokul'turologiya: aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiya*, 40–42. EDN: [YKVADK](#)

Zueva E. V. (2021). *Precedentnyj harakter ustupitel'nyh konnektorov v sovremennom nemeckom yazyke : avtoreferat dissertacii... kandidata filologicheskikh nauk* : 10.02.04.

Zykova I. V. (2017). *Metayazyk lingvokul'turologii: konstanty i varianty*. Gnozis. EDN: [ZRFXSB](#)

Kuznecova L. V. (2016). *Pragmaticheskaya situaciya prinyatiya resheniya v politicheskoy kommunikacii : avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk* : 10.02.19. EDN: [ZQCKTR](#)

Majtieva R. A. (2011). *Strukturno-semanticheskaya harakteristika poslovic i pogovorok darginskogo yazyka v sopostavlenii s anglijskim : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk* : 10.02.20. EDN: [QFISAH](#)

Rozenkova H. E., & Shustova S. V. (2017). Linguocultural code: definition, problem of classification, role in intercultural communication. *Eurasian Humanitarian Journal*, 2, 101–104. EDN: [YLUQLS](#)

Stratienko Yu. A. (2020). *Skazochnye precedentnye fenomeny v angloyazychnom mediadiskurse : avtoreferat dissertacii... kandidata filologicheskikh nauk* : 10.02.04.

Cherepova Yu. V. (2022). *Menedzhment nauchnyh znaniy na osnove ontologicheskikh modelej s ispol'zovaniem klassifikacionnyh yazykov : avtoreferat dissertacii... kandidata tekhnicheskikh nauk* : 05.25.05.

Информация об авторах

Губанов Алексей Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0548-7933>; e-mail: alexgubm@gmail.com

Кожемякова Екатерина Аркадьевна – кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2450-9450>; e-mail: ekozhemyakova@yandex.ru

Губанова Галина Федоровна – кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6448-1929>; e-mail: rggalina@gmail.com

Information about the authors

Aleksei R. Gubanov – Dr. Sci. (Philol.), Professor, Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0548-7933>; e-mail: alexgubm@gmail.com

Ekaterina A. Kozhemyakova – Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2450-9450>; e-mail: ekozhemyakova@yandex.ru

Galina F. Gubanova – Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6448-1929>; e-mail: rggalina@gmail.com

Поступила в редакцию 08.05.2023

Принята к публикации 27.05.2023

Опубликована 30.05.2023

Received 08 May 2023

Accepted 27 May 2023

Published 30 May 2023

Языковая репрезентация концепта «market» в атрибутивных конструкциях (на материале британского публицистического текста)

<https://doi.org/10.31483/r-105824>
УДК 811.111'367 + 811.111'37

Королева В. В.^а, Румянцева М. С.^б

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
г. Владимир, Российская Федерация.

^а <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>, e-mail: queenvera@yandex.ru

^б <https://orcid.org/0009-0003-6925-1887>, e-mail: marinarum21051@gmail.com

Резюме. В статье раскрывается понятие «атрибутив» и приводится характеристика атрибутивных синтаксических конструкций анализируемого концепта «market» в английском языке. Целью работы является описание структурно-семантических особенностей словосочетаний типа N + N, P + N, ADJ + N, PT + N, NU + N с ядерной лексемой «market» в британских публицистических текстах. Актуальность работы заключается в недостаточной проработке изучаемого концепта на синтаксическом уровне. Основное внимание уделяется анализу препозитивных одно- и двухкомпонентных атрибутивных конструкций, а также характеристике семантических отношений элементов словосочетания. Материалом для исследования послужили статьи журнала «The Economist» за 2023 г. В ходе работы использовались методы концептуального, контекстного, семантического и логического анализов. Полученные результаты показали, что синтаксические конструкции субстантивно-именной и адъективной группы в исследуемых текстах являются наиболее частотными. Связь лексем в рамках отобранных контекстов обусловлена семантическими отношениями характеристики, принадлежности или предназначения. Рассмотрение атрибутивных словосочетаний позволяет расширить такие слоты исследуемого концепта как market mechanism (рыночный механизм), market structure (структура рынка) и state of market (состояние рынка) за счет включения в него лексем, определяющих стержневую лексическую единицу.

Ключевые слова: концепт, атрибут, атрибутивные конструкции, синтаксические конструкции, семантические отношения, семантика.

Для цитирования: Королева В.В. Языковая репрезентация концепта «market» в атрибутивных конструкциях (на материале британского публицистического текста) / В.В. Королева, М.С. Румянцева // Этническая культура. 2023. Т. 5, № 2. С. 43-47. DOI 10.31483/r-105824. EDN LEEGIP

Review Article

Linguistic representation of the concept “market” in attributive structures (based on the British publicistic text)

Vera V. Koroleva^а, Marina S. Rumyantseva^б

 Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletov
Vladimir, Russian Federation.

^а <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>, e-mail: queenvera@yandex.ru

^б <https://orcid.org/0009-0003-6925-1887>, e-mail: marinarum21051@gmail.com

Abstract. The article reveals the notion of “attribute” and provides the characteristic features of the attributive syntactic structures of the analyzed concept “market”. The purpose of the study is to describe the structure and semantics of the following syntactic models: N + N, P + N, DJ + N, PT + N, NU + N, with the nuclear lexeme “market” in publicistic texts. The relevance of the work is due to the insufficiency of study of the concept we are examining at the syntactic level. The main focus is on the analysis of prepositional one- and two-component attributive structures, as well as the characteristics of the semantic relationships of the elements of the phrase. The material for the study was the articles from the magazine “The Economist” (2023). In the course of the work, the methods of conceptual, contextual, semantic and logical analysis were used. The results of the research showed that the syntactic structures of the substantive and adjective group are the most frequent in the studied texts. The connection of the lexemes within the selected contexts is conditioned on semantic relationships of performance, belonging or purpose. Consideration of attributive phrases makes it possible to expand the following slots of the concept under study: market mechanism, market structure and state of market by including lexemes defining the core lexical unit.

Keywords: concept, attribute, attributive constructions, syntactic structure, semantic relationships, semantics.

For citation: Koroleva V.V., & Rumyantseva M.S. (2023). Linguistic representation of the concept “market” in attributive structures (based on the British publicistic text). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(2), 43-47. EDN: LEEGIP. <https://doi.org/10.31483/r-105824>.

Введение

Язык обеспечивает возможность достижения коммуникативной цели между говорящими на разных уровнях. Н. Н. Болдырев говорит о лексической, грамматической

и модусной (интерпретирующей) системах языковой категоризации [Болдырев, 2019, с. 41]. Интеграция всех трех уровней ведет к образованию новых дисциплин, например, когнитивной грамматики (cognitive grammar).

Сегодня ученые стремятся зафиксировать данные о составляющих когнитивного знания на примере базовых концептов. В экономической концептосфере таким ключевым ментальным образованием является понятие «market». Описанию его значений и определению семантических отношений с другими лексемами были посвящены работы Л. П. Науменко [Науменко, 2014], Г. А. Заварзиной [Заварзина, 2011], А. О. Столяровой [Столярова, 2020], В. Д. Черняк и Е. В. Парышевой [Черняк, Парышева, 2020]. Несмотря на то, что репрезентация концепта «market» на уровне синтактики изучена мало, ученые приводят различные примеры контекстов лексем рынок и market в русском и английском языках [Науменко, 2014; Заварзина, 2011].

В рамках данной статьи произведен анализ атрибутивных словосочетаний, которые в сравнении с другими группами синтаксических конструкций играют наиболее важную роль в передаче физических, психологических и социально-культурных аспектов ментального знания [Болдырев, 2011; Мурашова, 2015]. Сегодня учеными разрабатываются классификации атрибутивных конструкций на основании структурного и семантического критериев¹.

Целью настоящей работы является описание позиционных и семантических особенностей атрибутивно-препозитивных конструкций, выражающих концепт «market» в английском языке. Актуальность исследования заключается в необходимости комплексного описания лексико-грамматического аспекта атрибутивных конструкций, репрезентирующих концепт «market» в публицистических текстах, и составления классификации контекстов как с точки зрения их грамматической формы, так и внутреннего содержания. Это представляется важным для понимания структуры меняющегося концепта и изучения данного знания представителями неанглоязычных культур.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили статьи из журнала «The Economist» за 2023 г. (28 января – 3 февраля, 11–17 февраля, 4–10 марта). Исследуемая лексема «market» встречалась в контекстах трех выпусков журнала 323 раза, из них 172 контекста (53%) представляют собой атрибутивно-препозитивные конструкции, образованные согласно моделям: N + N, P + N, ADJ + N, PT + N, NU + N, где N – существительное, P – местоимение, ADJ – прилагательное, PT – причастие, NU – числительное. Для дальнейшего изучения отобраны неповторяющиеся словосочетания (108 контекстов).

Исследование проведено путем изучения семантики лексических значений на основе методов концептуального, контекстного и логического анализов. Сбор данных осуществлялся посредством метода сплошной выборки и контент-анализа.

1 См.: Плоткин В. Я. Строй английского языка. Москва : Высшая школа, 1989. 239 с.; Кобрин Н. А., Корнеева Е. А., Осовская М. И., Гузеева К. А. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис. Санкт-Петербург : Союз, 1999. 496 с.; Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. 3-е издание. Москва : Физматлит, 2005. 232 с.

Результаты исследования и их обсуждение

В лингвистике атрибут определяется как нечто приписанное, данное, помогающее понять сущность конкретного явления действительности через призму значения другого слова. О. С. Ахманова в словаре лингвистических терминов (Москва, 1966) отмечала, что атрибутивный (англ. *attributive*) – относящийся к определению, выступающий в функции определения, обладающий свойствами определения.

Атрибутивы с наибольшей точностью позволяют интерпретировать полученные результаты концептуального исследования и облегчают процесс построения модели ментального знания. Л. П. Науменко выделяет пять слотов в структуре фрейма «market», в том числе с учетом особенностей атрибутивных конструкций [Науменко, 2014]: 1) *subjects of market* «субъекты рынка», включающий в себя в первую очередь лексемы *seller* «продавец», *buyer* «покупатель», а также их синонимы и гипонимы; 2) *object of exchange* «предмет обмена», представленный лексемами *goods* «товары», в том числе *articles* «предметы торговли», *commodities* «предметы потребления», *merchandise* «сопутствующие товары», *products* «продукция», *wares* «изделия»; в данную группу также стоит отнести родовые названия товаров; 3) *market mechanism* «рыночный механизм», выраженный словосочетаниями с лексемами *supply* «предложение», *demand* «спрос»; 4) *market structure* «структура рынка»; 5) *state of market* «состояние рынка».

Наибольшая часть примеров, отобранных для нашего исследования, представляет собой атрибутивно-препозитивные конструкции с примыканием², в частности, именной подтип, представленный в следующих типах:

1. Субстантивно-именной группой. В данных синтаксических конструкциях лексема market может выступать как в роли стержневого (*market knowledge* «знание конъюнктуры рынка»), так и зависимого / определяющего (*mass market* «массовый рынок, масс-маркет») элемента.

Рассмотрим семантические отношения между лексическими компонентами в рамках подгруппы словосочетаний, в которых лексема market является главным компонентом со значением: 1) предназначения: *consumer market* «потребительский рынок»; 2) характеристики: *mass market* «массовый рынок, масс-маркет», *bond market* «рынок облигаций», *farm markets* «фермерский рынок», *labour market* «рынок труда», *energy markets* «рынок энергоносителей», *oil and gas markets* «нефтегазовый рынок», *money market* «денежный рынок», *post-merger markets* «рынок, образованный путем слияния компаний», *bull market* «бычий рынок, повышение цен на рынке».

В типологии, разработанной И. В. Ивановой, В. В. Бурлаковой и Г. Г. Почепцовым³, также отмечаются другие типы семантических отношений между словами: источник, отношения части и целого, местоположение, материал, из которого сделан предмет, компаративные отношения, принадлежность. Таким

2 Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. 3-е издание. Москва : Физматлит, 2005. С. 137.

3 Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. Москва : Высшая школа, 1981. С. 124–126.

образом, необходимо обратить особое внимание на субстантивно-именные словосочетания с целью уточнения информации о том, какого рода связи встречаются или не встречаются в синтаксических конструкциях данного типа в рамках изучаемого концепта.

В подгруппе, в которой лексическая единица *market* выступает в роли определения, слова вступают в семантические отношения характеристики или принадлежности: *market knowledge* «знание конъюнктуры рынка», *market capitalization* «рыночная стоимость бизнеса», *market prices* «рыночные цены», *market rates* «рыночные цены», *market crash* «биржевой крах», *market value* «рыночная стоимость», *market movements* «изменение ситуации на рынке», *market failure* «сбой рыночного механизма», *market falters* «колебания на рынке», *market panic* «рыночная паника», *market power* «рыночная сила». Безусловно, при описании характерных особенностей рынка акцент делается на фразы, относящиеся к сфере рыночной терминологии, вследствие чего расширяется представление о таких внутренних процессах и явлениях на рынке, как рыночная конъюнктура, механизм, сила и др.

В выборке встречаются существительные, образованные с помощью соположения основ (*stockmarkets* «рынок ценных бумаг», *supermarket chain* «сеть супермаркетов»). Можно предположить, что такой способ словообразования демонстрирует важность принципа экономии для развития и функционирования языка. Другим примером структурных особенностей данных лексем являются сложные существительные в препозиции с повторяющимися основами: *-debt (sovereign-debt market* «рынок суверенных долгов», *government-debt market* «рынок государственного долга», *heavily-indebted emerging markets* «развивающиеся рынки, имеющие большую задолженность»); *-market (single-market rules* «правила единого рынка», *housing-market frailty* «хрупкость рынка жилищного строительства», *property market mayhem* «хаос на рынке недвижимости», *labour-market data* «данные о рынке труда», *black-market job* «вакансии на черном рынке»); *-bond (corporate-bond market* «рынок корпоративных облигаций», *dollar-bond markets* «рынок долларовых облигаций»); *-funds (federal-funds market* «рынок федеральных фондов»).

2. Адъективной группой. Синтаксические конструкции с прилагательным в роли определения могут быть классифицированы согласно семантическому значению единства (*single market* «единый рынок»), когда смысл лексемы заключается в передаче идеи неразрывности составляющих элементов рынка; масштаба при описании охвата рынка (*the overall market* «общий рынок», *global financial markets* «глобальный финансовый рынок», *a colossal market failure* «масштабный сбой рыночного механизма», *lucrative EU market* «доходный рынок ЕС», *sizeable market share* «огромная доля рынка»); пространственной отнесенности (*domestic market* «внутренний рынок», *Indian stockmarket scandals* «скандалы на фондовом рынке Индии», *Western markets* «западные рынки», *digital markets* «цифровой рынок»); направленности как при описании целевой аудитории рынка (*potential American*

market «потенциальный американский рынок», *public market* «рынок государственных заказов»), так и при описании продуктов, на реализации которых специализируется данный рынок (*search-adjacent markets* «рынок поисковых систем»).

3. Местоименно-именной группой. Словосочетания данной категории (*to know your real market* «знать свой действительный рынок») представляют интерес для исследователя ввиду ограничивающей функции притяжательных местоимений, которые, во-первых, определяют субъект действия (метонимическая модель концептуализации) и, во-вторых, обозначают пространственно-временные отношения [Болдырев, 2019, с. 268]. Так, словосочетание *real market* «действительный рынок» передает обобщенное представление о равновесной рыночной цене, в то время как местоимение *your* «ваш» предполагает, что продавец с учетом рыночной ситуации должен самостоятельно установить наиболее благоприятную цену для своего товара.

4. Причастно-именная группа. Причастие I, выступающее в роли определения (*boosting local farm markets* «быстро растущие рынки местной фермерской продукции», *collapsing stockmarkets* «падение фондового рынка», *expanding market* «расширяющийся рынок», *growing market share* «растущая доля рынка»), характеризует пространственное изменение рыночной структуры с течением времени [Болдырев, 2019, с. 186], а также подчеркивает незавершенность данного процесса. Подобным образом причастие II может передавать пространственное значение (*the combined market capitalization* «совокупная рыночная стоимость») или выступать в несколько иной роли – обозначать оценку результата действия с позиции субъекта рынка (*unwanted single-market rule changes* «нежелательные изменения в правилах единого рынка»).

Внутри данной категории слов так же, как и среди субстантивно-именных словосочетаний, встречаются сложные определения (*search-advertising market* «рынок поисковой рекламы», *fishfarming market* «рынок рыбной продукции», *recordedmusic market* «рынок звукозаписи, музыкальный рынок»).

5. Нумеративно-именная группа. Единственный пример данной группы словосочетаний – это фраза *a lucrative secondary market* «доходный вторичный рынок». Прилагательное *secondary* «вторичный», согласно классификации Н. А. Кобриной⁴, является идентифицирующим, т. е. характеризующим рынок как второсортный. Данное прилагательное, однако, приобретает «эксклюзивное значение»⁵ в сочетании с лексемой *lucrative* «прибыльный», которая, с одной стороны, выражает высокую степень прибыльности, с другой – передает отрицательную оценку событий на рынке: корыстные намерения продавцов, жажду наживы [Болдырев, 2011, с. 13].

В выборке присутствует и второй тип атрибутивных конструкций – атрибутивно-препозитивные притяжа-

4 Кобрина Н. А., Корнеева Е. А., Оссовская М. И., Гузеева К. А. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис. Санкт-Петербург : Союз, 1999. С. 125–126.

5 Там же. С. 126.

тельные словосочетания с управлением⁶, выражающие принадлежность рынка к определенной стране либо союзу стран или городу: *America's three main stockmarkets* «главные три фондовых рынка Америки», *the EU's single market* «единый рынок ЕС», *Bangladesh's market share* «доля Бангладеш на рынке», *country's lacklustre jobs market* «рынок труда в стране, находящийся в периоде застоя», *London's stockmarket* «Лондонский фондовый рынок», *America's property market* «американский рынок недвижимости», *China's corporate bond market* «китайский рынок корпоративных облигаций», *the country's markets watchdog* «регулятор рынка страны», *India's market* «рынок Индии», *Kasumbalesa's market stalls* «рыночные прилавки в Касумбалесе».

Кроме приведенных выше словосочетаний, где в роли определения нередко выступает название страны, можно привести примеры конструкций с лексемой *market*, выражающие семантические отношения характеристики субъектов рынка (*markets' confidence* «доверие субъектов рынка», *the gilt market's biggest buyers* «самые большие покупатели рынка гарантированных фондовых бумаг») и механизмов рынка (*the obesity market's huge promise* «большие перспективы на рынке лекарств от ожирения»), а также конструкции с лексемой *year* «год», обозначающие отрезок времени и состояние рынка в определенный хронологический период (*last year's market crash* «прошлогодний биржевой крах»).

Стоит также обратить внимание на отдельную подгруппу словосочетаний, состоящих из двух и трех атрибутивов. Семантика лексем, выступающих в роли определения в данных словосочетаниях в независимости от их принадлежности к той или иной части речи, обуславливает их положение – приближенность к стержневому компоненту синтагмы. Данное явление названо В. Я. Плоткиным силой примыкания [Плоткин, 1989, с. 39]. Действительно, в отобранных нами примерах (*boosting local farm markets* «быстро растущие рынки местной фермерской продукции», *global financial markets* «глобальные финансовые рынки», *Britain's public market* «рынок государственных заказов Британии», *heavily-in-debted emerging markets* «развивающиеся рынки, имеющие большую задолженность», *the roaring bull market* «оживленный рынок повышения цен», *global nickel market* «глобальный рынок никеля», *burgeoning market economy* «активно развивающаяся ры-

ночная экономика») определения *farm* «фермерский», *financial* «финансовый», *public* «общественный, государственный», *emerging* «развивающийся», *bull* «бычий», *nickel* «никелевый» являются элементами общепризнанных экономических терминов, т. е. передают постоянные признаки предметов или явлений действительности, в то время как лексемы *boosting* «быстро растущий», *heavily-in-debted* «имеющий большую задолженность», *roaring* «оживленный», *burgeoning* «активно развивающийся» отражают состояние рынка на данный период времени, включают в себя коннотативные элементы оценки и эмоциональности [Ткаченко, 2020]; некоторые лексемы в пространственном смысле противоположны друг другу: направлены либо на расширение понятия (*global* «глобальный»), либо его сужение (*Britain's* «принадлежащий Британии»). Таким образом, рассмотрение пространственных, временных областей знаний и вместе с тем процессов метафоры и метонимии смыслов [Dirven, Polzenhagen, Wolf, 2007, с. 1226; Croft, Cruse, 2005, с. 55] в языке является центральным аспектом деятельности исследователя, направленной на толкование смыслов.

Выводы

Публицистические тексты журнала «The Economist» позволяют выявить наиболее актуальные контексты лексемы *market*, а также лексико-грамматические особенности атрибутивов с данной лексемой. Конструкции, рассматриваемые в данной статье, заполняют следующие слоты концепта *market*: *market mechanism* «рыночный механизм», *market structure* «структура рынка» и *state of market* «состояние рынка». Это происходит ввиду наличия в семантике исследованных словосочетаний компонентов значения, описывающих признаки рынка и его сферу влияния.

Лексема *market* может в равной степени выступать как стержневым, так и определяющим компонентом. Наибольшим количеством примеров в нашем исследовании были представлены группы атрибутивно-препозитивных конструкций с примыканием (субстантивно-именные, адекативные) и атрибутивно-препозитивные притяжательные словосочетания с управлением. Как было установлено, порядок следования определений в словосочетании обусловлен степенью их абстрактности, однако, в дальнейшем необходимо оценить возможности перемещения определяющих элементов в рамках словосочетаний и влияние данных перестановок на семантические особенности фразы.

⁶ Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. 3-е издание. Москва : Физматлит, 2005. С. 136.

Список литературы

- Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №33. С. 11–16. EDN OZMWHТ
- Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка : монография. 2-е издание. Москва : Издательский дом ЯСК, 2019. 480 с. EDN OXLIYГ
- Заварзина Г. А. Особенности функционирования концепта «рынок» в сфере российского государственного управления начала XXI века // Политическая лингвистика. 2011. №4. С. 197–201. EDN ORIJZL
- Мурашова Л. П. Средства выражения концептуально-когнитивного фрейма «woman» // Язык и культура. 2015. №2. С. 76–83. DOI 10.17223/19996195/30/8. EDN UCBQHD
- Науменко Л. П. Субординаційний концепт «market» у сучасному англомовному бізнес-дискурсі // Наукові студії-XXI. Філософія. Філологія. Педагогіка. Економіка. 2014. Том 6, №4. С. 95–108.
- Столярова А. О. Ключевые концепты англоязычного бизнес-дискурса // Когнитивные исследования языка. 2020. №2. С. 473–477. EDN PYDТDХ

Ткаченко А. В. Атрибутивное словосочетание в традиционном и когнитивном аспектах изучения (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, №4. С. 80–86. DOI 10.30853/filnauki.2020.4.17. EDN AMBTMV

Черняк В. Д., Парышева Е. В. Рынок и базар в зеркале антропоцентрически ориентированных словарей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2020. №198. С. 161–170. DOI 10.33910/1992-6464-2020-198-161-170. EDN QNYJDY

Dirven R., Polzenhagen F., Wolf H. G. Cognitive Linguistics, Ideology, and Critical Discourse Analysis // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. N.Y. : Oxford University Press, 2007. pp. 1222–1240.

Croft W., Cruse. D. A. Cognitive Linguistics. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 356 p.

References

Boldyrev N. N. (2011). Interpretiruyushchaya funkciya yazyka. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 33, 11–16. EDN: OZMWHY

Boldyrev N. N. (2019). *Language and the system of knowledge. A cognitive theory of language*. Izdatel'skij dom YASK. EDN: OXLIYQ

Zavarzina G. A. (2011). Peculiarities of functioning of concept “market” in the field of Russian public administration in the beginning of the XXI century. *Political Linguistics*, 4, 197–201. EDN: ORIJZL

Murashova L. P. (2015). The means of expression of the conceptual-cognitive frame “woman”. *Language and Culture*, 2, 76–83. <https://doi.org/10.17223/19996195/30/8>. EDN: UCBQHD

Naumenko L. P. (2014). Subordinacijnij koncept “market” u suchasnomu angloimovnomu biznes-diskursi. *Naukovi studii-XXI. Filosofiya. Filologiya. Pedagogika. Ekonomika*, 4(6), 95–108.

Stolyarova A. O. (2020). Key concepts of business discourse. *Cognitive studies of language*, 2, 473–477. EDN: PYDTEX

Tkachenko A. V. (2020). Attributive word combinations from the view-points of traditional and cognitive approaches (be the material of the English language). *Philology. Theory & Practice*, 13(4), 80–86. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.17>. EDN: AMBTMV

Chernyak V. D., & Parysheva E. V. (2020). Definitions of rynek (market) and bazar (bazaar) in anthropocentric dictionaries. *Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences*, 198, 161–170. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-198-161-170>. EDN: QNYJDY

Dirven R., Polzenhagen F., & Wolf H. G. (2007). Cognitive Linguistics, Ideology, and Critical Discourse Analysis. *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, 1222–1240.

Croft W., & Cruse. D. A. (2005). *Cognitive Linguistics*. Cambridge University Press.

Информация об авторах

Королева Вера Владимировна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>; e-mail: queenvera@yandex.ru

Румянцева Марина Сергеевна – магистр педагогических наук, преподаватель, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6925-1887>; e-mail: marinarum21051@gmail.com

Information about the authors

Vera V. Koroleva, Dr. Sci. (Philol.), head of the department, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletov, Vladimir, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>; e-mail: queenvera@yandex.ru

Marina S. Rumyantseva – Master of Pedagogical Sciences, Lecturer in Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6925-1887>; e-mail: marinarum21051@gmail.com

Поступила в редакцию 22.03.2023

Принята к публикации 02.05.2023

Опубликована 25.05.2023

Received 22 March 2023

Accepted 02 May 2023

Published 25 May 2023

Времена года в русской поэзии удмуртского поэта В. Ар-Серги

<https://doi.org/10.31483/r-105884>

УДК 821.511.131.09-05

(Ар-Серги):398

Пантелеева Е. В.

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук, ROR
г. Ижевск, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0009-0003-8327-281X>, e-mail: zhenechka-kharitonova@mail.ru

Резюме. Статья посвящена исследованию семантики времен года в русской поэзии удмуртского поэта и прозаика В. Ар-Серги. Актуальность работы обусловлена тем, что в настоящее время художественные тексты национальных авторов требуют целостно-концептуального анализа ввиду того, что они находятся под сильным влиянием русской литературы, что в свою очередь сказывается на их этнокультурном самосознании. Остро стоит вопрос о сохранении, укреплении и развитии национальных языков в полилингвальном пространстве России. Аналитический обзор проблемы предпринят автором на материале русской поэзии В. Ар-Серги. В ходе исследования применялись традиционные методы литературоведческого анализа: количественный, структурно-семиотический, сравнительно-сопоставительный, метод целостного анализа текста. В поэтических текстах В. Ар-Серги находят отражение как традиционно мифологические, так и индивидуально-авторские реалии, связанные с восприятием календарных природных изменений, определяется степень их семантической связанности с традиционными канонами удмуртской культуры. Осмысление природного хода времени тесно переплетается с эмоционально-психологическим планом произведений. В поэзии В. Ар-Серги природный ландшафт аксиологически становится темой для постоянной художественной рефлексии. В поэтических текстах удмуртского поэта лексемы из лексико-семантической группы «времена года» несут не только определенную темпоральную смысловую нагрузку, но и обозначают внутреннее эмоциональное состояние лирического субъекта. Внимание автора обращено не только к собственной картине мира, но и фольклорно-мифологическим контекстам целого этноса.

Ключевые слова: русскоязычная удмуртская поэзия, удмуртский фольклор, мифопоэтика времен года.

Для цитирования: Пантелеева Е.В. Времена года в русской поэзии удмуртского поэта В. Ар-Серги // Этническая культура. 2023. Т. 5, № 2. С. 48-52. DOI 10.31483/r-105884. EDN IDBCTO

Research Article

Seasons in the Russian-language writing of the Udmurt poet V. Ar-Sergi

Evgeniia V. Panteleeva

 Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0009-0003-8327-281X>, e-mail: zhenechka-kharitonova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the semantics of the seasons in the Russian-language poetry of the Udmurt poet and prose writer V. Ar-Sergi. The relevance of this work is caused by the fact that today artistic texts of national authors require a holistic conceptual analysis, since they are strongly influenced by Russian literature, which in turn affects their ethnocultural identity. The issue of preserving, strengthening and developing national language in the multilingual space of the Russian Federation is acute. The author undertook an analytical review of the problem on the material of the Ar-Sergi Russian-language poetry. During the study, traditional methods of literary research (quantitative, structural-semiotic, comparison and collation, method of holistic text analysis) were used. Both traditionally mythological and individual authorial reality associated with the perception of calendar natural changes are reflected in the poetic texts of Ar-Sergi. The degree of their semantic connectedness with traditional canons of Udmurt culture is determined. Comprehension of the natural passage of time is closely intertwined with the emotional and psychological plan of the works. The natural landscape axiologically becomes a theme for constant artistic reflection in the poetry of Ar-Sergi. The lexical units from the lexico-semantic group "seasons" have not only a certain temporal semantic load but also denote the internal emotional state of the lyric subject in the poetic texts of the Udmurt poet. The attention of the author is turned not only on his own worldview but also folk-mythological contexts of the whole ethnic group.

Keywords: Udmurt Russian-language poetry, Udmurt folklore, mythopoetic of the seasons.

For citation: Panteleeva E.V. (2023). Seasons in the Russian-language writing of the Udmurt poet V. Ar-Sergi. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(2). 48–52. EDN: IDBCTO. <https://doi.org/10.31483/r-105884>.

Введение

Невозможно отрицать тот факт, что важнейшим ядром лирико-философских размышлений об окружающем нас мире является отождествление человеческого бытия с природно-циклическими изменениями. В художественной литературе изображение времен года, безусловно, неотделимо от смены жизненных этапов человека. Традиционно в поэзии конкретный климатический сезон становится не только природно-пейзажным фоном, аксиологически соотносимым с жизненным

циклом человека, но самостоятельным действующим персонажем. Безусловно, то или иное время года, капризы природы становятся олицетворением эмоционально-психологического состояния лирических субъектов.

Конечно, мотивно-образный кластер «времена года» широко представлен в русской словесности и литературах народов России. На наш взгляд, это связано с российскими климатическими условиями, обретающими символическое значение в художественном пространстве.

Поэтическая соотнесенности природы и человека неизменно становится объектом исследований. Библиографический список таких работ достаточно обширен. Среди наиболее весомых можно выделить труды М. М. Бахтина [Бахтин, 1975], М. Н. Эпштейна [Эпштейн, 1990], А. Н. Афанасьева [Афанасьев, 1995], В. Н. Топорова [Топоров, 1995] и др.

Говоря непосредственно об исследованиях удмуртского календарного цикла, можно отметить ряд авторитетных работ, раскрывающих отдельные природно-временные константы в удмуртской литературе [Шкляев, 1979; Владыкин, 1990; Владыкин, 1994; Владыкина, 2011; Арзамазов, 2022].

В рамках данной статьи мы рассмотрим примеры восприятия образно-мотивного пласта «времена года» на материале русскоязычной поэзии удмуртского поэта В. Ар-Серги. Обращение к его творчеству обусловлено рядом причин. Во-первых, недостаточной изученностью нового пласта поэтических текстов автора, во-вторых, необходимостью прочтения его лирических произведений с точки зрения этнокультурного самосознания и влияния других литературных традиций, в частности, русской.

Анализ поэтических сюжетов позволит, на наш взгляд, определить, каким образом меняется образно-мотивный план стихотворений, какие новые эмоционально-психологические грани приобретают времена года в поэзии В. Ар-Серги в связи с его переходом на русский язык. Рассматривая природно-пейзажный код В. Ар-Серги, мы пытаемся выявить индивидуально-авторскую манеру символизации языка природы, ее соотнесенности с национальной культурой, мифологией этноса.

Материалы и методы исследования

Работа посвящена рассмотрению репрезентации календарного цикла в удмуртской поэзии. Углубленное исследование данного феномена проводится на примере русской поэзии удмуртского поэта и прозаика В. Ар-Серги. Материалом статьи послужили тексты из поэтических сборников «Сквозь очищающий огонь» (1998), «Облаков

застывшие следы» (2001), «Rendez-vous. Условная встреча» (2004), «Дубрава на Луне» (2007), «Кама-кылбур» (2017), «С акцентом – моим...» (2021).

В ходе работы применялись следующие методы исследования: количественный, структурно-семиотический, сравнительно-сопоставительный, метод целостного анализа текста.

Результаты исследования и их обсуждение

Вячеслав Ар-Серги – современный удмуртский прозаик, поэт, драматург, сценарист, переводчик, пишущий на удмуртском и русском языках. Творческий мир В. Ар-Серги обычно реалистичен, как правило, без лишней мистификации, без углубленного погружения в удмуртский этнокультурный мир.

Традиционно в сознании человека времена года связаны с природно-климатическими изменениями. В художественной же литературе изображение времен года, безусловно, неотделимо от внутреннего состояния человека. Сравнительно-аллегорическая интерпретация времен года зачастую говорит о мифологической нагрузке текста.

Комплексные исследования отечественных ученых показывают, что в контексте религиозно-мифологической картины мира удмуртов времена года образуют следующие оппозиционные пары: *весна – осень* и *лето – зима* [Владыкин, 1990; Шутова, 2003; Попова, 2004; Владыкина, Глухова, 2011]. Такое восприятие года как двух противоположных периодов «соотносится с представлениями славяно-русского календаря о годе как лете и зиме с той лишь разницей, что для удмуртов важнее оказались осень и весна с осенью как началом года (ар)» [Владыкина, Глухова, 2011, с. 6].

В диаграмме 1 представлен количественный подсчет единиц лексико-семантического поля «Времена года», представленных в русских поэтических сборниках В. Ар-Серги: «Сквозь очищающий огонь» (1998), «Облаков застывшие следы» (2001); «Rendez-vous. Условная встреча» (2004), «Дубрава на Луне» (2007), «Кама-кылбур» (2017), «С акцентом – моим...» (2021).

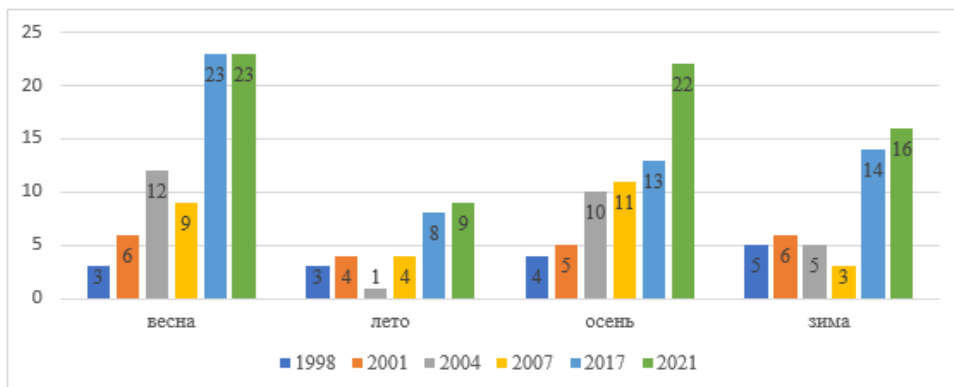

Диаграмма 1. Частотное распределение слов лексико-семантической группы «Времена года»
Diagram 1. Frequency distribution of words of the lexico-semantic group "Seasons"

Как видим, в поэтических текстах В. Ар-Серги представлены все времена года, причем предпочтение поэт отдает смысловой оппозиционной группе *весна – осень*.

Лексема *весна* оказывается связана, с одной стороны, с внутренним мироощущением поэта (пробуждением, обновлением, молодостью), а с другой – с ар-

хаичными верованиями удмуртов: *Из шишки родится сосна, / на ветке завьется Весна* («Сосна»); *Компания веселая / хоралами нестройными / зывала весну / в Шубашкар¹* («Наша «Хага»); *Не видела, как мы обнялись, / прощаясь пред новой весной* («Летяга»); *Вот*

¹ Шубашкар [шубашкар] – чувашское название г. Чебоксары.

шагом упругим, наполненный думой, / путник идет сквозь людей, / не уставая рождаться весной – / ждет он прилета диких гусей («Апрель»).

Говоря о весне, автор оперирует разными оттенками значения глаголов движения: ...*Ах, и поверить бы теперь, / что в мир еще придет весна* («Проводы»); *И что весна пришла со сроком / поздним к нам, на расстоянии* («Астры в снегу»); *Ты первой поняла – ушла весна, / что паводком возвысила двоих тогда* («За живое»). Через призму глагольных форм выстраивается мимолетное, циклическое время, соотносимое с сюжетом, лирическим субъектом. Очевидное на первый взгляд противопоставление времен на самом деле имплицитно показывает авторское восприятие тонкой грани между настоящим и прошлым, ныне живущими и предками.

Исследуемые образные хронотопы показывают, что для весны как неуловимого, быстротечного времени года характерна телесная соотнесенность с образом юной девушки: ...*Ты пел, что прекрасна Гянджа, как весна* («Коль сможешь, прости, Низами Гянджеви...»); *О, неземная сила серых глаз! / ... / С ресницами, как шелк / весенней муравы, / что сплетены / с лучами солнца...* («Шаг»). Феминизация образа усиливает образное восприятие ввиду того, что темпоральные лексемы *весна* и *осень* традиционно ассоциируются с женским архетипом.

Особо стоит отметить частотность употребления лексемы *весна* в контекстах любовной тематики. Весна – время, когда все живые существа стремятся создать пары. В этом плане примечательно, что в большинстве случаев это такое эфемерное состояние, которое наполняет человека изнутри, как сосуд. Однако для В. Ар-Серги весна ассоциируется с разочарованием, расставанием: *В руках моих цветы, цветы – / весенней белизной обнажены, / и только ты, и только ты, / не знаешь, что мосты разведены* («К портрету твоему»); *Тот треугольник весенний / древним сюжетом предстал: / я и она, и он – невесенний, / наша свиданье отнял* («Забывтое»). Образные параллели, выстраиваемые автором, не только нарушают естественный ход событий, но и сложно сживаются с фатальной нелиричностью произведений.

Весна как маркер внутреннего состояния лирического субъекта находит свое воплощение в песне: *Но в белом снегу / белый ландыш живет, / в снежную мглу / весенне поет* («Декабрь»); *Перестал подпевать / нашей песне весной...* («На стекле»). В действительности песня занимает важное место в быту удмуртов, поскольку их этнокультурный мир тесно связан с окружающей природой. В сознании удмуртов стихийные природные звуки воспринимаются как сигналы, знаки, наделенные особыми смыслами. Тексты песен точно вписаны в общую мифологическую картину мира удмуртов и во многом соответствуют поведенческим программам как традиционной этнической, так и урбанистической среды.

В представлении удмуртов весне противопоставляется осень. Анализ стихотворных текстов В. Ар-Серги показал, что этот сезон часто используется в прямом значении как определенное время года, как фон, на-

пример: *Видишь, осень прогулялась по дворам. / Зябко, хлябко стало роцам и борам* («Попутчик»); *Не надо было осенью / в лес мне заходить* («Мой вурдалак»); *Уйдет иван-чай, / взойдет молочай, / уж осень, считай – / не прогадай...* («Мать, да и мачеха»); *Да и песню удмуртскую спеть – / ... / что черемухе в осень не цвезть...* («Памяти дальнего друга»).

Крайне редко лексема *осень* употребляется в переносном смысле: *Лето грустит о грядущем конце. / Шагом спешащим рядом с парой / пройду – / в осень свою я зайду: / я тоже ведь Слава...* («И все-то не завидно...»). В приведенном отрывке лексема *осень* имплицитно обозначает зрелость, естественный период человеческого бытия, переход из одного физиологического состояния в другое: образ лета воспринимается поэтом как молодость, образ осени – как старость. Бесспорно, любое время года становится отражением эмоционально-психологического состояния лирических субъектов. И осень не исключение. Иногда данное время года выражает уныние, печаль, скорбь: *И вновь татарская печаль / забыть о прошлом не дает... / Осенним листиком уносит в даль – / там предок плачи мне поет* («Плач»); *Ах, осень – желтая печаль* («Разлука»); *Осень, осень, осень... / Грустно очень, очень... / Солнце ясное – печально, / миру больно, больно...* («Этюд с воробьем»), а иногда вызывает радостные чувства: *Вот там плясунам-то – раздолье – / осенние свадьбы звенят!...* («Октябрь»); *Такой вот звонкой осени / не виделось давно – / в небесной ясной просини / застряло облачко одно... / Леса багряно-желтые / с тяжелой зеленью кой-где...* («Такой вот звонкой осени...»).

Осень – время, ассоциируемое с дождями, ливнем, ветрами: *И как ветер, который осенней лавиной / налетев, разлучает деревья с листвой* («Я все позабуду...»); *Ветер осенний – / качание свечек* («Руками не трогать меня...»); *И с копкою картошки не спешила / под дождь осенний ледяной* («Моя мечта»); *И также тогда все дождело, / и летом, и осенью, даже зимой* («В канун лета»). Все это не позволяет героям оторваться от прошлого, переломить ход событий.

Вторую смысловую оппозицию составляют темпоральные лексемы *лето* и *зима*. Рассматривая данный образно-мотивный конструкт, мы приходим к выводу, что лексическая единица *лето* употребляется автором крайне редко и чаще всего в своем словарном значении – самое теплое время года. Обратимся к ряду примеров. Образ лета функционирует в качестве и фона разворачиваемых событий, и средства сравнения, например: *Лето. / Детство. / Бабочка влетела / к нам на свет в открытое окно* («Матушка-бабочка»); *Пусть тебе приснится ласковое лето* («Колыбельная»); *Где два месяца лето и рожь / на хлеба, на свои не пожнешь* («Реинкарнация»); *Так летний спорый ливень / округу долгожданно оросит...* («Хо! Ну и что?»); *О том, что чудесное лето пришло* («Забывтое»). Создавая образ лета, поэт оперирует прилагательными эмоционального коннотативного значения, по большей мере его интересует внутреннее психологическое состояние лирических субъектов.

Порой лето понимается автором как время испытаний, телесных истязаний: *В лесу не страшен летний*

зной и холод зимних выюг («Слезы на посошок»); *Отдыхал, переводя дыханье, / я под кроной липы в жаркий день* («Жаворонок и липа»); *«Июльские нагрнут грозы / и забушует водосток. / И улыбнись тебе сквозь слезы...»* («Читая Ли Бо»). Преодоление времени душевных мук и физических страданий способствует осознанию истинного философского смысла человеческого бытия.

Осмысление событий лета тесно переплетается с темой прошлого: *О том, что чудесное лето пришло, / и гром озорной все шалит... / Что рад за мгновенье, что уж ушло – / душа к забытью не благоволит* («Забывтое»); *И также тогда все дождило, / и летом, и осенью, даже зимой – / счастливой слезой наполняло / все то, что ушло вот весной* («В канун лета»). Временные представления автора сопряжены с биографическим контекстом (юностью и зрелостью), его личным присутствием.

Темпоральная лексема *зима* представляет собой завершающий природный цикл. Время, когда лирические субъекты осмысливают свой путь, завершают свои дела. Как правило, в этот период душевное состояние героев сопряжено с семантикой грусти, печали, скорби: *Зимняя стужа сковала поля, / иней не только в окне, и – в душе. / Стылой слезою молчат тополя. / Грустью налилась и трубка в руке* («Алло! Это кто?»); *Грянула стужа. Все замерло. / Заиндевели печальны дома* («Минус»).

В понимании русского человека зима – это своеобразное достояние, достопримечательность, которую находит свое яркое отражение в литературе, живописи. В русских стихотворениях В. Ар-Серги достаточно развернуто представлен темпоральный код зимы, разворачивающийся через призму образов, например: *Наше солнце сменяет Луна, / нашу зиму сменяет весна* («Рябинушка моя»); *Что не ядрены нынче зимы, / а летом – мокрый холодок... / С годами мы все более ра-*

нимы, / и все милее прошлого мирок («Не вышел статью и лицом...»); *У Пушкина – «снег выпал в январе...», / и наш снежок – не торопился, / намелся он до голенища в декабре* («Пушкинские воробьи»); *Мне подной, воробей, по зиме! / Моргни прорубью глаз, стынь-река... / Загрустят матерински по мне / Камы милой в лесах берега* («Зимнее...»). Образные хронотопы в приводимых строках входят в единый поток временной транспективы: обзор естественного хода человеческой жизни от настоящего к прошлому и наоборот. Транспектива времени выстраивается в своеобразную цепочку: настоящее (употребление глаголов настоящего времени, выражающих последовательность действий) – прошлое (глаголы прошедшего времени, времена года, антропоним *Пушкин* здесь также обретают временное значение). Подобная параллель создает эффект тесной связи с жизнью России, с одной стороны, и осознания своего «я» как части истории, культуры, народа, с другой.

Заключение

В русской поэзии В. Ар-Серги представлены все времена года, при этом предпочтение поэт отдает весне и осени, которые являются неоспоримыми атрибутами мифофольклорной картины мира удмуртов. Картины природы в поэзии В. Ар-Серги редко заключают в себе самостоятельное значение. Все они, как правило, связаны с фоновыми и внутриспсихологическими задачами поэта. Тема времен года становится рефлексией на актуальные проблемы национального сообщества. В природных пейзажах проявляется не только индивидуально-авторская картина восприятия окружающего мира, но внутренняя когнитивная связь с исконной удмуртской этнокультурой. В новом языковом поле поэт также продолжает актуализировать мифологические контексты этноса.

Список литературы

- Арзамазов А. А. Марийско-удмуртские поэтические параллели и контрасты: опыт компаративного прочтения : монография. Казань : Издательство Академии наук Республики Татарстан, 2022. 316 с. EDN [GEFXXL](#)
- Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : в 3 томах. Москва : Современный писатель, 1995.
- Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. Вопросы литературы и эстетики. Москва : Художественная литература, 1975. С. 234–407.
- Владыкин В. Е., Перевозчикова Т. Г. Годовой обрядовый цикл удмуртской общины «бускель» (материалы к народному календарю) // Специфика жанров удмуртского фольклора. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Академии наук СССР, 1990. С. 44–96. EDN [YPHKYJ](#)
- Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск : Удмуртия, 1994. 384 с.
- Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук; Удмуртский университет, 2011. 320 с. EDN [QPVUYD](#)
- Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Этнокультурный контекст представлений удмуртов о времени // Традиционная культура. 2013. №1. С. 110–117. EDN [QCBPEL](#)
- Попова Е. В. Календарные обряды бесермян. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, 2004. 256 с. EDN [SNPGBL](#)
- Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. Москва : Прогресс : Культура, 1995. 621 с.
- Шкляев А. Г. Времена года и времена жизни: о творчестве Ф. Васильева // Сверстники. Москва, 1979. С. 207–218. EDN [YRODNM](#)
- Шутова Н. И. Сакральное пространство и культовые памятники // Удмуртская мифология. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, 2004. С. 36–53. EDN [SJNKSV](#)

Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. Москва : Высшая школа, 1990. 302 с.

References

Arzamazov A. A. (2022). *Marijsko-udmurtskie poeticheskie paralleli i kontrasty: opyt komparativnogo prochteniya*. Izdatel'stvo Akademii nauk Respubliki Tatarstan. EDN: [GEFXXL](#)

Afanas'ev A. N. (1995). *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predanij i verovanij v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennykh narodov*. Sovremennyy pisatel'.

Bahtin M. M. (1975). *Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike. Voprosy literatury i estetiki*, 234–407.

Vladykin V. E., & Perevozchikova T. G. (1990). Godovoj obryadovyy cikl udmurtskoj obshchiny “buskel” (materialy k narodnomu kalendaryu). *Specifika zhanrov udmurtskogo fol'klora*, 44–96. EDN: [YPHKYJ](#)

Vladykin V. E. (1994). *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov*. Udmurtiya.

Vladykina T. G., & Gluhova G. A. (2011). *Ar-god-bergan: obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya*. Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk; Udmurtskij universitet. EDN: [QPVUYD](#)

Vladykina T. G., & Gluhova G. A. (2013). Ethnocultural context of Udmurt's concept of time (calendar). *Traditional Culture, 1*, 110–117. EDN: [QCBPEL](#)

Popova E. V. (2004). *Kalendarnye obryady besermyan*. Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. EDN: [SNPGBL](#)

Toporov V. N. (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoe*. Progress Kul'tura.

Shklyayev A. G. (1979). Vremena goda i vremena zhizni: o tvorchestve F. Vasil'eva. *Sverstniki*, 207–218. EDN: [YRODNM](#)

Shutova N. I. (2004). Sakral'noe prostranstvo i kul'tovye pamyatniki. *Udmurtskaya mifologiya*. Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 36–53. EDN: [SJNKSV](#)

Epshtejn M. N. (1990). “Priroda, mir, tajnik vselennoj...”: sistema pejzazhnykh obrazov v russkoj poezii. Vysshaya shkola.

Информация об авторе

Пантелеева Евгения Владимировна – аспирант Удмуртский институт истории, языка и литературы, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», Ижевск, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-8327-281X>; e-mail: zhenechka-kharitonova@mail.ru

Information about the author

Evgeniia V. Panteleeva – Postgraduate student, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-8327-281X>; e-mail: zhenechka-kharitonova@mail.ru

Поступила в редакцию 26.03.2023
 Принята к публикации 21.05.2023
 Опубликовано 23.05.2023

Received 26 March 2023
 Accepted 21 May 2023
 Published 23 May 2023

Чувашские былички: содержательный компонент

<https://doi.org/10.31483/r-106577>
УДК 801.81(=512.111) + 398.2(470.5)
(=470.344)

Федотова Е. В.

Чувашский республиканский институт образования
Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики,
г. Чебоксары, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-3479-7455>, e-mail: elena.fedotova.73@inbox.ru

Резюме. Работа посвящена анализу текстов чувашских быличек, записанных с конца XIX по начало XXI вв. в чувашских селениях Волго-Уралья. Цель исследования – выявить особенности содержания текстов чувашских быличек, ввести их в научный оборот. В исследовании представлена классификация быличек, составленная автором. Работа опирается на архивные и собственные полевые материалы. Тексты анализируются в дескриптивном аспекте, вместе с тем в работе автор обращается к этнографическому и лингвистическому подходам. Отличительной особенностью чувашской былички является ее содержание: описание пейзажа, обстановки, традиционного костюма, украшений, локальных особенностей культуры. Кроме того, быличкам присуще перечисление эндемичных топонимов, деталей, использование определенных наборов сюжетов, упоминание предметов быта, орудий труда, предметов упряжи, выполнение разного рода деяний. Самыми удивительными необходимо признать повествования о превращениях людей со сверхъестественными способностями в предметы быта (сукно, стул, подушку) или в животных (кошку, собаку, теленка, ягненка) и обратно в человека, превращения заложных покойников в лошадей, предметов упряжи. Концовка быличек – обережная часть – часто содержит в себе синкретизм двух религий: дохристианской и христианской.

Ключевые слова: быличка, чувашский фольклор, классификация, традиционное бытование, мифологический персонаж, содержательный компонент.

Финансирование. Работа была выполнена параллельно при сборе, выявлении и систематизации текстов быличек для составления тома «Чувашское народное творчество. Былички» свода чувашского фольклора в отделе литературоведения и фольклористики (ныне филологическое направление, секция фольклористики) Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия).

Для цитирования: Федотова Е.В. Чувашские былички: содержательный компонент // Этническая культура. 2023. Т. 5, № 2. С. 53-60. DOI 10.31483/r-106577. EDN CJGNVZ

Chuvash mystical stories: content component

Elena V. Fedotova

Chuvash Republican Institute of Education of the Ministry of Education
and Youth Policy of the Chuvash Republic
Cheboksary, Russian Federation

 <https://orcid.org/0000-0002-3479-7455>, e-mail: elena.fedotova.73@inbox.ru

Abstract. The work is devoted to the analysis of texts of Chuvash epics recorded from the end of the XIX to the beginning of the XXI centuries. in the Chuvash villages of the Volga-Ural region. The purpose of the study is to identify the features of the content of the texts of Chuvash bylichek, to introduce them into scientific circulation. The study presents the classification of bulls compiled by the author. The work is based on archival and own field materials. The texts are analyzed in a descriptive aspect. At the same time, the author turns to ethnographic and linguistic approaches in the work. A distinctive feature of the Chuvash bylichka is its content: a description of the landscape, furnishings, traditional costume, jewelry, local cultural features. In addition, bylichkas are characterized by enumeration of endemic toponyms, details, the use of certain sets of plots, the mention of household items, tools, harness items, and the performance of various kinds of deeds. The most amazing are the narratives about the transformations of people with supernatural abilities into various household items (cloth, chair, pillow) or into animals (cat, dog, calf, lamb) and back into a person, the transformation of the mortgaged dead into horses, harness items. The ending of the epics often contains the syncretism of two religions: pre-Christian and Christian.

Keywords: Chuvash folklore, bylichka, classification, traditional existence, mythological character, content component.

Funding. This study was done in parallel with the collection, identification and systematization of texts of byliches for the volume “Chuvash Folk Art. Bylichki” of Chuvash folklore in the Department of Literature and Folklore Studies (now the Philological Department, Section of Folklore Studies) of the Chuvash State Institute of Humanities (Cheboksary, Russia).

For citation: Fedotova E.V. (2023). Chuvash mystical stories: content component. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(2), 53-60. EDN: CJGNVZ. <https://doi.org/10.31483/r-106577>.

Введение

Былички представляют собой рассказы о встрече человека с таинственными силами. В русской культуре такого рода мифологические рассказы и их персона-

жи послужили основой для создания художественных произведений. Например, И. С. Тургенев написал «Бежин луг», А. С. Пушкин «Утопленник», Н. В. Гоголь «Вий». В чувашской словесности к такого рода тек-

стам относятся «Арсури» («Леший», 1879) М.Ф. Федорова, «Вёре сёлен» («Огненный змей», 1912) М. Д. Данилова, «Арсури (Каласа панинчен)» («Леший (Из рассказанного)», 1908-[1920]), «Вуташ хёрё» («Девушка, обитающая в воде», [1920]), «Вупар» («Вубыр», 1927) М. Д. Трубиной, «Вёри сёлен» («Змей-соблазнитель», 1923), «Сичё тухатмаш» («Семь ворожей», 1923) Н. В. Васильева и др.

Былички активно бытуют в народе и по сей день. Это один из самых древних жанров устного народного творчества, самый живучий и интересный, в то же время малоисследованный.

Материалы и методы исследования

Работа выполнена в ходе составления тома быличек из серии свода чувашского фольклора в секции фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее ЧГИГН) «Чаваш халăх пултарулахё»¹. Материалом исследования послужили включенные в указанный сборник тексты, архивные и собственные полевые материалы. Былички зафиксированы в конце XIX – начале XXI вв. в чувашских селениях Казанской, Самарской, Симбирской, Уфимской губерний, в настоящее время входящих в состав Татарии, Башкирии, Чувашии, Ульяновской и Самарской областей. Также анализируются тексты, записанные в Тюменской области. Всего изучено 646 быличек. Переводы текстов с чувашского на русский язык выполнены автором статьи.

Методы исследования – дескриптивный, аналитический.

Предпринятые изыскания позволяют глубже представить картину мира чувашей, расширят понимание их традиционной культуры, мифологии, этнографии, языка, фольклора в целом.

Результаты исследования и их обсуждения о чувашских быличках и ее персонажах

Усал-тёсел халапёсем (былички) – это рассказы с установкой на достоверность о встрече человека со сверхъестественными силами. Важная составляющая чувашских быличек – тексты о нечистой силе (*усал-тёсел*), прорицателях, людях со сверхъестественными свойствами (*тёлёнмелле, халиччен пулман, пёлекен, пултаракан, хаватля; сән-сәпатне, кўлетине хай ирэкёне улаштарма пултаракан сынсем*), кладях и кладонскателях (*мул, пытарнă укса тата йна тупакансем*), мертвецах (*вилнисем*) и побывавших на том свете (*леш тёнчере пулса курнисем*), свидетельства о домашних духах (*кил-сурт таврашёнчи ыр-хаяр*), духах природы, обитающих в деревне и вокруг нее на неокультурных территориях; рассказы о топосах, обладающих таинственной магической силой (*ялти, ял таврашёнчи ыр-хаяр, арамла вырйансем*).

Чувашские былички привязаны к какому-либо персонажу, определенному месту в пространстве: в основном к пугающим местам, «местам, где неведомая

сила заставляет плутать, не дает найти дорогу, сбивает с пути» или местам, связанным с кладом. Привязка также возможна к особым дням или ночам, например: *калым каç, калым каç сёр* – ночь (пограничное время) перед весенним праздником чувашей, живущих по старой вере, совпадавшая с пасхой, когда колдуны проявляют свои трансчеловеческие способности: становятся оборотнями, т. е. превращаются в предметы обихода или в домашних животных. Время и место рассказывания быличек, «время для частных бесед» [Левкиевская, 2008, с. 343] – это темное время суток: зимой на посиделках, в доме, где собирались соседи, чтобы порукodelьничать и заодно рассказать друг другу сказки, случаи из своей жизни и жизни своих знакомых, куда непременно входили и *чын пулни* (были, былички) – то, что было на самом деле. В основном рассказывали взрослые, а дети и молодежь слушали. Летом в ночное дети сами рассказывали друг другу о произошедшем на самом деле: о встрече их самими или знакомыми с мифологическими персонажами, больше всего о лешем *арсури*, злых духах *усал*, черте *шуйттан*. В ночь *калым*, по-чувашски называемой *калым каç*, люди вспоминали разные случаи из своей жизни и жизни знакомых, односельчан, связанные именно со встречей с колдунами-оборотнями. В классическом традиционном бытовании былички рассказывались друг другу в своем кругу, причем слушатели тоже по очереди рассказывали примеры из собственной жизни или же из жизни знакомых им людей. При этом каждый из них был включен в традицию: знал чувашскую мифологию, персонажей, их признаки, место и время обитания. Классическим примером передачи быличек служит рассказ М. Трубиной «Вупар» (1927)², где рассказчик повествует читателю случай из своей жизни, пережитый в детстве страх от увиденного: он видел, как *вупар* якобы ест луну. Здесь же приводятся рассказы соседа героя-рассказчика, старого человека, бывшего бурлака, а также своего родителя о произошедшем ранее таком же случае.

Таких примеров быличек из жизни чувашей, записанных циклично, по ходу рассказывания, сохранилось немного. В книге чувашского просветителя И. Я. Яковлева «Моя жизнь: воспоминания» есть рассказ о том, что по ночам «любил слушать страшные сказки, которые Иван придумывал сам...»³. Но самих текстов страшных сказок он не приводит. Вероятно, это были былички – в них всегда присутствует элемент страшного.

В сочинениях студентов Аксубаевского чувашского педагогического техникума также находим сведения о ночном. Ими последовательно описываются приезд на ночное, игры, сбор хвороста для костра, приготовление еды в золе, сказки и рассказывание о страшном: *Унтан пёр Вася ятля усал ача пире шуйттансем синчен каласа хьратма пусларё. Энё ёненместён. Ылтисем ёненмелитех ёненчёс. Энёр, теçсё, кёсёр учуьк*

2 Трубина М. Вупар // Сунтал. 1927. №6. 8 с.

3 Яковлев И. Я. Моя жизнь : воспоминания / вступительная статья Л. П. Куракова, археография, предисловие Г. Н. Плечова ; примечания, именной указатель Н. Г. Краснова. Москва : Республика, 1997. 696 с.

1 Материалы представлены в виде рукописи в научном архиве ЧГИГН в отделе временного хранения (инвентарный номер – 3350, год поступления – 2018).

варёнче, кунта пире шуйттансем хӳратаҫҫӗ теҫҫӗ⁴ (Потом мальчик Вася начал пугать нас рассказами о чертах. Я не верю. Остальные поверили. Говорят, мы сей ночью в ложбине учӳк, нас здесь черти будут пугать). Что именно рассказывал мальчик про чертей – не зафиксировано.

Былички, хранящиеся в рукописных фондах научного архива ЧГИГН, в основном записаны собирателями при ответе на вопросы анкеты. Их фиксировали по отдельности как самостоятельный текст по персонажам, не по цепочке, как они рассказывались «во время частных бесед». Но есть и единичные примеры, когда запись текстов выстроена в цепь.

В большинстве текстов персонаж называется напрямую. Он номинирован для читателя, не вовлеченного в эту традицию, так как рассказы фольклористами записывались для чужих – для тех, кого не знают. Такого рода тексты уже находятся вне традиции: они записаны на бумажный носитель не для слушателей, которые могли бы рассказать в ответ свои былички, как было в традиционном бытовании, т. е. могли продолжить цепь рассказов о встрече с мифологическим персонажем.

В традиционном же бытовании – во время рассказывания страшной истории, имевшей место в жизни, – персонаж былички не номинирован, он загадан. Слушатели сами должны узнать, о каком персонаже идет речь, так как и рассказчик, и слушатели все являлись носителями одной традиции. Подобные тексты, в которых персонаж не номинирован, тоже имеются в научном архиве ЧГИГН: *Эпӗ ҫав сумаха ёненмен, пӑре ҫаһах илтӑрм: Куҫма Матвей пӑртекуҫнче ача макрать*⁵ (Я не верил этим байкам, однажды на самом деле услышал: ребенок плачет в сенях Кузьмина Матвея). Ответ загадываемого текста – *усал* (нечистая сила); *Тата Тетӗш уесӗнче Аслӑ Кушӑкра пӑрре пуху пулӑ тет те; пуху патне пыӗ тет икӗ лашапа трантаспа пӑр ҫын. Пӑр ҫынна каларӗ тет ятран: «Кил-ха, лар-ха трантас ҫине хам ҫумма», – тесе каларӗ тет. Вара леш ҫын пырса ларчӗ тет те чуптарса кайрӗҫ тет. Ку ҫын аҫта илсе кайнине пӗлмерӗ тет, ӑнран кайрӗ тет; вара лашапа пыни каларӗ тет ку ҫынна: «Хуп куҫна», – тесе каларӗ тет. Ларса пыракан ҫын каларӗ тет: «Ах, Турӑ», – тесе. Хай ҫын ҫыран хӗрринче урине усса лара паратӑп тесе каларӗ тет пухӑва пырса. Вара пухури ҫынсем тӗлӗнсе кайрӗҫ тет*⁶ (Еще в Тетюшском уезде в Аслӑ Кушӑк однажды было сборище, и к сборищу подъехал некий человек на тарантасе, запряженном двумя лошадьми. Он окликнул другого человека по имени: «Подойди, пожалуйста, садись на

4 Текст записан студентом Аксубаевского чувашского педагогического техникума В. Котковым в 1936 г. в д. Сиктерме (совр. Хузангаево, чув. Сиктӑрме) Аликеевского района Татарской АССР. Материалы лингвистической экспедиции в Татарию в 1936 г. Научный архив ЧГИГН (далее – НА ЧГИГН). Отд. 1. Ед. хр. 122. 541 с.

5 Записан в 1902 г. В. С. Ченчуковым в с. Тенеево (чув. Тени) Аликовской волости Ядринского уезда Казанской губернии, в настоящее время Аликский муниципальный округ Чувашской Республики. НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 237. 164 с. Здесь и далее диалектные особенности текстов сохранены.

6 Записан в 1905 г. В. Т. Салминовым в с. Большая Таяба (чув. Аслӑ Таяпа) Тетюшского уезда Казанской губернии, в настоящее время Яльчикский муниципальный округ Чувашской Республики. НА ЧГИГН. Отд. 1. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 159. 240 с.

тарантас рядом со мной». Когда этот человек подошел, сел, ускакали. Этот человек не знал, куда его везут, был ошеломлен. Тогда приехавший на лошадях сказал этому человеку: «Закрой глаза». Человек произнес: «Ах, Господи!». После произнесения этих слов все это (две лошади, тарантас, человек) исчезло с глаз рассказчика. Вернувшись обратно на сход, этот человек рассказал: сию, мол, на берегу, свесив ноги. Тогда собравшиеся удивились). Ответ загадываемого текста – *усал* (оборотень, нечистая сила).

В тексте есть и страх, и эмоции, которые являются обязательными в быличке. В традиционном случае загадывания былички рассказчиком равносильно тому, что человек загадывает загадку, только вместо традиционной загадки в современном понимании загадывается быличка без номинирования персонажа, но с указанием локуса, функций, внешнего вида и действий. По этим данным слушатели должны отгадать мифологического персонажа. В этом случае загадываемые тексты рассказывались для отгадывания в дидактических, поучительных целях. Рассказчик не просто передавал опыт собственного познания мира загадочных, неведомых сил – мифологических персонажей, но и делился знаниями. Подобные тексты древнее загадок.

Чувашская быличка информирует слушателей, а в современных условиях и читателей, о мифологических персонажах, их действиях и функциях, времени их активации, осторожных действиях, которые нужно знать человеку, который ощутил действие мифологического персонажа, репрезентирует мифологическую информацию, инструктирует, как избежать возможных негативных последствий.

В корпусе чувашских быличек имеются объемные тексты, которые рассказывают о событии, произошедшем в течение нескольких часов, например, о возвращении мертвеца на проведение в честь него похоронно-поминального обряда *юпа*. Мертвец участвует в нем, затем за ним приходят неизвестные из иного мира и силой уводят – он не хочет уходить. И все это будто видел один чуваш, возвращающийся на санях из селения Лысково⁷ Нижегородской области. По дороге догнал его умерший человек и попросился сесть в сани. Данный рассказ представляет собой уникальный текст, в котором говорится о том, как живой человек долго общается с мертвым, который шел на свой *юпа* – пир, устроенный по случаю его перехода в другой мир. Обычно, в представлении чувашей, умерший человек до проведения *юпа* еще не полностью ушел в мир иной, и с ним допустимо краткое общение в вопросно-ответной форме. Иногда ответ с его стороны может и не последовать.

Еще имеются примеры народных повествований о том, как *вупкӑн / инкек* (бедность) преследует человека: временной охват этих рассказов составляет несколько лет⁸.

В цикле чувашских быличек о том, что происходит на посиделках *улах ларни* кульминационным моментом является распознавание нечистой силы малолетни-

7 Лысково (чув. Лискав) – селение в Нижегородской области, город с 1922 г. Текст записан в 1912 г.

8 «Вупкӑн», «Пӑр ҫаваш почта ямшӑкӗнче сӳренӗ...». НА ЧГИГН. Отд. 3. Ед. хр. 213. Л. 36 (об.)–37.

ми девочками. Когда на посиделки приходит нечистая сила в виде парней, девушки их не распознают. Они принимают их за настоящих молодых людей. Но среди девушек оказывается сестренка одной из них, которая видит, что это не парни, а нечистая сила: у них во рту огонь, вместо ног лапы или копыта, имеется хвост. В текстах не указывается, сколько было лет сестре, но она намного младше этих девушек. В рассказах повествуется, что она одна не выходит вечером на улицу, ее сопровождает старшая сестра. Судя по содержанию текста, сестренкой «считается дитя до семи лет, безгрешное и неподвластное козням нечистой силы» [Бернштам, 1988]. Поэтому она, в отличие от взрослых людей, обладает даром узнавания чертей и тем самым спасает свою старшую сестру.

Встречаются былички и бывальщины, в которых мифологический персонаж не номинирован: существует табу на произнесение слов, называющих нечистую силу. Так же бывает в том случае, если нет названия мифологическому персонажу. Ими, например, в русской фольклористике являются проклятые, подмененные или похищенные. В чувашских быличках в данной роли выступает девушка, которую прокляли или бросили в младенчестве родители, которая при благоприятном стечении обстоятельств вызволяется из состояния проклятья парнем либо солдатом, женившимся на ней. Свадьбе предшествует крещение. На нее тайком накидывается нательный крест, и после этого она начинает жить полноценной человеческой жизнью. Уничтожается и «обмен» – уродливый двойник похищенной девицы⁹. Иногда, при преднамеренном ударе оземь, об пол, он превращается в полено.

Изучая былички русских Чувашского края, в частности, о русалках, М. Ю. Черноярова тоже замечает номинированность персонажа респондентами: «Дух не всегда номинирован, но его принадлежность определяется пространственными координатами» [Черноярова, 2014, с. 334], через которые слушатель должен отгадать о ком из мифологических персонажей идет речь.

Некоторые чувашские былички, например, об *у́п-те (екёте)* обезьяне – «ипостасях *арсури* лешего» [Ендеров, 1984, с. 49–73], со временем отошли от своего жанра: в народе они стали рассказываться как сказки, оставляя на задний план имена конкретных людей, свидетельствующих о достоверности. Аналогичный процесс происходит и с мордовской быличкой, «основанной на вере в духов-покровителей стихий природы и домашнего хозяйства. Их все сложнее становится найти и зафиксировать, и они все более трансформируются в сторону сказки, что свидетельствует о необратимых процессах вымывания из народного сознания веры в реальное существование духов природы и домашнего хозяйства¹⁰.

9 Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом); составление, подготовка текстов, вступительная статья и комментарии М. Н. Власовой. Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2013. 847 с.

10 Девяткин С. Г. Быличка // Мордовская мифология: энциклопедия: в 2 томах / научные редакторы В. А. Юрченков, И. В. Зубов; Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2013. Том 1. 125 с.

Рассказы разных народов о мифических существах отличаются деталями, локальными особенностями, ассортиментом образов, конкретным набором сюжетов, но не жанровыми свойствами. Описание обстановки, пейзажа, упоминание бытовых предметов придают таким рассказам национальный колорит, в то же время они даже в большей степени, чем сказки, интернациональны по своему характеру [Тростина, 2014, с. 38–42]. По наблюдениям Э. В. Померанцевой, «южно-славянские рассказы, русские былички и бывальщины, эстонские предания, мордовские сказки о хозяине или хозяйке леса отличаются друг от друга обрисовкой и характером основного персонажа и вместе с тем глубоко родственны друг другу в силу типологической общности самого жанра – мифологического рассказа, суеверного мемората или фабулата» [Померанцева, 1975, с. 26]. Вместе с тем «близость друг к другу, даже общность демонических образов, живущих в представлении разных народов, не лишает их национального своеобразия: каждый из этих образов имеет свои особые черты, рассказы о нем отражают жизнь и быт того или другого народа» [Померанцева, 1975, с. 32].

Чувашские былички имеют территориальные особенности. Например, былички верховых чувашей отражают ситуацию вкратце. Есть примеры, когда некоторая часть текста просто подразумевается: ее надо знать, она читается между строк, например: *Ё́лк-авал осал туса порнса Торхантай Торрипе Екремре пёр сын сортана. Вёл сортана осал туват, сын вилет. (Торхантай Торри – киремет.)¹¹* (Давным-давно жил некий человек, творивший зло со свечой в киреметях Торхантай Торри и Екрем. Он свечой делает зло, чтобы произошло худое, плохое, люди умирают). В тексте былички не говорится о том, что люди умирали от колдовства, наведения порчи, просто отмечается: он с помощью свечи делает зло, человек умирает. В первой части описывается действие, во второй части приводится следствие.

Такую же подачу материала наблюдаем в следующем примере: *Стан ялёнчи Эхвер Петёрне усалсем лаша туса таканласа кўлсех кайрёс тет. Вёл ну́р-най чух калатчё тет: «Эпё вилсен мана хуть те таканласа сўретчёр», – тесе. Ана таканлама усалсем тимёрсе кашни уришён пилёкшер тенкё пань, тават уришён сирём тенкё пань тет¹²* (Сказывают, что в деревне Стан черти Петра Эхвера обернули в лошадь, подковали, запрягли и уехали. Он еще при жизни говорил: «Когда я умру, пусть меня даже подкуют и будут ездить». Чтобы Петра подковать, черти кузнецу за каждое копыто дали по пять рублей, за четыре копыта двадцать рублей). Человеку, включенному в традицию рассказчика, мысль рассказа понятна. Для остальных она малоинформативна. По чувашским верованиям, людей, не захотевших жить до естественной смерти, на

11 Записан в д. Нижние Олгаши / Березовые Олгаши (чув. Лап Олкаш) Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, в настоящее время Моргаушский муниципальный округ Чувашской Республики. Когда, кем записано, неизвестно [Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1937. Т. 14. 174 с.].

12 Записан в 1911 г. в д. Оточево (чув. Очакасси) Ядринского уезда Казанской губернии, ныне Моргаушский муниципальный округ. Кем записано, неизвестно. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 179. С. 79.

том свете превращают в лошадей, которых черти подковывают у кузнеца за большие деньги: отдают много больше установленной цены. Черти приходят подковать превращенную из человека лошадь чаще всего ночью. Петра Эхвера после смерти черти превратили в лошадь, подковали его, затем запрягли и уехали на нем. В тексте говорится, что Петр еще при жизни будто говорил: после смерти на нем, подкованном, можно будет ездить. Так оно и вышло. Как говорят чуваша, *çаварна калани куç умне килет*, т. е. сказанное устами явится перед глазами [Федотова, 2019, с. 267–268].

Рассмотрим текст о людях со сверхъестественными способностями, например, о превращении человека в корыто: *Вопър карчаксам калъм каç сьрмара валашка полса выртакччэ тет. Сынсам кайнъ та – портъпа каснъ, кайшкарать тет вара çав каска*¹³ (Говорят, старухи-вопъры в ночь на калым на реке превратились в корыто и лежали на берегу. Люди пошли и порубили корыто топорами, кричит, говорят, корыто). Односельчане знают, кто, когда и чем занимается. Знают они и оборотней своей деревни и места их превращений, предмет, в который они могут обернуться. Некоторые из них превращались в корыто. Когда люди сознательно рубят его, оно кричит от боли. Односельчанам не нравится, что в их деревне есть оборотень, люди всячески стараются устранить его. Деятельность колдунов и оборотней, которые чаще всего приносили вред окружающим, внушали страх.

У низовых и средненизовых чувашей быличка рассказывается чаще всего более пространно, с подробностями, описаниями деталей с фотографической точностью. Но так происходит не всегда. Все зависит от ситуации, времени суток, возраста рассказчика, степени включенности собирателя в традицию, его заинтересованности в подробностях, бережного отношения к каждому произнесенному слову рассказчика, к деталям повествования.

Содержательной особенностью также является концовка быличек, где может приводиться поучение: что нужно сделать, чтобы не было худо, чтобы не встретить и не стать жертвой нечистой силы [Федотова, 2021, с. 159–160]. Это своеобразные моменты поучений для оберега, акцентирования внимания основным деталям по завершению трудового дня: *Туррân ятне хуть аста пырсан та асânса суре тенё авалхи таса сынсем*¹⁴ (Древние святые люди говорили, что всегда повсюду надо поминать имя Всеvyšнего); *Хёрт-сорта ним те калаç çок тит, атту въл çопать тит. Кâнчала арласа пёттерсен хёрт-сорт арласран сыхса хомалла тит*¹⁵ (Говорят, хёрт-сурт ничего не нужно говорить, а то она даст пощечину. После прядения, чтобы хёрт-сурт не прядла, надо завязать прялку).

В чувашском корпусе текстов есть былички, где отражается синкретизм дохристианской и христианской религий. Это касается обережной части рассказа, в кол-
13 Записан в 1984 г. З. Александровой в д. Шомиково (чув. Шомик) Моргаушского района. НА ЧГИГН. Книга поступлений 12. Инв. № 6274. Тетрадь № 40.
14 Записан в 1906 г. Н. И. Шивыровым в д. Тенеево (чув. Теней/Ёсеклус) Федоровской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Рукопись названа «Халапсем. Пулнъ ёссем». НА ЧГИГН. Рукописный фонд Н. В. Никольского. Отд. 1. Ед. хр. 160. С. 106–113.
15 Записан в 1939 г. у Перасковьи Жертановой М. М. Федоровым в д. Хирлукасси (чув. Хирлукъасси) Красночетайского района Чувашской АССР. Научный ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 77. Л. 81–81 (об.).

торых, например, могут сочетаться обереги дохристианского быта в виде смены обуви с правой ноги на левую и наоборот, использования *пилеш турачэ* (рябинового прута) или прута с шипами *йёплэ турат* (шиповника) с оберегом христианской культуры в виде чтения православной молитвы и обращения к *сâх сâхни* (крестному знамени) либо тайному накидыванию нательного креста. Последнее описано в быличках о *вутъши*.

Чувашская *вутъши* (аналог русской русалки) при очищении крестом или накидывании на нее креста способна жить в реальном мире, как человек. Этому есть конкретный пример, записанный учителем И. Ивановым в 1881 г. из жизни реальных людей Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Буинского и Тетюшского муниципальных округов Республики Татарстан)¹⁶.

Об аналогичном тексте есть публикация Н. Каменского в «Известиях по Казанской епархии»: «Чуваши *вутъши* представляют в образе молодой, красивой девицы, у которой волосы всегда бывают длинные. Чуваши рассказывают о русалках, будто они по временам выходят на берег и расчесывают свои волосы. Когда русалка заметит, что к ней подходит какой-нибудь человек, тотчас же она ныряет в воду. Есть еще предание, будто один человек Чистопольского уезда Новоадамской волости деревни Старосавруши, заметивши на берегу русалку, расчесывавшую свои волосы, подошел к ней, но русалка быстро нырнула в воду и оставила на берегу расческу или гребень. Тот человек увидел расческу и взял ее. Вспомнив про забытую расческу, русалка вышла из воды и стала просить ее, тот сказал ей: «Если ты выйдешь за меня замуж, то я возвращу тебе твою расческу». Русалка согласилась на это предложение и вышла за него замуж. Они жили вместе долго и оставили детей, которые до сего времени называются потомками русалки. Чуваши говорят, что эта история действительная»¹⁷.

Описание традиционной чувашской одежды и национальных женских украшений в быличках

В чувашских быличках встречается описание традиционной национальной одежды и украшений: «У нас в лесу есть овраг, называемый «виле варё» (овраг мертвеца). В этот овраг один чувашин бросил свою зарезанную жену. Эта женщина часто является прохожим в различных видах и старается сбивать проезжих с пути всевозможными средствами. Один чувашин рассказывал, как очевидец, что он раз пошел в этот лес лыко рубить. Заходя в «виле варё», увидел у большого дуба женщину в белом одеянии и в свадебном наряде – с «шўлкеме»¹⁸, «хушпу»¹⁹, «аму»²⁰. Женщина стояла лицом к дереву, а сзади видно было «шўлкеме». Мужик, намереваясь сорвать с нея «шўлкеме», схватил

16 Записан в 1881 г. И. И. Ивановым в округе Девятиселья (чув. Тâхър ял) в Буинском уезде Симбирской губернии (ныне эти селения входят в Буинский и Тетюшский муниципальные округа Республики Татарстан). Ранее рукопись приписывалась М. П. Петрову. НА ЧГИГН. Отд. 1. Рукописный фонд Н. И. Ашмарина. Ед. хр. 31. Чавашсем. С. 45–48.

17 Каменский Н. Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш // Известия по Казанской епархии. Казань. 1878. № 24. С. 673–683.

18 *Шўлкеме* – нагрудное женское украшение из мелких бус и монет.

19 *Хушпу* – женский головной убор, украшенный монетами и бусами.

20 *Ама* – женское нагрудное украшение из монет.

было за край его, – но неожиданным и сильным взмахом руки женщина отбросила его назад. Мужик упал и в бесчувственном состоянии долго лежал, а потом, придя в себя, он встал, но женщина тогда пропала; и он скорее отправился домой»²¹.

В другом тексте также описывается чувашский наряд девушки: *Каç та пулса килет. Шыв хёррине пынă чух хайхи Шёкёр чăвашё пёр хитре хёре курах каять. Хёрё чăвашла тумланнă: тухъяллă, тенкёллэ илемлэ хёр. Унăн аллинче витре пулнă. Шёкёр чăвашё а́на тёлёнсе кайсах пăхса тăрать... <...> «Турă çырлах! Ах, Турă! Мёнле капла пуян эсир?!» – тесе калама сех ёлкёрнё Шёкёр чăвашё. Вăл Турă ятне асăнсан хай илемлэ хёр те, вёсен чаплă сурчэ те сасартăк куçран сухалнă. Сётсе кайнă чăваш каллах пёр-пёччен кăна тарăн çырма хутламёнче тăра панă»²² (Настает ночь. Когда шел по берегу реки, чуваш из Казаково неожиданно увидел красивую девушку. Девушка была одета в чувашскую одежду: красивая девушка в тухье с украшениями-монетами. В ее руке было ведро. Чуваш из Казаково стоит, с удивлением на нее смотрит... <...> «Боже, помилуй! О, Боже! Как вы так богаты?!» – только и успел сказать чуваш из Казаково. Как он помянул Бога, и та красивая девушка, и их красивый богатый дом вдруг исчезли с глаз. Заблудившийся чуваш опять остался один-одинешенек, стоял в изгибе глубокого оврага). Здесь образ девушки в национальной одежде – *чăвашла тумланнă* (одета по-чувашски). Девушка в девичьем головном уборе *тухья*. Также на ней девичье украшение из монет – *тенкё*.*

Персонажи быличек ходят не только в чувашской одежде, но иногда совершают действия, выдержанные в национальных традициях, например, пляшут и поют, обернувшись в образ женщины-участницы свадьбы: *Ситинкке варёнче туй арăмё пулса ташиласа юрлатчэ»²³ (В Яре Сибинке плясала и пела в образе женщины-участницы свадьбы).*

Древние традиции и редкие словесные выражения в быличках

Былички сохраняют в себе и древние традиции. Даже в текстах, зафиксированных в 1980 г., встречаются редкие оригинальные детали, к которым следовало бы относиться более бережно. Некоторые архаичные выражения, ныне бытующие только в текстах быличек, отражают в себе важные моменты. В частности, такого рода выражения представляют ценную информацию для реконструкции древнего свадебного обряда. Например: «*Вăкър варё тăрăх туй хушпуна пынă пулнă* (выделено нами. – Е. Ф.). *Çав туй халăхэ пётёмпех виленё. Те сёр сятнă вёсене. Çав тёлелле ёлкё шулăх пулнă тет. Сёр семсе пулнă, халь унта типнё. Вăт саванта сёр сятнă вёсене. Ку тирён аннесем сураличченех пулнă тет. Пёрисем сак Вăкър варё тăрăх*

21 Записан в 1910 г. в д. Собаккасы (чув. Сопаккасси) Янгильдинской волости Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, в настоящее время Чебоксарский муниципальный округ Чувашской Республики. Текст на русском языке. Орфография составителя рукописи 1910 г. сохранена. НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 177. С. 513–520.

22 Рукопись С. В. Эльгера. Папка с записями-воспоминаниями. Фольклорные материалы. НА ЧГИГН. Отд. 5. Ед. хр. 204. 12–33. С. 18–20.

23 Записан в 1902 г. в с. Тенеево Аликовской волости Ядринского уезда Казанской губернии. НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 237. 164 с.

иртсе пыраççё тет. Хайхи вăрман енчен туй кёрлесе килет тет: ташиласа, юрласа. Кусем хăраса ўкеççё тет. Туй сывхарса килет тет, анчах никам та кураймасть. Кусен купăс пулнă тет. Хайхи купăсне каласа яраççё. Çав вăхăтрах туй сасси пётет. Кусем вара хăвăтрах ка[я] ççё унтан. (По Бычьей ложбине шел свадебный поезд в хушпу. Участники этой свадьбы все погибли. То ли земля их проглотила. Примерно в тех местах в старину болотистое место было. Земля была мягкой, сейчас там высохло. Вот там земля их проглотила. Это было еще до рождения наших матерей. Однажды шли по этой Бычьей ложбине некие люди. Откуда ни возьмись со стороны леса свадьба идет (приближается к ним) с шумом: распевая, танцую. Испугались люди. Свадьба приближается, но никого не видно. У этих гармонь была. Вот они и заиграли на ней. В тот самый момент звуки свадебных песен и плясок исчезли. Эти быстрее ушли отсюда)»²⁴.

Для людей, не вовлеченных в древнюю чувашскую свадебную традицию, возникает вопрос: как может идти свадебный поезд в хушпу? На этот вопрос частично можно ответить на основе изучения семантического поля слова *хушпу*, а также, возможно, записей рукописных фондов научного архива ЧГИГН, описывающих старинный свадебный обряд. Как нам представляется, свадебный поезд в хушпу – это свадебный поезд, участники которого едут в поезде в хушпу – *туй арăмёсем* – замужние женщины-чувашки в национальном головном уборе хушпу. Возможно, с ними были и мужчины. Звон серебряных монет богато украшенных хушпу раздавался вокруг мелодичным звоном. Судя по контексту, здесь хушпу охватывает, одним словом, всех участников свадьбы – и мужчин, и женщин. Но вопрос остается открытым для более подробных исследований в перспективе с привлечением дополнительного материала.

В некоторых текстах иногда можно наблюдать людей-носителей чувашской традиции, как будто испытывающих дружественное отношение к так или иначе мирным мифологическим персонажам. Известен текст, в котором женщина назвала *арсури* кумой, чтобы вернуть обратно ребенка, забытого семьей в поле на краю леса: *арсури* нянчился с ним. В следующем тексте, например, встречается редкое выражение, адресованное самому персонажу: *Çўлте, ял вёçёнче авăн санинă. Сёрле, тул сўтăлас умён пёри киле кайма тухнă. Лашине кулнэ те пырать. Çав вăхăтра сул синче урапа сине пёри, тăлăп тăхăннăскер, лăп сес у[лă]хса ларчэ тет. Мёнле ларчэ, саван пек лаши те тăп сес чаранса тăчэ тет. «Ох, хоспоти помилуй, ку кашкър кёстенки мён тума ухса ларчэ кунта?» – тесе калать тет. Мёнле хоспоти помилуй тесе каларё, саван пек сынни те сухалчэ тет, лаши те тапранса кайрё тет»²⁵ (На холме, в конце деревни, молотили хлеб. Ночью перед рассветом некий*

24 Записан в с. Климово (чув. Кёлёмкасси) Ибресинского муниципального округа Чувашской Республики, относящейся к этнографической группе анатри.

25 Записан в 1984 г. в с. Климово Ибресинского района Чувашской АССР у Ф. А. Орловой 1911 года рождения. Научная библиотека Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Отдел редких книг и рукописей. Фольклорные материалы, записанные студентами Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова в разные годы. 1984. Тетрадь (номер не указан). С. 72. Публикуется впервые

человек собрался ехать домой. Лошадь запряг и поехал. Едет. В это время на дороге один, одетый в тулуп, резко сел к нему на телегу. Как сел, так и лошадь встала. «Ох, Господи, помилуй, этот волчий свербель зачем еще сел сюда в мою телегу?», – сказал он. Как произнес молитву, так и исчез тот человек, и лошадь пошла). В этом тексте хозяин лошади вопрошает в жесткой форме у персонажа неясной номинации, почему это он сел на его телегу, произносит осторожное выражение, и тот покидает его телегу. Из подобных текстов видно, что представители этого и параллельного мира иногда уживались между собой, не причиняя друг другу особого вреда. В данной записи также сохранилось редкое выражение *кашкър кѣстенки* (волчий свербель), употребляющееся во время возмущения. Оно не зафиксировано ни в словаре чувашского языка Н. И. Ашмарина, ни в чувашско-русском словаре под редакцией М. И. Скворцова.

Ономастика быличек

В чувашских быличках встречаются следующие ойконимы: *Тетѣш* (Тетюши), *Шунашкар* (Чебоксары), *Чикме* (Козьмодемьянск), *Лыскав / Лискав* (Лысково), *Слакпуш* (Слакбаши), *Аслă Күшăк* (Большие Кошки), *Шĕкĕр* (Казаково), *Сăнар* (Санары), *Шăнкас* (Клычево), *Коракăшири шĕшкĕ* (Орешник в Корагыши), *Туша вăрманĕ* (Тойсинский лес), *Ситинкке варĕ* (Яр Сибинке), *Тарăн вар* (Глубокий яр), *Мăрсаккай сьрми* (Речка Мързаккай) и др. Топонимы также являются своими национальными, чувашскими, которые больше нигде не встречаются, а только там, где живут герои свидетельских рассказов. Данная черта – еще одна важная особенность чувашских быличек. Представленные ойконимы, как и указания на конкретные антропонимы, придают быличкам убедительность: есть некий факт, который не поддается логическому объяснению.

Любопытная деталь обнаруживается в группе названий персонажей, о которых былички не зафиксированы, скорее они утеряны. При этом номинации этих

персонажей встречаются в текстах, относящихся к другим жанрам. Например, в текстах заговоров упоминается персонаж *авăн ийи* (ийе овина, ови́нник). О том, какие бывают ийе, можно найти сведения в архивных записях²⁶. Другой пример представляет такой персонаж, как *суккър пери* (слепой пери), зафиксированный только в одном тексте. Между тем в народе о нем говорят и по сей день.

Выводы

Былички открывают аутентичный мир носителей чувашской традиционной культуры. Действия персонажей углубляют знания об их функциях. Тексты быличек поражают свидетельствами об иномирном, полностью еще неизвестном. Вместе с тем былички сохраняют в себе редкие этнографические свидетельства, которые в настоящее время в живом бытовании уже не наблюдаются.

В быличках можно найти ранее не зафиксированные, уже не употребляемые языковые выражения. Изучаемые тексты несут в себе новый этнографический и мифологический материал, достойный лексикографирования.

Чувашские былички транслируют традиционную культуру: персонажи говорят и действуют, соблюдают этикет согласно чувашским традициям, носят национальный костюм и украшения, исполняют народные свадебные песни и пляски. Исследование открывает новое в описании портретов, действий, речи чувашских мифологических персонажей быличек и тем самым обогащает знания в области традиционной культуры, фольклора, языка и этнографии.

26 ...*Çапла вара тĕрлĕ вьрăнти иесем: пÿрт ийи, карта ийи, мунча ийи, уй ийи, вăрман ийи, арман ийи, сул ийи, сьрма ийи, шыв ийи – пулса тăнă. Иесем – вĕсем сывлăшсем, куша курăнмасĕ. Этем кушне курăнас пулсан, вĕсем е этем сăнне е урăх чĕрчун сăнне илесĕ.* НА ЧГИГН. Отд. 3. Ед. хр. 213. Л. 37.

Список литературы

- Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Ленинград : Наука, 1988. 279 с. EDN [YXBUSL](#)
- Ендеров В. А. Образ лешего (арсури) в чувашском фольклоре // Исследования по чувашскому фольклору. Чебоксары, 1984. С. 49–73.
- Левкиевская Е. Е. Быличка как речевой жанр // Фольклористика и культурная антропология сегодня: сборник статей в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. Москва, 2008. С. 341–363. EDN [RDOGMR](#)
- Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / АН СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва : Наука, 1975. 191 с.
- Тростина М. А. Образная система современных мифологических рассказов русских и мордвы (на фольклорном материале, собранном в Республике Мордовия) // Финно-угорский мир. 2014. №4. С. 38–42. EDN [TKBEBT](#)
- Федотова Е. В. Мифологический рассказ о кладах как художественная основа произведения Игнатия Иванова «Не зарься на готовое, припаси сам» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. №3. С. 182–188. EDN [IIZRNL](#). DOI [10.26293/chgpu.2019.103.3.024](#)
- Федотова Е. В. Мифологические рассказы чувашей юга Тюменской области (по материалам экспедиции 2006 г.) // II Сибирский форум фольклористов: к 90-летию со дня рождения А. Б. Соктоева, основателя серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск : Алеспресс, 2021. С. 159–160. EDN [DHWOXE](#)
- Федотова Е. В. Чувашские былички о превращениях заложных покойников в лошадей // IV Всероссийский конгресс фольклористов. Москва : ГРДНТ имени В. Д. Поленова, 2019. Том 2. С. 267–273. DOI [10.24411/9999-022A-2019-10235](#)
- Черноярова М. Ю. Русалки как традиционный персонаж русских мифологических рассказов Чувашского края // Ашмаринские чтения. Чебоксары : Издательство Чувашского университета, 2014. С. 333–336. EDN [UMRZOB](#)

References

- Bernshtam T. A. (1988). *Molodezh' v obryadovoj zhizni russkoj obshchiny XIX – nachala XX v.: polovozrastnoj aspekt tradicionnoj kul'tury*. Nauka. EDN: YXBUSL
- Enderov V. A. (1984). Obraz leshego (arçuri) v chuvashskom fol'klоре. *Issledovaniya po chuvashskomu fol'klору*, 49–73.
- Levkievskaya E. E. (2008). Bylichka kak rechevoj zhanr. *Fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya*, 341–363. EDN: RDOGMR
- Pomeranceva E. V. (1975). *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре*. Nauka.
- Trostina M. A. (2014). System of images of modern mythological stories of Russians and Mordovians (based on folklore material collected in the republic of Mordovia). *Finno-Ugric World*, 4, 38–42. EDN: TKBEBT
- Fedotova E. V. (2019). Mythological story on treasures as artistic basis of the works of Ignatij Ivanov “No need to covet the ready, save yourself”. *I. Yakovlev Chuvash state pedagogical university bulletin*, 3, 182–188. EDN: IIZRNL. <https://doi.org/10.26293/chgpu.2019.103.3.024>
- Fedotova E. V. (2021). Mifologicheskie rasskazy chuvashkej yuga Tyumenskoj oblasti (po materialam ekspedicii 2006 g.). *II Sibirskij forum fol'kloristov*, 159–160. EDN: DHWOXE
- Fedotova E. V. (2019). Chuvashskie bylichki o prevrashcheniyah zalozhnyh pokojnikov v loshadej. *IV Vserossijskij kongress fol'kloristov*, 2, 267–273. <https://doi.org/10.24411/9999-022A-2019-10235>
- Chernoyarova M. Yu. (2014). Rusalki kak traditsionnyy personazh russkikh mifologicheskikh rasskazov Chuvashskogo kraja. *Ashmarinskie chteniya*, 333–336. EDN: UMRZOB

Информация об авторе

Федотова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, методист, Чувашский республиканский институт образования Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация.;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3479-7455>;
e-mail: elena.fedotova.73@inbox.ru

Information about the author

Elena V. Fedotova – Cand. Sci. (Philol.), Methodologist, Chuvash Republican Institute of Education of the Ministry of Education and Youth Policy of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3479-7455>;
e-mail: elena.fedotova.73@inbox.ru

Поступила в редакцию 26.04.2023
Принята к публикации 20.05.2023
Опубликована 23.05.2023

Received 26 April 2023
Accepted 20 May 2023
Published 23 May 2023

Общие экстралингвистические факторы, усиливающие специфику чебоксарского региолекта русского языка

<https://doi.org/10.31483/r-105837>
УДК 81.161.1'27 + 316.7:81'27(470.244-25) + 811.512.111:811.161.1'27

Фомин Э.В.

Чувашский государственный институт культуры и искусств
Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики,
г. Чебоксары, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

Резюме. Исследование посвящено изучению условий формирования и функционирования чебоксарского региолекта русского языка, отличающегося рядом устойчивых лингвистических параметров. Своеобразное звучание речи чебоксарцев сложилось под значительным субстратным влиянием чувашского языка, среди носителей которого в настоящее время наблюдаются активные процессы языкового сдвига в пользу русского. Работа написана в аспекте социолингвистики и опирается на многолетние наблюдения автора за самовосприятием чебоксарцев и их оцениванием приезжими. Цель разысканий – расширить понимание экстралингвистических факторов, не оказывающих непосредственного влияния на специфику речи чебоксарцев, но при этом усиливающих впечатление о ней у сторонних наблюдателей. В статье рассматриваются специфичные неязыковые черты, присущие столице Чувашской Республики, включая географические, климатические, антропологические, технологические и другие составляющие. Их наличие в значительной мере усиливает восприятие русской речи жителей г. Чебоксары и его агломерации как уникального явления современной русской речевой культуры. В свою очередь специфичные экстралингвистические условия чебоксарского региолекта представляют собой результат длительного исторического и социального процессов (массовой миграции населения в прошлом, смешения разных этнических групп и формирование современных народов), антропологического воздействия на ойкумену и т. п. применительно к территории Чувашии и близлежащих регионов.

Ключевые слова: русский язык, чувашский язык, языковые контакты, региональное варьирование русского языка.

Для цитирования: Фомин Э.В. Общие экстралингвистические факторы, усиливающие специфику чебоксарского региолекта русского языка // Этническая культура. 2023. Т. 5, № 2. С. 61-65. DOI 10.31483/r-105837. EDN JRBARG

General extralinguistic factors reinforcing specific ideas about the Cheboksary regiolect of the Russian language

Eduard V. Fomin

Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry
of Culture on Nationality and Archival Affairs of the Chuvash Republic,
Cheboksary, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to the study of the conditions for the formation and functioning of the Cheboksary regiolect of the Russian language, which is distinguished by a number of stable linguistic parameters. The peculiar sound of the speech of the Cheboksary people has developed under the significant substrate influence of the Chuvash language, among the speakers of which there are currently active processes of a linguistic shift in favor of Russian. The work is written in the aspect of sociolinguistics and is based on the author's long-term observations of the self-esteem of Cheboksary residents and their assessment by visitors. The purpose of the research is to expand the understanding of extralinguistic factors that do not directly affect the specifics of the speech of Cheboksary people, but at the same time enhance the impression of it from outside observers. The article deals with non-linguistic specific features inherent in the capital of the Chuvash Republic, including geographical, climatic, anthropological, technological and other components. Their presence greatly enhances the perception of the sound of the Russian speech of the inhabitants of Cheboksary and its agglomeration as a unique phenomenon of modern Russian culture. In turn, the specific conditions that support the Cheboksary regiolect are the result of a long historical and social process, including the mass migration of the population in the past, the mixing of different ethnic groups among themselves and the formation of modern peoples in their visually fixed physical features, anthropological impact on the ecumene, etc. in relation to the territory of Chuvashia and nearby regions.

Keywords: Russian language, Chuvash language, language contacts, regional variants of the Russian language.

For citation: Fomin E.V. (2023). General extralinguistic factors reinforcing specific ideas about the Cheboksary regiolect of the Russian language. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(2), 61-65. EDN: JRBARG. <https://doi.org/10.31483/r-105837>.

Введение

Чебоксарский региолект представляет собой вариант русского литературного языка с его рядом устойчивых специфичных признаков на всех уровнях языковой системы. Он активно формируется со второй половины XX в. по настоящее время и представляет

собой результат субстратного воздействия чувашского языка на русский.

Отметим, что в целом чебоксарский региолект уже достаточно полно описан [Анисимова, 2016; Гаврилова, 2021; Ерина, Фомин, 2021; Мышкин, 2013; Романова, 2019; Kashkarova, 2021]. Современные разработ-

ки в основном направлены на глубинное обоснование установленных языковых черт и фиксацию новых менее значимых маркеров, а также расширение представлений о региолекте через привлечение материала этнографической, географической, антропологической и других наук.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили многолетние наблюдения автора за лингвистической рефлексией жителей г. Чебоксары и его агломерации, а также отзывы иногородних экспертов, которыми выступают гости столицы Чувашской Республики, о неповторимых чертах города и его жителей.

Работа написана в аспекте социолингвистики и является продолжением предыдущего исследования [Ерина, Фомин, 2018]. Цель настоящих разысканий – расширить понимание экстралингвистических условий, не оказывающих непосредственного влияния на специфику речевого выражения горожан, но при этом усиливающих впечатление о ней у сторонних наблюдателей.

Автором в настоящей статье экстралингвистические условия разграничиваются на факторы первого активного порядка, непосредственно оказывающих влияние на качественные параметры речи, и второго уровня, фундаментального, не имеющего прямого речевого выражения, но участвующего в усилении специфического восприятия региона представителями других республик и областей.

Результаты исследования и их обсуждение

Чебоксарский региолект русского языка функционирует в условиях северной части Чувашии. Его базой является г. Чебоксары и прилегающая территория, составляющая агломерацию и заселенная этническими чувашами. Последние со второй половины XX в. переживают значительный языковой сдвиг в сторону русского [Алос-и-Фонт, 2012; Алос-и-Фонт, 2014; Алос-и-Фонт, 2015; Долгова, 2020]. Особенно этот процесс усилился с началом нового столетия.

Приоритетом в речевой практике жителей Чебоксар является их стремление говорить на образцовом литературном языке. При всем этом в их речи ощущается значительное чувашское влияние. Оно проявляется в нюансах, вполне допускаемых русским литературным языком, но многократная повторяемость тех или иных языковых единиц превращает их в маркеры чебоксарского региолекта. Как правило, ими становятся русские же единицы, обусловленные чувашскими языковыми архетипами.

В целом чебоксарскому региолекту характерны следующие основные черты: 1) на фонетическом ярусе – буквенное произношение гласных, иные акцентологические параметры в ключевых словах (*чувáши, Чувашíя*), монотонная интонация; 2) на лексическом ярусе – использование чувашизмов: *ака́туй* [ага́дуй] «праздник по завершению весеннего сева», *Шу́пашка́р* [шубашка́р] чувашское название г. Чебоксары, *хуплу́* [хуплу́] «пирог со свиной и картофелем», *ша́рт-тан* [шэ́рт:а́н] «домашняя колбаса круглой формы»,

ма́йра [ма́йра] «городская женщина», *хамя́р ял* [ха́мэ́р жа́л] «земляк», букв. своя деревня, *улица Э́льгера* (С. Эльгер – народный поэт Чувашии, псевдоним из чув. *Э́лкер* [э́л'г'э́р] «Плеяды»), *бра́т* «старший брат» под влиянием чувашского *пичче* тж., братишка «младший брат» под влиянием чувашского *шя́ллэм* тж.; 3) на грамматическом ярусе – замена притяжательных местоимений формами генитива с предлогом *у* (чеб. *у меня ша́пка* – лит. *моя ша́пка*), выражение нейтральной просьбы частицей *-ка* (чеб. *да́йте-ка* – лит. *да́йте, пожа́луйста*), оформление вопроса с помощью частицы *что ли*, неразличение слов *зачем* и *почему*, *нужно* и *надо*; использование частицы *да* в причинном значении (чеб. *маршру́тка бы́стро прие́хала да успе́ла при́йти* – лит. *успе́ла при́йти по́тому, что маршру́тное такси́ бы́стро при́шло*).

Идеальный носитель чебоксарского региолекта – житель столицы Чувашии и агломерации с первым русским языком. При этом его этническая принадлежность не имеет значения.

Нельзя ставить знак равенства между чебоксарским региолектом и русским языком чувашей, для которых титульный язык является первым, родным. Чебоксарский региолект представляет собой продвинутый этап овладения русским языком местным населением, заменившим собственно чувашский. Он очень близок русскому литературному, но отличается от него рядом устойчивых количественных и качественных особенностей, хотя максимально стремится избавиться от чувашизмов. В то же время русский язык чувашей в качестве второго обладает большим чувашским присутствием.

Важным механизмом речевого выражения являются экстралингвистические условия. Среди них выделяются конкретные исторические события (вхождение Чувашии в состав Московского государства, переход чувашей в православие, образование чувашской автономии), географические факторы (расположение республики в Среднем Поволжье в соседстве с другими народами – финно-уграми и тюрками, небольшая площадь республики), социодемографические основания (национальный состав Чебоксар, межнациональные браки, мобильность населения, урбанизация), контактологические причины (чувашско-русское языковое взаимовлияние, ассимилятивные процессы в чувашской среде) [Ерина, Фомин, 2021, с. 25–29].

Помимо частных экстралингвистических условий, перечисленных выше, необходимо выделить глубинные, фундаментальные факторы: метагеографические, климатические, антропологические, этнографические и т. п. Они не отражаются в каких-либо конкретных языковых фактах. Суперфакторы существуют в сознании самих носителей чебоксарского региолекта в спящем состоянии в качестве удобных и привычных ориентиров, но отчетливо осознаются приезжими из других регионов. В итоге происходит усиление представлений о неповторимых чертах чебоксарского региолекта и его значительное обособление на фоне русского литературного языка в субъективном восприятии.

Метагеографические факторы следует признать главными, организующими другие – климатические и технологические.

Чувашия – малоизвестный и спокойный регион в России. Обычны ситуации, описанные в следующих эпизодах: «Спрашивают: откуда? – Отвечаю: из Чебоксар. – А где это? – «Между Нижним Новгородом и Казанью. Смотрят на карту: а где тут место для Чебоксар?» (Андрей И., студент Московского вуза); «Вам хорошо: вы в школу на оленях добираетесь» (Марина Х., детский центр «Артек»).

Между тем город вписан в изрезанный оврагами типичный чувашский ландшафт, который чебоксарцы называют холмистым. Во многом благодаря этому обстоятельству было высказано откровение одним из московских режиссеров, приехавшим сюда в начале 2010 гг. на Международный чебоксарский кинофестиваль: «Следующий фильм буду снимать в Чебоксарах – у вас отличные виды».

Важным для создания экзотического визуального ряда города выступает Чувашское плато, на котором расположены Чебоксары: оно формирует географический образ столицы Чувашской Республики как города на возвышенности со сходящимся в районе речного порта пологого спуска к берегу Волги. Волга, кстати, – мощный градоорганизующий объект. «В Саранске хорошо!» – «В Чебоксарах лучше: у вас Волга, и этим все сказано» (Нина А., преподаватель из Саранска).

Климатические факторы общие для значительной территории Среднего Поволжья. В Чувашии климат умеренно континентальный с четко выраженными сезонами года. Здесь фиксируется высокая влажность, которая в сочетании с ветром превращает даже небольшой минус в мороз. По признанию студентов из Якутии, посетивших Чувашию поздней осенью, в Чебоксарах даже при шести градусах ниже нуля кажется морозней, чем при минус 30 в Якутске.

Климатическая инаковость Чувашии резко осознается при быстрой смене места пребывания – по приезде сюда из региона с другими погодными условиями: «Канун новогодних праздников. Студентка столичного вуза на железнодорожном вокзале Чебоксар: «Снег! Какое счастье...» (Владислав Г., попутчик студентки).

Антропологические факторы сводятся к доминированию в Чебоксарах людей с физическими параметрами, типичными для чувашского народа: они в основном имеют средний рост, миндалевидные глаза темного цвета, прямой короткий нос, широкое лицо, выступающие скулы, в целом представляя смешанный монголоидно-европеоидный тип с преобладанием европейских черт. «Необычно видеть много людей с темными волосами. Где привычные нам блондинки?..» (Елена Л., преподаватель сценической речи из московского вуза в первый день проведения занятий в Чувашском государственном институте культуры и искусств).

Технологические факторы, касающиеся практически всего того, что связано с цивилизационным процессом в его материальном выражении, регулируются достижениями инженерной мысли, так или иначе однотипно проявляемой по всей стране. В первую очередь конкретный образ города формируется благодаря его архитектурному содержанию.

Чебоксары отличаются незначительным числом строений дооктябрьской архитектуры, и совершенно справедливо у приезжих складывается впечатление о городе без исторического прошлого. Между тем город основан в 1469 г., однако Чебоксарская ГЭС в 1970 гг. поглотила его историческую часть. Тем не менее следует признать, что даже современные архитектурные сооружения по умолчанию здесь выразительны на фоне других городов: иначе воспринимаются материалы строительства и их цвет, сорасположение самих зданий, определяемое ландшафтом, их этажность, историко-культурная значимость.

Иные важные технологические факторы, формирующие неповторимость Чебоксар: система общественного транспорта, качество дорог, ценовая характеристика автомобилей и даже организация дорожного движения, казалось бы, строго регулируемая правилами, не обходится без региональной спецификации. По сути же в технологическом плане в Чебоксарах все немного иначе, чем в других городах.

Психологические факторы представлены национальными чертами, присущими чувашам: трудолюбием, общинностью, умеренной ксенофобией, миноритарностью самовосприятия, этнонигилистическим сознанием, а также свойством приbedняться и закрытостью. Многие особенности чувашского менталитета выполняют скрытую функцию сохранения этноса, подстраиваясь под нормы цивилизованного поведения.

Приезжие нередко отмечают своеобразие психологии местного населения: «В Чебоксарах говорят, что здесь очень депрессивно – денег нет, работы нет... Но при каждой поездке в Чувашию мы замечаем: все так быстро меняется в лучшую сторону» (Светлана С., Раменское Московской обл.). В то же время сторонние эксперты делятся наблюдением, что чебоксарцам присуще развитое приватное этноцентрическое самосознание (Булат Х., студент из Казани).

Выводы

Чебоксарский региолект русского языка – его литературный вариант, сформировавшийся во второй половине XX в. под значительным чувашским влиянием. Абсолютное большинство маркеров чебоксарского региолекта, представленного всеми уровнями языковой системы, обусловлены чувашскими первоосновами и представляют собой экстраполяцию чувашских образцов. Он подвергается медленному незначительному сглаживанию литературным языком, например, чебоксарцам уже не присуще оканье, еще недавно фиксируемое исследователями [Kashkarova, 2021], однако чебоксарский региолект обладает тотальной воспроизводимостью чувашеобусловленных специфических черт и даже более – нарочито используется в форме подражания русской речи чувашей [Фомин, 2018].

Значительным условием функционирования чебоксарского региолекта является его обуславливающие основы: исторические события, географические условия, социальная политика, демографические и лингво-контактологические факторы [Ерина, Фомин, 2018].

Представляется, специфическое восприятие речи чебоксарцев преувеличено: жители города говорят на обычном русском литературном языке с незначительными отступлениями. Но на субъективном уровне здесь проявляется такая важная особенность, как неповторимость географического расположения республики, этногенеза чувашского народа, истории его

столицы с архитектурными, логистическими, климатическими и иными составляющими. Экстралингвистические суперфакторы много усиливают впечатления о своеобразных чертах языкового поведения чебоксарцев, синкретично поддерживают уникальность регионального начала, проявляемого в том числе и в речи.

Список литературы

- Алос-и-Фонт Э. Отношение молодых русскоязычных жителей Чебоксар к чувашскому языку: опыт качественного исследования // *Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме*. Чебоксары, 2012. С. 82–97. EDN [TWJBML](#)
- Алос-и-Фонт Э. Чувашский язык в Чебоксарской агломерации (на материале г. Новочебоксарск и крупных населенных пунктов Чебоксарского района) // *Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств*. 2014. №9. С. 4–11.
- Алос-и-Фонт Э. Языковой сдвиг в Чебоксарах: результаты опроса старшеклассников // *Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике*. Чебоксары, 2015. С. 35–47. EDN [VDNKRZ](#)
- Анисимова И. Н. Некоторые лексические особенности функционирования русского языка в Чувашии // *Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы*. Казань, 2016. С. 9–11. EDN [XGNMTL](#)
- Гаврилова И. В. Актуальная чувашская лексика в русской речи жителей г. Чебоксары // *Linguistic typology 2: проблемы лингвистической типологии и культурологии*. Ижевск, 2021. С. 59–64. EDN [KLYYSO](#)
- Долгова А. П. Об изменении в ситуации с родными языками в школах Чувашии: взгляд из региона // *Родной язык*. 2020. №1. С. 25–48. EDN [RHAEH](#)
- Ерина Т. Н., Фомин Э. В. *Говорят Чебоксары*: монография. Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2021. 168 с. EDN [TOHNQF](#)
- Ерина Т. Н., Фомин Э. В. Экстралингвистические факторы функционирования чебоксарского региолекта // *Русский язык в условиях би- и полилингвизма*. Киров, 2018. С. 49–52. EDN [UPENFS](#)
- Мышкин З. Ф. Чувашизмы в речи жителей г. Чебоксары // *Культура и искусство: традиции и современность*. Чебоксары, 2013. С. 150–153.
- Романова Т. Н. Неофициальные урбанонимы городов Чебоксары и Новочебоксарск // *Ашмаринские чтения*. Чебоксары, 2019. С. 49–51. EDN [OEWXFG](#)
- Фомин Э. В. Имитация чувашского акцента в русской речи // *Языковые контакты народов Поволжья и Урала*. Чебоксары, 2018. С. 48–51. EDN [XVTCDJ](#)
- Kashkarova P. Phonetic variation and change of Russian in the city of Cheboksary // *Sociolinguistics*. 2021. №4. P. 86–100. DOI [10.37892/2713-2951-4-8-86-100](#) EDN [EXISSV](#)

References

- Alos-i-Font E. (2012). The attitude of young Russian-speaking residents of Cheboksary to the Chuvash language: the experience of a qualitative study. *Chuvashi i ikh sosedi: etnokul'turnyy dialog v prostranstvenno-vremennom kontinuumе = Chuvash and their neighbors: ethnocultural dialogue in the space-time continuum*, 82–97. EDN: [TWJBML](#)
- Alos-i-Font E. (2014). Chuvash language in the Cheboksary agglomeration (on the material of the city of Novocheboksarsk and large settlements of the Cheboksary region). *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Chuvash State Institute of Culture and Arts*, 9, 4–11.
- Alos-i-Font E. (2015). Language shift in Cheboksary: results of a survey among upper-secondary school student. *Issledovanie yazykovoy situatsii v Chuvashskoy Respublike = Study of the language situation in the Chuvash Republic*, 35–47. EDN: [VDNKRZ](#)
- Anisimova I.N. (2016). Some lexical features of the functioning of the Russian language in Chuvashia. *Nauchnoe nasledie V. A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly = The scientific heritage of V. A. Bogoroditsky and the modern vector of research of the Kazan Linguistic School*, 9–11. EDN: [XGNMTL](#)
- Gavrilova I. V. (2021). Actual Chuvash vocabulary in the Russian speech of the residents of Cheboksary. *Linguistic typology 2: problems of linguistic typology and cultural studies*, 59–64. EDN: [KLYYSO](#)
- Dolgorova A. P. (2020). The changing situation with native languages in the schools of Chuvashia. *Rodnoy yazyk = Native language*, 1, 25–48. EDN: [RHAEH](#)
- Erina T. N., & Fomin E. V. (2021). *Cheboksary talking*. Chuvash State University Publ. EDN: [TOHNQF](#)
- Erina T. N., & Fomin E. V. (2018). Extralinguistic factors of functioning of the Cheboksary region. *Russkiy yazyk v usloviyakh bi- i polilingvizma = Russian language in the context of bi- and multilingualism*, 49–52. EDN: [UPENFS](#)
- Myshkin Z. F. (2013). Chuvashisms in the speech of residents of Cheboksary. *Kul'tura i iskusstvo: traditsii i sovremennost' = Culture and Art: Traditions and Modernity*, 150–153.
- Romanova T. N. (2019). Unofficial urbanonyms of the cities of Cheboksary and Novocheboksarsk. *Ashmarinskie chteniya = Ashmarin Readings*, 49–51. EDN: [OEWXFG](#)

Fomin E. V. (2018). Imitation of the Chuvash accent in Russian speech. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Urala = Language contacts of the peoples of the Volga region and the Urals*, 48–51. EDN: [XVTCDJ](#)

Kashkarova P. (2021). Phonetic variation and change of Russian in the city of Cheboksary. *Sociolinguistics*, 4, 86–100. EDN: [EXISSV](#). <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-8-86-100>

Информация об авторе

Фомин Эдуард Валентинович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>; e-mail: yeresen@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.03.2023

Принята к публикации 02.05.2023

Опубликована 23.05.2023

Information about the author

Eduard V. Fomin, Cand. Sci. (Philol.), associate professor, head of department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture on Nationality and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>; e-mail: yeresen@yandex.ru

Received 23 March 2023

Accepted 02 May 2023

Published 23 May 2023

Метапредметный подход к преподаванию географии на примере изучения быта эскимосов

<https://doi.org/10.31483/r-105737>

УДК 378.016:911:392(=56)

Самигуллина Г. С.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0002-8346-5991>, e-mail: galinaterra@yandex.ru

Резюме. Целью работы является обоснование метапредметного подхода к преподаванию географии на примере изучения жизни эскимосов. На основе методов анализа психолого-педагогической литературы и технологических карт уроков проектирования метапредметного содержания учебных заданий в курсе школьной географии была выявлена и обоснована необходимость использования предметного и метапредметного подхода в их совокупности. Авторские задания на развитие у обучающихся базовых логических действий и формирование межпредметных понятий были разработаны на примере изучения жизни и быта эскимосов в условиях субарктической тундры с привлечением знаний, способов деятельности и понятий смежных дисциплин. Метапредметный подход позволил реализовать педагогический потенциал географии в образовательном процессе с использованием знаний из области истории, биологии, физики, химии. В работе выявлены межпредметные понятия при изучении жилища эскимосов. Результаты исследования апробировались в системе повышения квалификации учителей географии, биологии, химии, физики; в системе подготовки будущих учителей географии и экологии. Разработанные комплексные интегрированные задания, в которых универсальные учебные действия требуют логического продолжения с использованием межпредметных понятий, могут быть использованы при изучении дисциплин на ступени бакалавриата «Проектная деятельность в образовании», в рамках магистратуры – «Формирование метапредметных результатов обучения географии».

Ключевые слова: география, метапредметный подход, предметный подход, смежные дисциплины.

Для цитирования: Самигуллина Г.С. Метапредметный подход к преподаванию географии на примере изучения быта эскимосов // Этническая культура. 2023. Т. 5, № 2. С. 66-72. DOI 10.31483/r-105737. EDN MGVBUE

Review Article

Metasubject approach to teaching geography on the example of studying the life of the Eskimos

Galina S. Samigullina

 Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0002-8346-5991>, e-mail: galinaterra@yandex.ru

Abstract. The purpose of the work is to substantiate the meta-subject approach to teaching geography on the example of studying the life of ethnic groups. Based on the methods of analysis of psychological and pedagogical literature and technological maps of lessons taken from teachers' websites; designing the meta-subject content of educational tasks in the course of school geography, the need to use the subject and meta-subject approach in their totality was identified and justified. The author's assignments for the development of basic logical actions among students and the formation of interdisciplinary concepts were developed with the involvement of knowledge, methods of activity and concepts of related disciplines on the example of studying the life and life of the Eskimos in the subarctic tundra. The meta-subject approach made it possible to realize the pedagogical potential of geography in the educational process using the knowledge of history, biology, physics, and chemistry. Interdisciplinary concepts were revealed in the study of the dwellings of the Eskimos. The results of the study were tested in the system of advanced training for teachers of geography, biology, chemistry, physics; in the system of training future teachers of geography and ecology. The developed complex integrated tasks, in which universal learning activities require a logical continuation using interdisciplinary concepts, can be used in the study of disciplines at the bachelor's-lauric level "Project activity in education", the master's program "Formation of meta-subject learning outcomes in geography".

Keywords: subject approach, metasubject approach, related disciplines, geography.

For citation: Samigullina G.S. (2023). Metasubject approach to teaching geography on the example of studying the life of the Eskimos. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(2), 66-72. EDN: MGVBUE. <https://doi.org/10.31483/r-105737>.

Введение

Федеральный государственный стандарт основного общего образования в требованиях к результатам обучения по всем школьным предметам выделяет требования к личностным, метапредметным и предметным результатам обучения.

Личностные результаты обучения направлены на осознание самостоятельности, инициативы, мотивацию в процессе учебной деятельности; ценностные отношения к себе, окружающим людям и жизни в целом;

навыка выявления и связывания образов, способность формирования новых знаний.

Метапредметные результаты обучения с целью формирования целостной научной картины мира включают овладение универсальными учебными действиями и освоение обучающимися межпредметных понятий.

В свою очередь универсальные учебные действия подразделяются на познавательные (умение замещать, моделировать, кодировать и декодировать информацию, выполнять логические операции, включая общие

приемы решения задач); коммуникативные (уметь адекватно передавать информацию, аргументировать и обосновывать свою позицию, задавать вопросы и пр.); регулятивные (принимать и сохранять учебную цель и задачу, планировать ее реализацию, контролировать и оценивать свои действия, вносить соответствующие коррективы в их выполнение, ставить новые учебные задачи и пр.)¹.

Предметные результаты обучения в области географии прежде всего предполагают изучение географической картины мира как части единой научной картины мира; освоение обучающимися в ходе изучения учебного предмета научных знаний, умений и способов действий и научного типа мышления; интерпретацию предметных знаний, умений и способов деятельности.

Ориентация образовательных стандартов на формирование умений использовать знания для описания существенных признаков разнообразных явлений и процессов в повседневной жизни успешно решается при изучении географии.

География – единственная дисциплина, представляющая собой синтез естественнонаучных и социально-экономических ветвей науки. Содержание географии обладает огромным потенциалом формирования единой научной картины мира, но проблема заключается в том, что при всей актуальности, востребованности предметных знаний в повседневной жизни, метапредметный потенциал географии в образовательном процессе не используется. Анализ профессиональной деятельности преподавателей свидетельствует о построении образовательного процесса исключительно в узкопредметном поле, метапредметные умения сводятся к неотъемлемым общенаучным приемам и способам научного мышления исключительно на предметных знаниях. Из проанализированных 12 уроков («Масштаб плана» (шестой класс), «Тайны географических названий Краснодарского края», «Население и политическая карта Южной Америки», «Экология материков и океанов» (седьмой класс), «Географическое положение России. Разница во времени на территории России», «Человек и горы», «Города России» (восьмой класс), «Межотраслевые комплексы России и их география», «Миграции населения», «Экономика Поволжья», «Факторы размещения предприятий черной и цветной металлургии» (девятый класс), «Религиозный состав населения мира» (десятый класс)) лишь на двух уроках упоминаются межпредметные связи с упоминаемым межпредметными понятиями.

Цель исследования заключается в раскрытии возможностей выхода за пределы дисциплины, т. е. привлечение знаний, способов деятельности, понятий смежных дисциплин на примере изучения условий жизни и быта эскимосов в условиях субарктической тундры. Обозначенная проблематика соответствует программе школьного курса географии. Жилище эскимосов как модель гармоничного встраивания в окружающую природу, позволяющая выживать в арктических условиях, в качестве примера может быть использо-

вано в рамках тем уроков «Природные зоны Земли», «Хозяйственная деятельность населения мира», «Человек и климат» и пр. Кроме этого, тема быта эскимосов представляет мультидисциплинарный интерес, что позволяет реализовать метапредметный подход к преподаванию школьного курса географии.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужило содержание школьного курса географии, а также сущность и содержание методологической культуры будущего учителя, способного проектировать уроки географии и экологии на основе междисциплинарных связей.

В качестве методов исследования использовались анализ психолого-педагогической литературы и технологических карт уроков²; проектирование метапредметного содержания учебных заданий в курсе школьной географии.

Автором продолжается работа по теоретическому обобщению в виде монографии и составлению задачника, включающего реализацию метапредметного подхода к преподаванию географии на примере народов Средиземноморья, Средней Азии, Дальнего Востока.

Результаты исследования и их обсуждение

К вопросу о формировании этноэкологической культуры будущих учителей обращаются И. Ю. Арестова, М. Ю. Куприянова, Е. Г. Шаронова [Арестова, Куприянова, Шаронова, 2021]. В данной статье обосновывается актуальность обращения к формированию этноэкологической культуры будущих учителей, анализируется этноэкологическая составляющая учебных курсов, реализуемых на факультете естественнонаучного образования Чувашского педагогического университета им. И. Я. Яковлева. Работа авторского коллектива носит обобщающий характер и не раскрывает возможности междисциплинарного обмена знаниями.

М. П. Камаева в статье «Этническое самосознание студентов и его развитие в процессе изучения дисциплины «Теория и методика этнокультурного образования» отмечает факт адаптации этносов к окружающему миру, упоминает культурологический подход В. С. Библера, Е. В. Бондаревской [Камаева, Этническое, 2021, с. 64]. Аксиологический потенциал статьи М. П. Камаевой заключается в понимании преемственности этнокультурного образования на разных уровнях, приобщения к духовным и нравственным ценностям, сохранения исторически сложившихся этнокультурных традиций в будущем.

Представляет научный интерес эмпирическое исследование, тем же автором по проблеме этнонационального воспитания студентов творческого вуза. Автор актуализирует позитивное восприятие инокультурных явлений, подчеркивает попытки адаптировать концепции западного поликультурного воспитания на российскую действительность [Камаева, К проблеме, 2021, с. 32].

К вопросам изучения повседневной жизни северян, условий их проживания, семейных отношений,

¹ См.: Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920>).

² Конспекты уроков см.: <http://www.uroki.net/docgeo.htm>. Презентации, поурочное планирование, уроки географии см.: <http://www.mirgeografii.ru/page/2>.

правил поведения, традиций, обрядов обращается Т. Н. Николаева [Николаева, 2021, с. 37]. Несомненным достоинством статьи на примере изучения иностранным языкам с целью формирования межкультурной компетенции для социализации в мировом пространстве является обращение автора к этнокультурному компоненту [Николаева, 2021, с. 39].

Общие принципы содержания и методики метапредметной деятельности, связанных с соответствующим предметным содержанием и предметной деятельностью, обоснованы, в частности, А. В. Хуторским. С его точки зрения, метапредметное содержание образовательных стандартов должно включать в себя [Хуторской, Нынешние, 2012, с. 44]: 1) реальные объекты изучаемой действительности, в том числе фундаментальные образовательные объекты; 2) общекультурные знания об изучаемой действительности, в том числе фундаментальные проблемы; 3) общеучебные (метапредметные) умения, навыки, обобщенные способы деятельности; 4) ключевые (метапредметные) образовательные компетенции.

В реальные объекты изучаемой действительности, по А. В. Хуторскому входят природные объекты, традиции и явления культуры, социальные объекты, глобальные проблемы человечества и т. д., имеющие географическое измерение [Хуторской, Метапредметное, 2012, с. 43–46].

Объект, феномен, изучаемый несколькими дисциплинами, рассматривается в работах Т. Е. Титовец [Титовец, 2010, с. 68]. Создание новшества требует не только методологической обоснованности выбора решения в свете научных традиций, но и способности творчески переносить в качестве метафоры или модели концепты и понятия, принципы и модели из других дисциплин.

По мнению В. А. Столбова, сущность метагеографии сводится к существованию географической материи, сформировавшейся как необходимой и обязательной предпосылки появления человека в результате действия комплекса естественных условий и ресурсов, субстратом которого служит территория [Столбов, 2021, с. 375].

Анализ научных трудов, посвященных изучению этнических проблем, при всем понимании воспитания позитивного восприятия инокультурных явлений, преемственности этнокультурного образования на различных уровнях, сохранения исторически сложившихся этнокультурных традиций в будущем, показал, что в данное время отсутствуют теоретические обоснования и практические наработки реализации метапредметного подхода на примере изучения этносов.

Рассмотрим метапредметный аспект изучения особенностей жилищ североамериканских эскимосов. Изучение особенностей жилищ североамериканских эскимосов как метапредметного объекта позволяет формировать ключевые (метапредметные) образовательные компетенции, поскольку учащиеся вовлекаются в ситуацию осмысленного применения междисциплинарного комплекса знаний, умений и способов деятельности.

В процессе знакомства с иглу у учащихся формируется интерес к традициям других народов (эстетическое воспитание); ориентация на применение географических знаний и знаний смежных дисциплин в

процессе строительства иглу без возможных последствий для окружающей среды (экологическое воспитание); изучение закономерностей взаимодействия триединства человека-природы-общества, формирование навыков исследовательской деятельности.

В процессе подготовки будущих учителей географии и экологии автором статьи были разработаны и предложены студентам междисциплинарные задания с целью диагностики качества холистического понимания феномена³ на примере жилищ эскимосов. Так, например, были разработаны следующие задания на базовые логические действия и межпредметные понятия с целью изучения жилища североамериканских эскимосов:

1. При изучении какого школьного курса (раздела, темы) можно использовать иглу как метапредметный объект?
2. Сравните климат арктического и субарктического пояса?
3. В условиях какого климата и времени года сооружаются иглу?
4. В какой природной зоне сооружаются иглу?
5. Жилищем какого народа является иглу?
6. О чем свидетельствует этимология слова «иглу»?
7. Какие особенности природных условий используются при строительстве жилища?
8. Какие свойства снега используются эскимосами при сооружении иглу?
9. Какие архитектурные особенности построения иглу и свойства снега способствуют сохранению тепла жилища?
10. Какие ресурсы используются для обогрева иглу?
11. Чем объяснить, что вход в жилище высотой в половину человеческого роста имеет коленообразную форму?
12. Какие физические законы и явления в организации быта и проживания человека учтены при сооружении иглу?
13. Сравните иглу с жилищами других северных народов, объясните различия.
14. Оцените влияние природно-климатических явлений и иглу на качество жизни человека и качество окружающей его среды.

Ответы на поставленные вопросы требуют выхода за пределы предметных знаний и способов деятельности, привлечения знаний и способов деятельности смежных дисциплин: истории, биологии, физики, химии. В процессе выполнения заданий обучающимся необходимо использовать следующие метапредметные понятия: всасываемость, конвекция, теплопроводность купола, теплозащитные свойства снега, температура, дыхание, углекислый газ, мездра (подкожная часть шкуры) оленьих шкур.

В таблице 1, составленной согласно требованиям образовательным стандартам, рассмотрено содержание предметных, познавательных универсальных учебных действий и межпредметных понятий, формируемых у обучающихся в процессе выполнения предложенных заданий.

³ Подробнее см.: Самигуллина Г. С. Холистическая парадигма в процессе повышения квалификации учителей географии и смежных дисциплин // География в школе. 2018. № 8. С. 47–50.

Таблица 1. Содержание предметных, познавательных универсальных учебных действий и межпредметных понятий при изучении жилища эскимосов

Table 1. The content of subject, cognitive universal educational activities and interdisciplinary concepts in the study of the dwelling of the Eskimos

№	Требования ФГОС к освоению предметных результатов программ основного общего образования по географии	Познавательные универсальные учебные действия	Межпредметные понятия
1	2	3	4
	освоение и применение системы знаний о размещении и основных свойствах географических объектов, понимание роли географии в формировании качества жизни человека и окружающей его среды на планете Земля	базовые логические действия: выявлять и характеризовать существенные признаки погоды, климата, циркуляции атмосферы арктической пустыни и субарктической тундры (влажность, давление, температура воздуха, осадки); базовые исследовательские действия: постановка проблемных вопросов о различии арктического и субарктического климата; работа с информацией: физическая карта Северной Америки, климатические карты, карта природных зон (вопросы 1–2)	влажность, давление, испаряемость, циркуляция
	освоение и применение системы знаний об основных географических закономерностях, определяющих развитие человеческого общества с древности до наших дней в социальной, экономической, политической, научной и культурной сферах	базовые логические действия: изучить историю заселения зоны тундры; выявить влияние климата тундры на жизнь эскимосов; базовые исследовательские действия: постановка вопросов как исследовательского инструмента познания по этимологии названия жилища, поиска аналогий с другими народами планеты; работа с информацией: учебники истории, интернет-ресурсы и пр. (вопросы 3–6)	история народов мира, этимология «иглу»; обычаи, традиции народов Севера
	овладение базовыми географическими понятиями и знаниями географической терминологии и их использование для решения учебных и практических задач	базовые логические действия: выявление и характеристика существенных признаков природно-климатических явлений зоны тундры. Базовые исследовательские действия: поиск ответов на исследовательские вопросы о выживаемости в зоне арктической пустыни и тундры; работа с информацией: (вопросы 1–4)	атмосфера, погода, климат, влажность, давление, температура воздуха, осадки
	умение сравнивать изученные географические объекты, явления и процессы на основе выделения их существенных признаков	базовые логические действия: установить основания для обобщения и сравнения жилищ народов Севера с точки зрения природно-климатических особенностей; базовые исследовательские действия: объяснить причины различия жилищ народов Севера; работа с информацией (вопрос 13)	конвекция, теплозащитные свойства снега, плотность снега, теплозащитные свойства снега, теплопроводность купола, коленообразный вход в иглу; продукты дыхания, жизнедеятельности человека

1	2	3	4
	умение классифицировать географические объекты и явления на основе их известных характерных свойств	базовые логические действия: сравнение жилищ северных народов; базовые исследовательские действия: ответы на вопросы отличия иглу и жилищ других северных народов; работа с информацией (вопрос 13)	жилища северных народов: ханты, манси, саами и др.
	умение устанавливать взаимосвязи между изученными природными, социальными и экономическими явлениями и процессами, реально наблюдаемыми географическими явлениями и процессами	базовые логические действия: выявлять причинно-следственные связи при изучении особенностей использования человеком иглу с привлечением знаний и способов деятельности смежных дисциплин; базовые исследовательские действия: прогнозировать возможное дальнейшее использование иглу в новых условиях и контекстах; работа с информацией (вопросы 7–12)	конвекция, теплозащитные свойства снега, конденсация, плотность снега, теплозащитные свойства снега, теплопроводность купола, коленообразный вход в иглу; продукты дыхания, жизнедеятельности человека, мездра
	умение использовать географические знания для описания существенных признаков разнообразных явлений и процессов в повседневной жизни	базовые логические действия: выявлять и характеризовать существенные признаки природно-климатических явлений; базовые исследовательские действия: проведение исследования по установлению особенностей иглу, связанных с особенностями климата; работа с информацией (вопросы 1–4)	температура, абсолютная и относительная влажность, атмосферное давление, циркуляция атмосферы
	умение объяснять влияние изученных географических объектов и явлений на качество жизни человека и качество окружающей его среды	базовые логические действия: выявлять закономерности и противоречия в процессе изучения жилища эскимосов; базовые исследовательские действия: формировать доказательства пригодности иглу для проживания с привлечением междисциплинарного комплекса знаний, умений и способов деятельности; работа с информацией (вопрос 9)	конвекция, теплозащитные свойства снега, конденсация, плотность снега, теплозащитные свойства снега, теплопроводность купола, коленообразный вход в иглу; продукты дыхания, жизнедеятельности человека, мездра
	умение выбирать и использовать источники географической информации для решения учебных, практико-ориентированных задач, практических задач в повседневной жизни	базовые логические действия: выявлять дефициты информации в пределах географии, привлечение данных из других дисциплин, необходимых для решения поставленной задачи; базовые исследовательские действия: оценивать на применимость и достоверность информации, полученной в ходе исследования; работа с информацией (вопросы 8–12)	учебники, справочники по смежным дисциплинам; дискретные и непрерывные, первичные и вторичные источники; виртуальная информационная среда, документы

1	2	3	4
	умение представлять в различных формах географическую информацию, необходимую для решения учебных и практико-ориентированных задач	базовые логические действия: самостоятельно выбирать способ решения и представления учебной задачи (таблицы, презентации, фото- и видеодокументы, формулы, тексты); базовые исследовательские действия: оценивать на применимость и достоверность информации, полученной в ходе исследования; работа с информацией (вопросы 1–14)	решение прямых и обратных задач, имплицитная информация, компьютерная модель, информационная модель, алгоритм задачи
	умение оценивать характер взаимодействия деятельности человека и компонентов природы в разных географических условиях с точки зрения концепции устойчивого развития	базовые логические действия: делать выводы с использованием дедуктивных и индуктивных умозаключений, умозаключений по аналогии, формулировать гипотезы о взаимосвязях; базовые исследовательские действия: прогнозировать возможное дальнейшее развитие процессов, событий и их последствия в аналогичных или сходных ситуациях, выдвигать предположения об их развитии в новых условиях и контекстах; работа с информацией (вопросы 13–14)	схематизация, декодирование; решение прямых, обратных, ситуативных, графических, аналитических, численных задач, прогнозирование, перенос общих способов в реальную жизнь
	умение решать практические задачи геоэкологического содержания для определения качества окружающей среды	базовые логические действия: с учетом предложенной задачи выявлять закономерности и противоречия в рассматриваемых фактах, данных и наблюдениях; базовые исследовательские действия: прогнозировать возможное дальнейшее развитие процессов, событий и их последствия в аналогичных или сходных ситуациях, выдвигать предположения об их развитии в новых условиях и контекстах; работа с информацией (вопросы 7, 9, 11, 14)	решение прямых, обратных, ситуативных, графических, аналитических, численных задач, прогнозирование; стратегии творческой деятельности (интуитивного, систематизированного, упорядоченного поиска)

Таким образом, межпредметные понятия, формируемые на основе темы «Жилище эскимосов» преимущественно относятся к биологии, химии и физике.

Биология позволяет объяснить такие явления, как устройство ночлега с использованием свойств меха оленей (мездры). Знания из сферы биологии и химии позволяют объяснить скапливание в самой низкой части жилища выдыхаемого углекислого газа CO₂. Знания из области химии и физики помогают объяснить куполообразное строение жилища, причину нетаяния стен, подъема продуктов горения кострища, на котором готовят еду. На примере изучения иглу в полной мере реализуется метапредметный подход к преподаванию школьных дисциплин. Через привлечение межпредметных связей решается проблема, актуализированная

в концепции развития географического образования в Российской Федерации в части связей географии как синтетического предмета с дисциплинами естественнонаучного цикла.

Выводы

Анализ психолого-педагогической литературы и технологических карт уроков, опыт проектирования метапредметного содержания учебных заданий в курсе школьной географии убеждают в необходимости технологического и методического сопровождения полноценной реализации метапредметного подхода в образовательном процессе. Результаты исследования позволяют заключить, что для формирования у обучающихся единой научной картины мира, полноценного

изучения разнообразных процессов и явлений окружающей действительности необходимо привлекать знания и способы деятельности из смежных дисциплин.

Разработанные комплексные интегрированные задания, в которых универсальные учебные действия требуют логического продолжения с использованием

межпредметных понятий, могут быть использованы при изучении дисциплин «Проектная деятельность в образовании» на ступени бакалавриата, «Формирование метапредметных результатов обучения географии» – в рамках магистратуры.

Список литературы

Арестова И. Ю., Куприянова М. Ю., Шаронова Е. Г. К вопросу о формировании этноэкологической культуры будущих учителей // Этническая культура. 2021. Т. 3, №4. С. 62–68. DOI [10.31483/r-100623](https://doi.org/10.31483/r-100623) EDN [XVBKJP](https://www.edn.ru/10.31483/r-100623)

Камаева М. П. К проблеме этнонационального воспитания студентов творческого вуза // Этническая культура. 2021. Т. 3, №3. С. 32–36. DOI [10.31483/r-99406](https://doi.org/10.31483/r-99406) EDN [YBOADD](https://www.edn.ru/10.31483/r-99406)

Камаева М. П. Этническое самосознание студентов и его развитие в процессе изучения дисциплины «Теория и методика этнокультурного образования» // Этническая культура. 2021. Т. 3, №1. С. 62–66. DOI [10.31483/r-97945](https://doi.org/10.31483/r-97945) EDN [KXAFVJ](https://www.edn.ru/10.31483/r-97945)

Николаева Т. Н. Этнокультурный компонент содержания образования в межкультурном контексте // Этническая культура. 2021. Т. 3, №3. С. 37–39. DOI [10.31483/r-99017](https://doi.org/10.31483/r-99017) EDN [MSOUIY](https://www.edn.ru/10.31483/r-99017)

Столбов В. А. География и проблемы современности: взгляд с позиции метагеографии // Настоящее и будущее России в меняющемся мире: общественно-географический анализ и прогноз. Ижевск: Удмуртский университет, 2021. С. 371–376. EDN [EFEXBB](https://www.edn.ru/10.31483/r-99017)

Титовец Т. Е. Место междисциплинарной интеграции в развитии методологической культуры будущего учителя // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2010. №1. С. 64–73. DOI: [10.51314/2073-2635-2010-1-64-73](https://doi.org/10.51314/2073-2635-2010-1-64-73) EDN [MSTIZR](https://www.edn.ru/10.51314/2073-2635-2010-1-64-73)

Хуторской А. В. Метапредметное содержание в стандартах нового поколения // Школьные технологии. 2012. №4. С. 36–47. EDN [PENBBF](https://www.edn.ru/10.31483/r-99017)

Хуторской А. В. Нынешние стандарты нужно менять, наполнять их метапредметным содержанием образования // Народное образование. 2012. №4. С. 36–48. EDN [OXSPVX](https://www.edn.ru/10.31483/r-99017)

References

Arestova I.Y., Kupriyanova M.Y., & Sharonova E.G. (2021). Development of ethno-environmental culture among future teachers. *Ethnic Culture*, 3(4), 62-68. <https://doi.org/10.31483/r-100623> EDN: [XVBKJP](https://www.edn.ru/10.31483/r-100623)

Kamaeva M.P. (2021). On the Problem of Ethno-National Education of Artschool. *Ethnic Culture*, 3(3), 32-36. <https://doi.org/10.31483/r-99406> EDN: [YBOADD](https://www.edn.ru/10.31483/r-99406)

Kamaeva M.P. (2021). Ethnic Self-Consciousness of Students and its Development in the Process of Studying the Discipline “Theory and Methods of Ethnocultural Education”. *Ethnic Culture*, 3(1), 62-66. <https://doi.org/10.31483/r-97945> EDN: [KXAFVJ](https://www.edn.ru/10.31483/r-97945)

Nikolaeva T.N. (2021). Ethnocultural Component of Content of Education in Intercultural Context. *Ethnic Culture*, 3(3), 37-39. <https://doi.org/10.31483/r-99017> EDN: [MSOUIY](https://www.edn.ru/10.31483/r-99017)

Stolbov V. A. (2021). Geography and modern problems: a view from the perspective of metageography. *Nastoyashchee i budushchee Rossii v menyayushchemsya mire: obshchestvenno-geograficheskij analiz i prognoz*, 371–376. EDN: [EFEXBB](https://www.edn.ru/10.31483/r-99017)

Titovets T. E. (2010). The place of interdisciplinary integration in development of the teacher’s methodology culture. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*, 1, 64–73. <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2010-1-64-73> EDN: [MSTIZR](https://www.edn.ru/10.51314/2073-2635-2010-1-64-73)

Hutorskoj A. V. (2012). Meta-subject content in standards of next generation. *Shkol'nye tekhnologii*, 4, 36–47. EDN: [PENBBF](https://www.edn.ru/10.31483/r-99017)

Hutorskoj A. V. (2012). Nyneshnie standarty nuzhno menyat', napolnyat' ih metapredmetnym sodержaniem obrazovaniya. *Narodnoe obrazovanie*, 4, 36–48. EDN: [OXSPVX](https://www.edn.ru/10.31483/r-99017)

Информация об авторе

Самигуллина Галина Савельевна – кандидат педагогических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8346-5991>;
e-mail: galinaterra@yandex.ru

Information about the author

Galina S. Samigullina – Cand. Sci. (Educ.), sciences, associate professor, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation.;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8346-5991>;
e-mail: galinaterra@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.03.2023

Принята к публикации 02.05.2023

Опубликована 24.05.2023

Received 15 March 2023

Accepted 02 May 2023

Published 24 May 2023